

Записки Н. А. фонъ-Розенбаха ¹⁾.

На страницахъ этой тетради хочу занести воспоминанія изъ моей жизни съ самаго производства въ офицеры.

Высочайшимъ приказомъ отъ 17 июня 1854 года я былъ произведенъ изъ унтеръ-офицеровъ Школы Гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ въ прапорщики Л.-гв. Преображенскаго полка. Производство въ этотъ полкъ состоялось благодаря милостивому ходатайству Е. И. В. Главнаго Начальника военно-учебныхъ заведеній Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича. Въ Л.-Гв. Преображенскомъ полку ваканцій не было, на производство сверхъ вакансій имѣлъ право одинъ фельдфебель школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ, но такъ какъ я былъ первый по выпуску и мое имя было занесено на мраморную доску, то Командиръ Школы генералъ-маіоръ Сутгофъ, сдѣлалъ обо мнѣ особое представленіе и мнѣ была предоставлена ваканція внѣ правилъ для производства въ Преображенскій полкъ.

Л.-Гв. Преображенскій полкъ былъ переполненъ офицерами; я сталъ 50-мъ прапорщикомъ, но благодаря тому, что въ 1854 году былъ сформированъ 5-ый, а вслѣдъ за нимъ и 6-ой батальонъ, и вслѣдствіе этого комплектъ офицеровъ увеличенъ, я былъ произведенъ уже 30-го августа 1855 года въ подпоручики. Преображенскимъ полкомъ командовалъ въ то время С. Е. В. генералъ-маіоръ графъ Э. Т. Барановъ, человекъ

¹⁾ Приступаемъ къ печатанію въ хронологическомъ порядкѣ интересныхъ записокъ Николая Антоновича фонъ-Розенбаха, бывшаго турецкаго генералъ-губернатора, начальника штаба Петроградскаго, военного округа и гвардейскаго корпуса.

во всѣхъ отношеніяхъ превосходный. Я былъ зачисленъ по производствѣ въ 3-ій батальонъ въ 7-ю роту. Батальономъ командовалъ полковникъ М. П. Лярскій, ротою капитанъ Тимротъ.

Преображенскій полкъ былъ расположенъ лѣтомъ 1854 года въ Петергофѣ, для охраны города отъ могущаго произойти десанта англо-французскаго флота. Въ Александріи, Царской резиденціи, выставлялся ежедневно ночью караулъ на берегу моря отъ полка.

Л.-Гв. Преображенскій полкъ пользовался со стороны Императора Николая Павловича особымъ вниманіемъ; изъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ это былъ его налюбимѣйшій полкъ. Живо сохранилось въ моей памяти воспоминаніе о полковомъ праздникѣ 6-го августа въ 1854 году.

Послѣ обѣда, бывшаго въ большомъ Петергофскомъ дворцѣ, Императоръ Николай подошелъ къ офицерамъ полка и сказалъ имъ: „Помните, господа, что Моя семья и Преображенскій полкъ составляютъ одну семью“.

Въ августѣ 1854 года былъ сформированъ изъ 4-го, 5 и 6-го батальоновъ Л.-Гв. Преображенскій резервный полкъ.

Дѣйствующій полкъ, въ составѣ 1-го, 2-го и 3-го батальоновъ, выступилъ въ сентябрѣ подъ начальствомъ графа Баранова въ Литву, гдѣ сосредоточился дѣйствующій гвардейскій корпусъ подъ начальствомъ генерала-отъ-артиллеріи Сумарокова.

Командиромъ Л.-Гв. Преображенскаго резервнаго полка былъ назначенъ С. Е. В. генералъ-маіоръ князь С. М. Воронцовъ, сынъ кавказскаго намѣстника. Въ этотъ полкъ и я былъ переведенъ съ зачисленіемъ въ 5-ю гренадерскую роту. Весьма мнѣ было прискорбно не выступить съ товарищами въ походъ, но пришлось безропотно подчиниться своей участи; на то была воля начальства..

Для укомплектованія дѣйствующаго полка было приступлено, въ началѣ 1855 года, къ сформированію маршеваго батальона. Я былъ зачисленъ въ составъ этого батальона на должность адъютанта и казначея.

Назначеніе это состоялось вслѣдствіе слѣдующихъ обстоятельствъ.

Незадолго до сформированія маршеваго батальона, былъ прикомандированъ къ Л.-Гв. Преображенскому резервному полку старшій адъютантъ штаба 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, Л.-Гв. Московскаго полка капитанъ Батуриный для исправленія должности младшаго штабъ-офицера.

Офицеры Преображенскаго полка встрѣтили капитана Батурина весьма недружелюбно и показывали ему явное невниманіе, дошедшее до того, что когда офицеръ этотъ былъ дежурнымъ по карауламъ и прибылъ къ выстроенному на плацу наряженному въ караулъ батальону, никто изъ начальниковъ караула не всталъ для встрѣчи его на свое мѣсто.

Руководствуясь мыслью, что ктобы ни былъ дежурнымъ по карауламъ, ему должны быть оказаны должныя почести, я сталъ при приближеніи капитана Батурина на правый флангъ своего караула.

Капитанъ Батуринъ не забылъ этого случая, и когда черезъ нѣсколько времени на него было возложено командованіе маршевымъ батальономъ и отводъ этого батальона въ г. Бѣлостокъ, гдѣ стоялъ дѣйствующій полкъ, онъ обратился къ генералу-маіору князю Воронцову съ настойчивою просьбою назначить меня адъютантомъ маршеваго батальона, на что и послѣдовало согласіе князя.

Вышеописанный ничтожный случай имѣлъ рѣшающее вліяніе на мою дальнѣйшую службу.

Въ виду того, что на адъютанта маршеваго батальона были возложены и обязанности казначея и квартирмейстера, то мнѣ предстоялъ обширный кругъ дѣятельности, къ которой я, какъ только-что произведенный офицеръ, вовсе не былъ подготовленъ.

Пользуясь нѣсколькими недѣлями, оставшимися до отправления батальона въ походъ, я съ всевозможною энергіею взялся за изученіе законовъ и разныхъ военныхъ положеній. Въ мое распоряженіе былъ назначенъ всего одинъ 18-ти лѣтній писарь, пригодный только для переписки бумагъ, и такимъ образомъ составленіе требованій, отчетность, словомъ, все дѣлопроизводство пало исключительно на меня. Къ этому слѣдуетъ присовокупить, что со стороны чиновъ штаба Преображенскаго полка ничего не было сдѣлано для облегченія моего положенія. Полковой адъютантъ поручикъ Козень, передавая списки нижнихъ чиновъ батальона, предупредилъ меня, что не отвѣчаетъ за вѣрность ихъ, и просилъ ихъ провѣрить во время марша,

Капитанъ Батуринъ былъ человѣкъ добрый и благородный, но въ высшей степени не дѣловой; отъ него я не могъ ожидать ни совѣтовъ, ни указаній. Мое положеніе было дѣйствительно трагическое.

Но съ Божьею помощью мнѣ удалось перебороть всѣ затрудненія.

12 февраля маршевый батальонъ Преображенскаго полка

представился въ Инженерномъ манежѣ на смотръ Императору Николаю. Это была послѣдняя часть, удостоившаяся этого счастья. Черезъ недѣлю незабвеннаго Императора не стало.

14 февраля батальонъ выступилъ въ походъ при морозѣ въ 20 градусовъ. 18-го, во время ночлега на станціи Ящеры, мы узнали отъ проѣзжающаго курьера въ Варшаву о кончинѣ Императора. Какъ громомъ поразило насъ это извѣстіе. Горькія слезы проливали офицеры и солдаты. Покойный Императоръ пользовался горячею любовью войскъ; въ особенности сильно было это чувство у чиновъ Преображенскаго полка, избалованнаго постоянными къ нему милостями Незабвеннаго Монарха.

Въ началѣ марта во время ночлега батальона, не помню именно въ какой деревнѣ, капитанъ Батуринъ былъ внезапно вытребованъ на почтовую станцію къ командиру Преображенскаго дѣйствующаго полка графу Баранову, проѣзжавшему изъ Бѣлостока въ Петербургъ, куда онъ былъ вызванъ вступившимъ на престолъ Императоромъ Александромъ II, назначившимъ его начальникомъ штаба гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ.

Графъ Барановъ, интересуясь состояніемъ маршеваго батальона, потребовалъ отъ капитана Батурина подробныя свѣдѣнія относительно состава, снаряженія и продовольствія батальона. Представленные капитаномъ Батуринымъ свѣдѣнія были настолько смутны и неопредѣленны, что графъ пожелалъ узнать, кто бы могъ ему представить болѣе точныя справки. Капитанъ Батуринъ указалъ на меня, и немедленно вытребованный къ графу Баранову, я ему въ подробности объяснилъ все относящееся до батальона. Графъ настолько былъ удовлетворенъ моими отвѣтами, что когда вторично обогналъ батальонъ, при проѣздѣ изъ Петербурга въ Бѣлостокъ, куда ѣхалъ для сдачи полка, онъ прямо потребовалъ меня къ себѣ. Я вторично удостоился полного одобренія графа за все мною сдѣланное, и онъ настолько оцѣнилъ мою дѣятельность, что по пріѣздѣ въ Бѣлостокъ прямо заявилъ офицерамъ, что если батальонъ благополучно и въ порядкѣ дойдетъ до Бѣлостока, полкъ исключительно мнѣ будетъ въ этомъ обязанъ.

До Вильны батальонъ дошелъ прекрасно, оставивъ въ пути нѣсколько человѣкъ больныхъ. Но тутъ наступила полная распутица, въ Литвѣ свирѣпствовалъ пятнистый тифъ, появилась въ батальонѣ масса больныхъ этою болѣзнию и въ каждомъ изъ попутныхъ городовъ пришлось оставить по нѣсколько десятковъ больныхъ. Врачебный персоналъ заключался въ одномъ врачѣ на два батальона (Преображенскій и Семеновскій) и въ одномъ

фельдшеръ на батальонъ. Часто слѣдовало при батальонѣ 20—30 больныхъ тифомъ, на ночлегахъ фельдшеръ не успѣвалъ оказывать каждому больному нужную помощь, и тутъ я являлся ему по мѣрѣ силъ ревностнымъ помощникомъ. Неоднократно приходилось мнѣ проводить нѣсколько часовъ въ крошечной избѣ, переполненной больными.

Можно только удивиться какъ я уцѣлѣлъ и не захворалъ тифомъ.

10-го мая батальонъ вступилъ въ Бѣлостокъ. Графа Баранова тамъ уже не было, но общество офицеровъ встрѣтило меня самымъ радушнымъ образомъ и устроило въ честь меня обѣдъ. Капитанъ Батуринъ уѣхалъ немедленно, поручивъ мнѣ сдачу батальона, что мною и было сдѣлано вполне благополучно. Однимъ изъ счастливейшихъ дней моей жизни былъ день, когда мнѣ была вручена квитанція въ сдачу батальона. Квитанцію эту я передалъ, по возвращеніи въ Петербургъ, капитану Батурину. Онъ горячо меня благодарилъ, заявляя, что безъ моей помощи онъ попалъ бы подъ судъ. Вслѣдъ за симъ произведенный въ полковники въ л.-гв. Московскій полкъ, онъ до конца своей жизни сохранилъ ко мнѣ добрую память.

Весною 1856 года состоялось Высочайшее повелѣніе о сформированіи 1-го и 2-го гвардейскихъ стрѣлковыхъ батальоновъ. Начальникомъ сихъ батальоновъ, на правахъ начальника дивизіи, былъ назначенъ начальникъ штаба гвардейскаго корпуса генералъ-адъютантъ графъ Э. Т. Барановъ, командиромъ 1-го батальона флигель-адъютантъ графъ А. С. Строгановъ, командиромъ 2-го флигель-адъютантъ князь Барятинскій А. И.

Покойный Императоръ Александръ II очень интересовался этими батальонами. Офицеры были назначены: въ первый изъ полковъ 1-й пѣхотной дивизіи, преимущественно изъ л.-гв. Преображенскаго полка, во второй изъ полковъ 2-й гвард. пѣхотной дивизіи. Графъ Барановъ указалъ графу Строганову на меня, какъ на офицера, котораго весьма желательно было бы имѣть въ батальонѣ, вслѣдствіе чего графъ Строгановъ и предложилъ мнѣ быть переведеннымъ въ его батальонъ.

Но мнѣ служилось настолько хорошо въ Преображенскомъ полку, что я долго не рѣшался на переводъ, и только послѣ личныхъ, настойчивыхъ убожженій графа изъяснилъ на это согласіе.

Вслѣдъ за переводомъ въ 1-й стрѣлковый батальонъ я былъ назначенъ батальоннымъ казначеемъ; хозяйственныхъ комитетовъ еще не было въ то время, почему на мою долю и выпали

хлопоты по снаряженію и обмундированію батальона. Графъ Строгановъ желалъ, чтобы все было готово, какъ можно скорѣе, и въ первыхъ числахъ мая участвовали на весеннемъ парадѣ, въ числѣ другихъ войскъ, двѣ роты 1-го Стрѣлковаго батальона, и въ началѣ іюля батальонъ въ полномъ составѣ выступилъ въ Москву, гдѣ участвовалъ во всѣхъ коронаціонныхъ торжествахъ. Графъ Строгановъ былъ человѣкъ весьма образованный, прекрасныхъ душевныхъ качествъ и баринъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Денегъ онъ не жалѣлъ на батальонъ. Для всѣхъ офицеровъ были выстроены на его счетъ бараки въ лагерѣ подъ Москвою, всѣ мы ежедневно приглашались къ нему на обѣдъ, при чемъ столъ былъ превосходный, можно даже сказать роскошный.

Меня онъ съ перваго разѣ полюбилъ, и за все время его командованія батальономъ, къ сожалѣнію весьма короткаго, я постоянно пользовался его благорасположеніемъ. Я всегда вспоминаю объ этомъ времени съ особымъ удовольствіемъ.

Въ день коронаціи я удостоился получить чинъ поручика по линіи, и за отличіе орденъ Станислава 3-й степени. Мнѣ было въ то время всего 20 лѣтъ; полученныя награды доставили мнѣ громадное удовольствіе.

По окончаніи коронаціонныхъ празднествъ батальонъ возвратился въ Петербургъ, гдѣ расположился въ большихъ казармахъ Л.-Гв. Московскаго полка у Семеновскаго моста.

Весною 1857 года былъ изданъ новый воинскій строевой уставъ.

Вслѣдъ за выходомъ этого устава, было назначено въ Высочайшемъ присутствіи батальонное ученіе нашему батальону. Батальонъ приготовился какъ могъ къ этому смотру, но вслѣдствіе весьма короткаго времени знаніе устава чинами батальона было не твердое. Смотръ не удался; одна изъ командъ Государя Императора не была понята, пошла путаница, и разгнѣванный Государь прогналъ батальонъ съ плаца, при чемъ выразилъ графу Строганову свое неудовольствіе въ весьма рѣзкой формѣ. Какъ говорили впослѣдствіи, недоброжелатели графа Строганова довели до свѣдѣнія Его Величества, что батальонъ имъ до крайности распущенъ, и что Государь выѣхалъ на смотръ съ намѣреніемъ его подтянуть.

По должности батальоннаго казначея я не участвовалъ на смотрѣ. По возвращеніи батальона въ казармы графъ Строгановъ послалъ немедленно за мною. Я засталъ графа крайне взволнованнаго и огорченнаго; при его крайнемъ самолюбіи

ему было нелегко перенести гнѣвъ Государя, и къ тому же, какъ ему казалось, незаслуженный. Онъ объявилъ мнѣ, что не можетъ послѣ того, что случилось, продолжать службу, что намѣренъ подать въ отставку и спросилъ меня, можетъ ли быть все приготовлено къ сдачѣ въ 24 часа. Мои убѣжденія отказаться отъ этого намѣренія были тщетны. Мнѣ осталось только заявить, что, согласно его желанію, на другой день все будетъ готово для сдачи батальона.

Какъ намъ впослѣдствіи стало извѣстно, Государь Императоръ, съ свойственнымъ мягкосердіемъ, сожалѣя о случившемся, имѣлъ намѣреніе поручить генераль-адъютанту Плаутину поѣхать къ графу Строганову и передать ему желаніе Государя, чтобы онъ продолжалъ службу, но генераль Плаутинъ, неизвѣстно почему убѣжденный, что графъ Строгановъ ни взирая ни на что выйдетъ въ отставку, отговорилъ Его Величество отъ этого шага. Я думаю, что если намѣреніе Государя было бы приведено въ исполненіе, графъ Строгановъ остался бы на службѣ. Въ этомъ смыслѣ онъ мнѣ говорилъ нѣсколько лѣтъ спустя.

Графъ Барановъ, получивъ отъ графа Строганова прошеніе объ увольненіи отъ службы, послалъ за мною и спросилъ меня, намѣренъ ли графъ Строгановъ потребовать отъ своего преемника деньги за всѣ тѣ предметы, которые имъ заведены для батальона на собственный счетъ. Я отвѣтилъ графу, что графъ Строгановъ не только за все имъ заведенное денегъ не потребуетъ, но даже передалъ мнѣ необходимыя средства, чтобы удовлетворить подрядчика, который строилъ въ Красномъ Селѣ офицерскіе бараки, постройка которыхъ еще не была окончена. Оставаясь до послѣдней минуты *grand seigneur*’омъ, онъ не желалъ, чтобы его преемникъ расплачивался за тѣ затѣи, которыя имъ были задуманы.

Черезъ нѣсколько дней графъ Строгановъ простился съ офицерами, глубоко сожалѣвшими разстаться съ нимъ, и уѣхалъ въ деревню. Въ временное командованіе батальономъ вступилъ младшій штабъ-офицеръ, полковникъ П. П. Карцевъ, до прибытія вновь назначеннаго командира флигель-адъютанта полковника князя А. И. Шаховскаго.

Князь Шаховскій былъ человѣкъ почтенный, очень добрый, но крайне апатичный; службою онъ мало интересовался. Мнѣ стоило всегда большого труда добиться у него доклада, вся его служебная дѣятельность ограничивалась подписываніемъ бумагъ, подлежащихъ его подписи. Въ той же степени мало онъ

интересовался и строевою частью. Осенью 1859 года я принялъ на законномъ основаніи 2-ю роту. За все время моего командованія этою ротою при князѣ Шаховскомъ, т. е. съ 1859 по 1862 годъ, онъ ни разу не постилъ мою роту.

Понятно, что при подобномъ направленіи батальонъ не могъ совершенствоваться, и только благодаря прекрасному составу офицеровъ онъ не разстроился окончательно.

Въ 1862 году былъ назначенъ командиромъ нашего батальона, переименованнаго съ 1861-го года въ батальонъ Его Величества, флигель-адъютантъ полковникъ л.-гв. Преображенскаго полка А. А. Ребиндеръ. Назначеніе это совпало съ переимѣненіемъ батальона за городъ; штабъ батальона и 3 роты были переведены въ г. Павловскъ, моя рота въ Царское Село, гдѣ въ 1863 году весь батальонъ былъ сосредоточенъ.

Полковникъ Ребиндеръ былъ человекъ благородный, добрый и какъ прослужившій 15 лѣтъ въ строю, удовлетворительно знающій службу, но благодаря прирожденной нерѣшительности, вялости, онъ скоро подпалъ подъ вліяніе батальоннаго адъютанта поручика Козлова, сдѣлавшагося фактически батальоннымъ командиромъ.

Въ это время оставилъ нашъ батальонъ командиръ роты Его Величества флигель-адъютантъ капитанъ Янковскій. Рота Его Величества, которою камандовать считалось за особую честь, сдѣлалась вакантною. Полковникъ Ребиндеръ предполагалъ предложить ее мнѣ, но затѣмъ, вслѣдствіе просьбы фрейлины Великой Княгини Александры Іосифовны графини Комаровской, измѣнилъ свое намѣреніе и назначилъ командиромъ этой роты брата ея штабсъ-капитана графа Комаровскаго. Когда же нѣсколько мѣсяцевъ спустя графъ Комаровскій былъ назначенъ адъютантомъ Великаго Князя Константина Николаевича, то мнѣ было приказано вступить въ командованіе ротою Его Величества.

Въ началѣ 1863-го года, по случаю Польскаго возмущенія, 2-я гвард. пѣхотная дивизія была передвинута въ Литву, откуда въ скоромъ времени стали получаться извѣстія объ участи этихъ войскъ въ стычкахъ съ шайками мятежниковъ. Крѣпко завидовали мы нашимъ товарищамъ, призваннымъ къ военнымъ дѣйствіямъ, въ то время, когда мы мирно стояли въ Царскомъ Селѣ. Но не долго продолжалось наше бѣдствіе. 13-го марта неожиданно пріѣзжаетъ къ намъ камандующій 1-ю гвард. пѣхотною дивизіею генералъ-маіоръ Дреятельнъ и объявляетъ намъ, что Высочайше повелѣно нашему батальону дви-

нутъся 15 марта въ Либаву для охраны прибрежья Балтійскаго моря между этимъ городомъ и Полангеномъ отъ высадки польскихъ выходцевъ, имѣющихъ, по свѣдѣніямъ нашего правительства, произвести десантъ для поддержанія кипѣвшаго въ Ковенской губерніи мятежа. Къ этому генераль Дрептельнъ присовокупилъ, что Государю Императору благоугодно произвести 14-го марта смотръ батальону въ Петербургѣ передъ выступленіемъ его въ походъ.

Работа закипѣла. Ребиндеръ растерялся совершенно, но благодаря энергическимъ и толковымъ распоряженіямъ Козлова, въ 36 часовъ все было приготовлено къ выступленію въ походъ. 14-го батальонъ представился на смотръ Государю и удостоился царскаго одобренія, и 15-го рано утромъ сѣлъ на Варшавскую желѣзную дорогу и двинулся въ полномъ порядкѣ въ Ригу.

На другой же день, по прибытіи въ этотъ городъ 4-я рота была двинута на подводахъ въ Либаву; при ней слѣдовалъ полковникъ Ребиндеръ и штабъ батальона; остальные три роты подъ моимъ начальствомъ, какъ старшаго въ ротѣ капитана, послѣдовали за ними обыкновеннымъ походнымъ порядкомъ.

Походъ былъ веселый, всѣ были въ наилучшемъ настроеніи, ожидая участія въ военныхъ дѣйствіяхъ; на пути помѣщики встрѣчали насъ самымъ радушнымъ образомъ, оказывая намъ на почлегахъ и дневкахъ широкое гостепріимство.

Скоро по прибытіи въ городъ Либаву обнаружилось, что десанта ожидать нельзя, и нашъ батальонъ получилъ приказаніе двинуться въ Ковенскую губернію, гдѣ поступить подъ начальство генераль-лейтенанта барона Майделя, командовавшаго всѣми войсками, расположенными въ этой губерніи. По вступленіи въ предѣлы Ковенской губерніи, батальонъ былъ раздѣленъ, двѣ роты (3-я и 4-я) были расположены въ мѣстечкѣ Янишки, двѣ роты (Е. В. и 2) подъ моимъ начальствомъ въ городѣ Шавли. Батальонный штабъ былъ временно помѣщенъ въ г. Митавѣ, а затѣмъ передвинутъ въ г. Шавли. Командиръ батальона полковникъ Ребиндеръ, въ ожиданіи родовъ своей жены, отпросился въ отпускъ въ Царское Село; въ временное командованіе вступилъ младшій штабъ-офицеръ полковникъ В. П. Даниловъ.

Скоро послѣ моего прибытія въ г. Шавли было получено извѣстіе о появленіи недалеко отъ этого пункта шайки Мицкевича. По приказанію барона Майделя немедленно былъ сформированъ отрядъ (двѣ роты Стрѣлковаго Е. В. батальона и рота Нарвскаго пѣхотнаго полка), для преслѣдованія этой шайки. Начальство надъ этимъ отрядомъ было возложено на

меня. Въ теченіе десяти дней гнался я за этой шайкою, двигаясь за нею по направленію къ городу Поневѣжу, но безуспѣшно; не удалось ее настичь, и когда слѣды ея окончательно исчезли, я согласно данной мнѣ инструкціи возвратился въ г. Шавли. Двигаясь постоянно форсированнымъ маршемъ, мы сдѣлали, преслѣдуя шайку Мицкевича, не менѣе 300 верстъ, артельныя повозки, вслѣдствіи ихъ тяжести, пришлось бросить, питались мы тѣмъ, что находили на мѣстѣ. Офицеры и нижніе чины сильно утомились; болѣе всѣхъ я былъ утомленъ, ибо, по званію начальника отряда, былъ обязанъ, въ то время какъ прочіе отдыхали, дѣлать разспросы и собирать свѣдѣнія о движеніи шайки. Если я за все время десятидневнаго похода провелъ 30 часовъ во снѣ, такъ это много.

На другой же день по возвращеніи въ г. Шавли, было получено извѣстіе о появленіи шайки Яблоновскаго. Другихъ свободныхъ частей, кромѣ нашихъ двухъ стрѣлковыхъ ротъ, въ Шавляхъ не было, почему генералъ баронъ Майдель и рѣшилъ направить ихъ на поиски за Яблоновскимъ, но такъ какъ въ это время прибылъ въ Шавли полковникъ Даниловъ, то на него, какъ на старшаго, было возложено командованіе отрядомъ, въ составъ котораго вошли, кромѣ нашихъ двухъ ротъ, двѣ роты Эстляндскаго пѣхотнаго полка и полуэскадронъ Московскаго драгунскаго полка. Я вступилъ въ командованіе ввѣренною мнѣ ротою Его Величества. 9-го іюня мы выступили изъ Шавли и, сдѣлавъ переходъ въ 40 верстъ, прибыли поздно вечеромъ въ мѣстечко Попеляны. Почти ничего не ѣвши цѣлый день, мы сильно проголодались и сначала предполагали заказать себѣ ужинъ; но въ виду того, что мы рано утромъ на другой день должны были продолжать нашъ походъ, я отговорилъ прочихъ офицеровъ отъ этого намѣренія; было рѣшено немедленно ложиться спать и отложить ѣду до слѣдующаго утра. Это случайное обстоятельство спасло меня отъ смерти.

Не успѣлъ я еще заснуть, какъ посланный отъ полковника Данилова потребовалъ меня къ нему. Оказалось, что къ полковнику явилась латышка, извѣстившая его, что въ 15-ти верстахъ отъ Попелянъ, близъ помѣщицѣй усадьбы въ лѣсу ночуетъ шайка Яблоновскаго. Не желая ее упустить, было рѣшено отряду немедленно выступить изъ Попелянъ съ предложеніемъ атаковать шайку Яблоновскаго рано утромъ, съ разсвѣтомъ. Надежда вступить въ бой пріободрила всѣхъ, была забыта усталость, и отрядъ бодро двинулся по направленію къ усадьбѣ, указанной латышкою. Приблизившись къ лѣсу, гдѣ

предполагался ночлеги шайки, отрядъ перестроился въ боевой порядокъ. Въ первой линіи шли двѣ стрѣлковыя роты, имѣя впереди цѣпь, за ними двѣ роты Эстляндскаго полка. Лѣсъ былъ настолько густой, что драгуны оказались бесполезными, отрядъ прикрывался боковыми пѣхотными патрулями.

Не дойдя приблизительно одну версту до усадьбы, прибѣгаетъ ко мнѣ начальникъ одного изъ патрулей, унтеръ-офицеръ моей роты Петровъ и докладываетъ мнѣ, что имъ замѣчены слѣды повозки, ведущіе вправо отъ дороги въ лѣсъ: „Не слѣды ли это повозки, направленной изъ усадьбы въ станъ мятежниковъ съ провизіею“, докладываетъ онъ мнѣ. Находя предположеніе унтеръ-офицера весьма вѣроятнымъ, я немедленно сообщилъ о немъ полковнику Данилову, совѣтуя ему приказать отряду остановиться и послать патрули для рекогносцировки той части лѣса, куда вели слѣды повозки, но Даниловъ на это не согласился, рассчитывая получить въ усадьбѣ болѣе точныя свѣдѣнія о мѣстѣ нахожденія шайки. Черезъ $\frac{1}{4}$ часа мы дошли до усадьбы, оказавшейся покинутою всѣми обывателями, кромѣ одного батрака. Батракъ этотъ, допрошенный полковникомъ Даниловымъ, объяснилъ, что шайка Яблоновскаго почуетъ недалеко отъ усадьбы и мѣсто ея нахожденія ему извѣстно, такъ какъ возилъ туда наканунѣ вечеромъ разную провизію. Взятый Даниловымъ въ проводники, онъ предложилъ отряду повернуть кругомъ. Вслѣдствіе этого роты Эстляндскаго полка оказались въ первой линіи, стрѣлковыя во второй. Дойдя до мѣста, гдѣ унтеръ-офицеромъ Петровымъ были замѣчены слѣды повозки, мы повернули влѣво. Нѣсколько минутъ спустя слышались выстрѣлы въ цѣпи ротъ Эстляндскаго полка; шайка Яблоновскаго была настигнута.

Впослѣдствіи появилось много горячихъ обвиненій противъ полковника Данилова за то, что вступилъ въ бой, не обрекогносцировавъ мѣстность. Считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ въ оправданіе Данилова. Баронъ Майдель, отправляя отряды въ поиски за шайками, несомнѣнно подтверждалъ всѣмъ начальникамъ отрядовъ, чтобы, настигнувъ шайки, они не теряли время, а рѣшительно ее атаковали. Иначе, присовокупилъ баронъ, она успеетъ разбѣжаться, предварительно условившись, гдѣ вновь соберется, черезъ нѣсколько дней, конечно начальникъ отряда будетъ вправѣ донести, что имъ разбита шайка, но пользы отъ этого мало. Стремительно ее атаковавъ, отрядъ нанесетъ шайкѣ дѣйствительное пораженіе и уничтожитъ ее.

Это наставленіе барона, въ большинствѣ случаевъ исполнѣ

цѣлесообразное, оказалось въ дѣлѣ съ Яблоновскимъ не у мѣста. Шайка его рѣзко отличалась отъ прочихъ, бродившихъ въ Ковенской губерніи. Тщательно организованная, прекрасно вооруженная, составленная исключительно изъ дворянъ и шляхтичей безъ всякой примѣси всякаго сброда, она представляла дѣйствительную силу. Атакуй мы шайку часомъ раньше, мы застали бы ее вѣроятно врасплохъ; теперь же несомнѣнно извѣщенная о нашемъ движеніи, она имѣла время приготовиться къ бою и нужно дать справедливость предводителю ея Яблоновскому, распоряженія его были весьма искусны. Разсыпавъ цѣпь стрѣлковъ по густому лѣсу, онъ занялъ главную позицію за болотистой рѣчкой, при переходѣ черезъ которую мы были встрѣчены сильнымъ ружейнымъ огнемъ.

Продолжаю теперь мой рассказъ. Цѣпь стрѣлковъ Эстляндскихъ ротъ, продолжая движеніе по густому лѣсу, разорвалась; между ротами образовался значительный интервалъ. Желая его восполнить, я двинулъ мою роту изъ второй въ первую линію и сталъ между ротами Эстляндскаго полка; одновременно я послалъ одинъ взводъ въ цѣпь подъ начальствомъ поручика Гоголя. Такимъ образомъ образовался слѣдующій боевой порядокъ: двѣ роты Эстляндскаго полка и между ними моя рота въ первой линіи, 3-я рота стрѣлковъ въ резервѣ. Полуэскадрону драгунъ было приказано слѣпить и выносить раненыхъ пѣхотинцевъ на перевязочный пунктъ.

Стрѣлки моей роты, разсыпанные въ цѣпи, завязали пере-стрѣлку; тутъ былъ тяжело раненъ поручикъ Гоголь; у него на глазахъ былъ убитъ одинъ изъ стрѣлковъ; онъ выхватилъ у него ружье и бросился на мятежника, убившаго стрѣлка, но тотъ, вооруженный двухстволкою, выстрѣлилъ въ поручика Гоголя и ранилъ его въ бедренную кость. Поручика Гоголя вынесли изъ цѣпи, начальство надъ которой принялъ взводный унтеръ-офицеръ.

Въ этотъ моментъ подѣхалъ къ моей ротѣ полковникъ Даниловъ и подалъ сигналъ къ атакѣ. Стройно и бодро двинулись мои стрѣлки; я шелъ впереди роты; но когда мы выбрались изъ лѣса и подошли къ болотистой рѣчкѣ, я, тяжело раненый, свалился; пуля попала въ поясницу близъ позвоночнаго столба и зашла въ лѣвомъ боку; очевидно, рана мнѣ была нанесена однимъ изъ мятежниковъ, уцѣлѣвшимъ въ лѣсу и выстрѣлившимъ въ меня сзади. Одновременно со мной выбылъ изъ строя прапорщикъ Данзасъ, тяжело раненный въ грудь. Въ ротѣ болѣе не осталось офицеровъ. Фельдфебель роты Романов-

скій выскочилъ впередъ и подъ его начальствомъ рота, не дрогнувъ, продолжала наступленіе. Попадъ въ болотистую рѣчку, стрѣлки, вязнувъ въ ней по животъ, медленно подвигались впередъ.

Тутъ подошелъ къ ней полковникъ Даниловъ; усмотрѣвъ, что роты Эстляндскаго полка, лишившіяся также почти всѣхъ своихъ офицеровъ, приостановились, онъ остановилъ мою роту, отвелъ ее назадъ и, разсыпавъ по опушкѣ лѣса густую цѣпь, завязалъ живую перестрѣлку съ мятежниками, занимавшими противоположный берегъ рѣченки. Рѣшиться на вторую атаку было немыслимо; нанесенныя намъ потери были слишкомъ значительны; изъ вѣренной мнѣ роты выбыли изъ строя всѣ офицеры и изъ ста нижнихъ чиновъ, которые составляли комплектъ роты, 37 человекъ „въ томъ числѣ 18 убитыхъ, 19 раненыхъ“.

Велики, хотя и не въ той же степени, были потери и въ прочихъ ротахъ. Всего уцѣлѣло, кромѣ полковника Данилова, одинъ гвардейскій офицеръ (прапорщикъ Евреиновъ) и два армейскихъ офицера. Тѣмъ не менѣе въ надеждѣ подкрѣпленія, намъ было извѣстно, что остальные двѣ роты нашего батальона (3 и 4) двинуты подъ начальствомъ полковника Меженинова изъ Янишекъ также въ Попеляны. Къ сожалѣнію, роты эти присоединились къ нашему отряду только на другой день, т. е. 11 іюня, полковникъ Даниловъ продолжалъ бой до 4-хъ часовъ пополудни и рѣшился только тогда, въ виду полного утомленія людей, прекратить его и уйти обратно въ Попеляны. Командира 2-й роты штабъ-капитана Нейдгарда, смертельно раненаго, онъ самъ вынесъ изъ огня. Около 8 часовъ вечера отрядъ вернулся въ Попеляны.

Что касается меня, то, послѣ сдѣланной перевязки, меня положили на подводу, которую удалось добыть въ близъ лежащей деревнѣ, и отправили въ Попеляны. Рядомъ со мною на подводѣ лежалъ тяжело раненный стрѣлокъ моей роты Незвановъ, подвоею правилъ раненый въ ногу унтеръ-офицеръ Петровъ. Страданія мои были ужасны, и въ почти безчувственномъ состояніи довели меня до мѣста. На другой день пуля была вырѣзана старшимъ врачомъ батальона Евлановымъ; врачъ этотъ, не хирургъ, сдѣлалъ въ первый разъ въ жизни операцію. Благодаря тому, что я былъ раненъ на тощакъ, надѣялись, что пуля не задѣла кишокъ; была слабая надежда на мое выздоровленіе.

12-го іюня утромъ транспортъ съ ранеными былъ отправленъ въ Шавли. По приказанію полковника Данилова была наряжена, для прикрытія транспорта, моя рота. Въ тотъ же день отрядъ, присоединивъ прибывшія наканунѣ 3 и 4 роты, высту-

пилъ для преслѣдованія шайки Яблоновскаго. Двѣнадцать дней онъ гнался за ней, сдѣлавъ при этомъ отъ 300 до 400 верстъ, но тутъ было получено извѣстіе, что Яблоновскій настигнуть отрядомъ полковника Пущина, совершенно случайно наткнувшася на него, и послѣ кровопролитнаго дѣла, гдѣ и отрядъ Пущина понесъ значительныя потери, на голову разбитъ и шайка его разсѣяна.

Полковникъ Даниловъ прибылъ на мѣсто боя черезъ нѣсколько часовъ послѣ его окончанія.

Яблоновскій самъ спасся бѣгствомъ за границу; послѣ разсѣянія его шайки возмущеніе въ Ковенской губерніи почти прекратилось; хотя наши подвижныя колонны и продолжали двигаться по разнымъ направленіямъ, но серьезныхъ стычекъ съ мятежниками уже болѣе не было. Къ осени водворился въ губерніи полный порядокъ и спокойствіе.

По пріѣздѣ раненыхъ въ г. Шавли стало извѣстно, что вмѣсто Ребиндера назначенъ командиромъ нашего батальона флигель-адъютантъ графъ Шуваловъ. Высшее начальство, недовольное тѣмъ, что Ребиндеръ отпросился въ отпускъ, въ то время, когда вѣреннѣйшій ему батальонъ принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, не пожелало его возвращенія къ батальону, и онъ былъ назначенъ въ распоряженіе инспектора стрѣлковыхъ батальоновъ. Такого исхода онъ не ожидалъ, и, какъ намъ впоследствии стало извѣстнымъ, онъ горько раскаивался въ своемъ минутномъ малодушіи.

Графъ Шуваловъ былъ человѣкъ молодой, энергичный, въ высшей степени любезный, своею обходительностью сдѣлавшій быстро пріобрѣсти симпатію своихъ подчиненныхъ, но, какъ не служившій вовсе въ строю, совершенно незнакомый со службою. Первымъ проявленіемъ его дѣятельности была забота о раненыхъ. По его распоряженію былъ высланъ изъ Митавы въ Шавли прекрасный хирургъ докторъ Браклеръ, и подъ его наблюденіемъ и попеченіемъ всѣ раненые офицеры нашего батальона были перевезены изъ Шавли въ Митаву, гдѣ мы несравненно лучше могли быть помѣщены, вообще удобнѣе обставлены. Тѣмъ не менѣе переѣздъ для меня былъ весьма тяжелъ и не имѣлъ неблагоприятныхъ послѣдствій только благодаря неусыпнымъ заботамъ доктора Браклера.

Въ Митавѣ я пролежалъ около мѣсяца; тутъ пріѣхала ко мнѣ жена, и когда рана моя начала заживать и я окрѣпъ настолько, что могъ двинуться въ дальнѣйшій путь, я выѣхалъ вмѣстѣ съ женою въ г. Гапсаль, гдѣ остался до конца августа.

По прїѣздѣ въ Петербургъ, мы поселились въ Царскомъ Селѣ, я поправился настолько, что уже могъ ходить съ палкою.

Въ послѣднихъ числахъ декабря ожидалось возвращеніе батальона. По прибытіи его въ Царское навѣстили меня мои добрые товарищи, и тутъ батальонный адъютантъ Козловъ передалъ мнѣ непремѣнное желаніе графа Шувалова, чтобы 30 декабря на ожидаемомъ Царскомъ смотрѣ, я сталъ бы въ строй. На мое заявленіе, что я безъ палки ходить не могу, Козловъ замѣтилъ, что это не можетъ служить препятствіемъ. Желаніе графа Шувалова, чтобы я былъ на своемъ мѣстѣ, когда Государь объѣдетъ батальонъ, когда же батальонъ построится для церемоніальнаго марша, въ командованіе моею ротою можетъ опять вступить старшій офицеръ.

30-го декабря состоялся Высочайшій смотръ нашему батальону; батальонъ былъ построенъ развернутымъ фронтомъ по канавкѣ отъ Царскосельскаго дворца къ триумфальнымъ воротамъ.

За нѣсколько минутъ до прибытія Государя, я подѣхалъ въ экипажѣ къ батальону и сталъ на правый его флангъ. Его Величество милостиво поздоровался съ баталіономъ и поѣхалъ шагомъ по фронту. Нижніе чины были одѣты въ той же одеждѣ, въ которой совершили походъ; почти что у каждого изъ нижнихъ чиновъ ввѣренной мнѣ роты были прострѣлены или шапки или шинель, слѣды боя подъ Попелянами. Возвращаясь назадъ, Государь милостиво благодарилъ батальонъ за походъ, и подѣжая къ ротѣ Имени Его, сказалъ: „А Мою роту благодарю за выказанную храбрость и мужество“. Изъ личнаго доклада полковника Данилова, прибывшаго въ Петербургъ ранѣе батальона, по случаю назначенія командиромъ армейскаго стрѣлковаго батальона, Его Величеству было извѣстно, что въ бою подъ Попелянами Его рота, лишившаяся всѣхъ офицеровъ, продолжала атаку подъ начальствомъ фельдфебеля. Затѣмъ, обращаясь ко мнѣ, поздравилъ меня своимъ флигель-адъютантомъ.

Это былъ одинъ изъ счастливейшихъ моментовъ моей жизни. Въ то время въ строю было весьма мало флигель-адъютантовъ, и никогда я не мечталъ о счастіи и чести носить вензеля Государя.

Баталіономъ Государь остался вполне доволенъ; горячо поблагодаривъ всѣхъ чиновъ за понесенные въ походѣ труды и лишенія, Его Величество поѣхалъ въ Царскосельскій дворецъ, откуда послѣ завтрака долженъ былъ отбыть по желѣзной дорогѣ въ Петербургъ.

Я конечно также стремился въ Петербургъ, чтобы сообщить находящейся тамъ женѣ о своей радости. Пассажирскій поѣздъ долженъ былъ отойти только черезъ нѣсколько часовъ, но графъ Шуваловъ объяснилъ мнѣ, что, нося званіе флигель-адъютанта, я имѣю право ѣхать на Царскомъ поѣздѣ. Я поѣхалъ на станцію желѣзной дороги и сѣлъ въ свитскій вагонъ Царскаго поѣзда. Остальные лица свиты Государя: генераль-маіоръ графъ Шуваловъ 1, флигель-адъютанты Яновскій и Рылѣевъ, и командиръ нашего батальона графъ Шуваловъ ожидали Государя на платформѣ. Государь пригласилъ ихъ всѣхъ сѣсть къ Нему въ вагонъ, затѣмъ, обращаясь къ дежурному флигель-адъютанту Яновскому спросилъ его, не нахожусь ли и я въ поѣздѣ. Получивъ утвердительный отвѣтъ, Онъ послалъ за мной. Входя въ Царскій вагонъ, я видѣлъ, что всѣ мѣста въ отдѣленіи, гдѣ сидѣлъ Государь, были заняты, кромѣ кресла противъ Него. Я остановился въ недоумѣніи, куда мнѣ сѣсть. Государь указалъ мнѣ на кресло противъ Него. И такимъ образомъ я, еще нѣсколько часовъ тому назадъ мало извѣстный гвардейскій капитанъ, оказался внезапно ближайшимъ сосѣдомъ Государя.

Государь разговаривалъ всю дорогу со мной; Онъ разспрашивалъ о походѣ и о боѣ въ Попелянахъ. Я отвѣчалъ Ему съ полною откровенностью, передавая чистосердечно всѣ вынесенныя впечатлѣнія. Вообще Онъ былъ ко мнѣ безконечно добръ и милостивъ, и этою Его милостью я пользовался неизмѣнно со дня моего назначенія флигель-адъютантомъ до кончины моего Незабвеннаго Благодѣтеля, т. е. въ теченіе слишкомъ семнадцати лѣтъ.

Въ концѣ февраля 1864 года я поправился настолько, что могъ явиться въ батальонъ и вступить въ командованіе ротой. Будучи старшимъ капитаномъ въ батальонѣ, хорошимъ строевымъ офицеромъ и опытнымъ въ дѣлахъ службы, графъ Шуваловъ постоянно обращался ко мнѣ за совѣтами. Тутъ установились между нами тѣ близкія и дружескія отношенія, которыя продолжались долгіе годы, желалъ бы я сказать, которыя продолжались по настоящее время. Но, къ сожалѣнію, я этого сказать не могу. Послѣ моего назначенія въ 1889 году членомъ Военнаго Совѣта, наши близкія и дружескія отношенія прекратились внезапно, и не по моей винѣ.

Для окончательнаго поправленія здоровья я лѣтомъ 1864 года былъ уволенъ въ трехъ-мѣсячный отпускъ за границу. Проѣздомъ черезъ Берлинъ я рассчитывалъ посоветоваться съ

знаменитымъ хирургомъ Лангенбекомъ и просить его указанія, на какія именно воды направиться. Въ это время происходила Пруско-Датская война; профессоръ Лангенбекъ находился при дѣйствующей арміи, но наканунѣ моего прїѣзда въ Берлинъ вернулся туда. Я отправился къ нему; онъ осмотрѣлъ мою рану и посовѣтовалъ ѣхать въ Пирмонтъ. „На этихъ водахъ“, присовокупилъ онъ, „находится прекрасный врачъ, докторъ Валентинеръ, я напишу ему письмо, подробно опишу результатъ моего осмотра и сдѣлаю нужныя указанія; прїѣжайте завтра за письмомъ“.

Уплативъ доктору Лангенбеку нужное вознагражденіе и заручившись письмомъ, я уѣхалъ въ Пирмонтъ. По прїѣздѣ туда, я обратился къ доктору Валентинеру и передалъ ему письмо профессора Лангенбека. Онъ открылъ его при мнѣ и просилъ меня указать, въ какую именно часть плеча я раненъ. Я отвѣтилъ, что раненъ не въ плечо, а поясницу. Сначала я никакъ не могъ объяснить себѣ вышеописанное недоразумѣніе, впоследствии же оно вполне выяснилось. Оказалось, что г-нъ Валентинеръ весною, передъ началомъ курса, объѣзжаетъ всѣ врачебныя знаменитости съ просьбою направлять больныхъ, коимъ необходима желѣзная вода на его попеченіе въ Пирмонтъ, уплачивая вѣроятно за каждого высланнаго паціента извѣстное вознагражденіе. Письмо профессора Лангенбека не заключало въ себѣ никакихъ указаній относительно моего лѣченія; а было написано съ исключительною цѣлью, чтобы я обратился къ господину Валентинеру, а не иному врачу.

Сознаюсь, что я былъ глубоко возмущенъ. Господинъ Валентинеръ, имѣя на своемъ попеченіи массу больныхъ, не имѣлъ возможности внимательно слѣдить за лѣченіемъ cadaго. Въ концѣ курса я совершенно пересталъ обращаться къ нему и руководствовался при пріемѣ воды собственными соображеніями. Тѣмъ не менѣе выдалъ ему передъ отъѣздомъ вознагражденіе въ томъ размѣрѣ, какъ было принято уплачивать на Пирмонтскихъ водахъ. Конечно, я вынесъ не высокое мнѣніе о добросовѣстности нѣмецкихъ врачей.

По возвращеніи въ Россію, я вновь вступилъ въ командованіе ротой, въ ожиданіи скораго производства въ полковники. Но мнѣ не довелось дожидаться штабъ-офицерскаго чина, служа въ батальонѣ. 6-го ноября 1864 года состоялось Высочайшее повелѣніе о моемъ отчисленіи отъ фронта въ свиту Его Величества. Въ то время это считалось особымъ отличіемъ.

Состоя въ Свитѣ Государя, я былъ командированъ въ 1865

и 1866 г. для наблюденія за рекрутскимъ наборомъ въ Вятскую и Владимирскую губерніи, и для осмотра расположенныхъ въ этихъ губерніяхъ резервныхъ батальоновъ. Командировка эта представляла тотъ интересъ, что дала мнѣ возможность ознакомиться съ жизнью внутри Россіи. По возвращеніи въ Петербургъ, я представилъ отчетъ по командировкамъ военному министру. Отчетами этими остались довольны.

Въ октябрѣ 1866 года въ день свадьбы нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, подошелъ ко мнѣ на выходѣ начальникъ главнаго штаба генераль-адъютантъ графъ Гейденъ и сказалъ мнѣ, что военный министръ имѣетъ въ виду испросить Высочайшее повелѣніе на мое командированіе въ восточную Сибирь для наблюденія за рекрутскимъ наборомъ, осмотра всѣхъ расположенныхъ тамъ мѣстныхъ войскъ и ревизіи военныхъ управленій, но прежде чѣмъ доложить объ этомъ Государю, генераль-адъютантъ Милютинъ приказалъ меня спросить, согласенъ ли я на эту командировку.

Имѣя постояннымъ правиломъ не отказываться ни отъ какой службы, я отвѣтилъ графу Гейдену, что готовъ ѣхать.

Въ ноябрѣ состоялось по военному министерству Высочайшее повелѣніе о моемъ командированіи въ восточную Сибирь. Вслѣдъ за этимъ я былъ вызванъ къ шефу жандармовъ графу Шувалову, который объявилъ мнѣ, что, пользуясь моею поѣздкою въ Иркутскъ, онъ испросилъ Высочайшее повелѣніе на возложеніе на меня особаго конфиденціального порученія. „Въ послѣднее время“, сказалъ графъ, „стало поступать на его имя множество доносовъ изъ восточной Сибири, обвиняющихъ мѣстную администрацію въ недостаточномъ надзорѣ за политическими ссыльными. Заявленія эти повторяются съ такою настойчивостью, что Государь Императоръ, принимая во вниманіе бывшіе въ 1865 году серьезные безпорядки, вызванные политическими ссыльными, повелѣлъ, по его докладу, возложить на меня подробное разслѣдованіе положенія ссыльныхъ въ восточной Сибири. При чемъ Высочайше повелѣно на время моей командировки подчинить мнѣ, на правахъ шефа жандармовъ, всѣ находящіеся въ Сибири жандармскія управленія, съ тѣмъ, чтобы я, въ случаѣ надобности, образавалъ особую слѣдственную комиссію, возложивъ на себя обязанность предсѣдателя. Генераль-губернаторъ восточной Сибири генераль Корсаковъ ожидается въ началѣ 1867 года въ Петербургъ“; „такимъ образомъ“, прибавилъ графъ, „вы его не застанете на мѣстѣ и вамъ будутъ руки вполнѣ развязаны. Завтра вы получите письменное предписаніе, къ кото-

рому будутъ приложены доносы, обвиняющіе мѣстное начальство въ недостаткѣ надзора за ссыльными и въ разныхъ послабленіяхъ“.

Вслѣдствіе вышеизложеннаго командировка моя въ Сибирь получила особое значеніе. 6-го декабря я выѣхалъ изъ Петербурга, накануне откланявшись Его Величеству.

Неудаченъ былъ мой переѣздъ изъ Петербурга въ Москву. Ночью загорѣлся спальный вагонъ, въ которомъ я ѣхалъ. Къ счастью поѣздъ былъ остановленъ; я выскочилъ изъ вагона въ чемъ былъ одѣтъ; вторично въ вагонъ войти было невозможно, и вся моя теплая одежда, приготовленная для дальняго путешествія сгорѣла. Къ моему благополучію деньги и бумаги находились въ сумкѣ, надѣтой на мнѣ, и уцѣлѣли такимъ образомъ.

По пріѣздѣ въ Москву пришлось тамъ остановиться на нѣсколько дней, чтобы вновь обмундироваться.

Это было впрочемъ единственное непріятное приключеніе случившееся со мною во всю дорогу. Весь путь въ Иркутскъ и обратно я совершилъ замѣчательно благополучно; даже не было особенно сильныхъ морозовъ и вьюгъ, столь обыкновенныхъ въ это время года.

До города Ачинска, перваго попутнаго города восточной Сибири, я слѣдовалъ безостановочно. Начиная съ этого города, я ѣхалъ ночью, а днемъ осматривалъ лежащія на пути этапные пункты и конвойныя команды. Первая остановка была въ Красноярскѣ, куда пріѣхалъ накануне новаго года. Тутъ я переночевалъ и послѣ 24 дней, проведенныхъ въ дорогѣ, въ первый разъ легъ въ кровать. 7-го января я прибылъ въ Иркутскъ.

Представившись мѣстнымъ властямъ и ознакомившись съ обществомъ, я взялся за исполненіе возложеннаго на меня порученія по военной части. Пріѣздъ мой въ Иркутскъ произвелъ на всѣхъ громадное впечатлѣніе, тридцать лѣтъ не было въ восточной Сибири командированнаго по Высочайшему повелѣнію флигель-адъютанта. Общее мнѣніе было, что на меня возложено особое секретное порученіе, но когда я съ полнымъ рвеніемъ взялся за осмотръ частей и ревизію военныхъ управленій, все успокоилось и повѣрило, что въ этомъ только состоитъ цѣль мой командировки.

Полкѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ Иркутскѣ, я началъ объѣзды по краю. Подъ предлогомъ наблюденія за рекрутскимъ наборомъ, я направился въ тѣ пункты, гдѣ были поселены политическіе ссыльные; по пути я осматривалъ ссыльно-каторжные разводы.

Объѣзды эти равно и разспросы мѣстныхъ жителей, привели меня къ убѣжденію, что особыхъ послабленій со стороны мѣстныхъ властей, въ надзорѣ за ссыльными не существуетъ, но рядомъ съ этимъ обнаружился фактъ, совершенно неизвѣстный министерствамъ въ Петербургѣ. На заводахъ для каторжниковъ почти что не было работъ: они проводили время въ полномъ бездѣйствіи, при чемъ, обезпеченные отъ правительства всѣмъ необходимымъ, ихъ положеніе было несравненно легче лицъ, сосланныхъ на поселеніе, которые сами должны были пріобрѣтать необходимыя средства къ пропитанію, и при невозможности ихъ найти, подвергались большимъ лишеніямъ. По сему предмету мною была составлена особая записка, которая была представлена, по возвращеніи въ Петербургъ, лично Государю Императору, и по повелѣнію Его Величества передана въ Комитетъ министровъ. При разсмотрѣніи этой записки въ комитетѣ министровъ я присутствовалъ, при чемъ былъ вызванъ изъ Москвы, гдѣ въ то время уже командовалъ полкомъ.

Между прочими городами я посѣтилъ и Кяхту, откуда былъ приглашенъ мѣстнымъ китайскимъ губернаторомъ на праздникъ въ Маймачинѣ. Тамъ я провелъ цѣлый день, присутствовалъ на данномъ губернаторомъ парадномъ обѣдѣ, при чемъ отвѣдалъ отвратительную китайскую кухню, во всей подробности осмотрѣлъ городъ и былъ на спектаклѣ въ театрѣ. Все это представляло для меня громаднѣйшій интересъ.

Окончивъ всѣ данныя мнѣ порученія и составивъ по всѣмъ подробныя отчеты, я выѣхалъ въ первыхъ числахъ марта изъ Иркутска обратно въ Петербургъ. Желая воспользоваться послѣднимъ саннымъ путемъ, я ѣхалъ день и ночь, и прибылъ на 16-ый день, по выѣздѣ изъ Иркутска, въ Нижній-Новгородъ, сдѣлавъ въ этотъ срокъ около 4.500 верстъ.

Желая вознаграждать себя за испытанныя въ дорогѣ лишенія, я заказалъ себѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ роскошный обѣдъ, но каково было мое разочарованіе, послѣ нѣсколькихъ ложекъ съѣденнаго супа, я болѣе ничего ѣсть не могъ; желудокъ мой отвыкъ отъ пицци. Правильный аппетитъ возстановился у меня только нѣсколько дней спустя по возвращеніи въ Петербургъ.

Государь Императоръ принялъ меня самымъ милостивымъ образомъ. Онъ подробно разспрашивалъ о всемъ, что видѣлъ въ Восточной Сибири, и я провелъ у Него въ кабинетѣ болѣе получаса. Горячо поблагодаривъ меня за исполненное порученіе, Онъ приказалъ мнѣ представить отчетъ о положеніи поли

тическихъ ссыльныхъ шефу жандармовъ графу Шувалову, которымъ я въ тотъ же вечеръ и былъ принятъ. Графъ Шуваловъ остался настолько доволенъ доставленными ему свѣдѣніями, что онъ, какъ я узналъ впоследствии, доложилъ Государю, что моя командировка въ Восточную Сибирь доказала, на сколько могутъ быть полезны подобныя командировки. Черезъ годъ, когда у него сдѣлалась вакантною должность Начальника штаба, онъ ходатайствовалъ передъ Его Величествомъ о моемъ назначеніи на эту должность. Но Государь не изъявилъ на это свое согласіе, объявивъ графу, что я, какъ отличный строевой офицеръ, нуженъ ему для строя. И слава Богу, что эта чаша меня миновала.

По военной части я представилъ генераль-адъютанту Милютину отчетъ въ 100 листовъ. Повидимому онъ остался имъ доволенъ; по его ходатайству мнѣ былъ пожалованъ къ Святой прямо Орденъ Св. Анны 2-й степени съ короною.

Командировка моя въ Сибирь имѣла рѣшающее вліяніе на мою дальнѣйшую службу. Государь Императоръ началъ оказывать мнѣ особое вниманіе, замѣтно отличалъ передъ другими, неоднократно назначалъ меня состоять при Его Особѣ, во время путешествій по Россіи, и 30-го августа 1867 года назначилъ меня, 31-го лѣтняго полковника, командиромъ 1-го Лейбъ-Гренадерскаго Екатеринославскаго Имени Его полка, при чемъ объявилъ командующему войсками Московскаго военного округа генераль-адъютанту Гильденштуббе, что онъ избралъ для командованія этимъ полкомъ меня, какъ одного изъ отличнѣйшихъ его флигель-адъютантовъ.

Въ первыхъ числахъ сентября 1867 года я переѣхалъ въ Москву и вступилъ въ командованіе Лейбъ-Екатеринославскимъ полкомъ. Полкъ я нашелъ въ самомъ плачевномъ состояніи. Хотя и было ведено хозяйственное управленіе, но *de facto* всѣмъ распоряжался лично бывшій командиръ полка флигель-адъютантъ полковникъ Брантъ. Онъ между прочимъ самъ заготавливалъ сапожный товаръ, который, по полученіи, нижніе чины продавали за безцѣнокъ, какъ совершенно негодный; продовольствіе нижнихъ чиновъ было неудовлетворительное, провизію доставлялъ подрядчикъ, съ которымъ полковникъ Брантъ лично заключилъ контрактъ, почему протесты противъ недоброкачества продуктовъ не имѣли успѣха. Хозяйственныхъ суммъ въ полку не существовало, все до копейки было выведено въ расходъ. Все это творилось на глазахъ у начальника дивизіи генераль-лейтенанта Моллера. Во всѣхъ прочихъ пол-

какъ дивизіи существовали, какъ я узналъ въ послѣдствіи, болѣе или менѣе такіе же порядки.

Хозяйственныя управленія были введены въ полкахъ дивизіи съ 1-го января 1867 года. По закону за хозяйственную часть отвѣчалъ уже не командиръ полка, а штабъ-офицеръ, завѣдывающій хозяйствомъ. Мнѣ оставалось принять полкъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ, или просить о назначеніи формальнаго слѣдствія. Я рѣшился на первое, надѣясь привести полкъ исподоволь въ порядокъ. Въ послѣдствіи командующій войсками Московскаго военнаго округа ген.-ад. Гильденштуббе выразилъ мнѣ свое удивленіе, какъ я могъ полкъ принять въ такомъ видѣ, но когда я его спросилъ, пріятно ли ему было бы, если бы я просилъ о назначеніи слѣдствія, то онъ выразилъ мнѣ за мой образъ дѣйствій искреннюю благодарность, тѣмъ болѣе, что въ то время полкъ былъ приведенъ къ полнѣйшему порядку, и въ казенномъ ящикѣ лежало нѣсколько тысячъ рублей хозяйственныхъ суммъ.

Скоро послѣ моего вступленія въ командованіе полкомъ пріѣхалъ ко мнѣ командиръ 3 Гренадерскаго Перновскаго полка полковникъ Межениновъ, старый мой товарищъ по стрѣлковому батальону, и выразилъ надежду, что я буду командовать полкомъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ предѣшникъ мой, полковникъ Брантъ.

Я отвѣтилъ ему рѣшительнымъ отказомъ и посовѣтовалъ и ему измѣнить систему командованія полкомъ. Къ несчастью для него, онъ меня не послушался. Нѣсколько лѣтъ спустя, когда я уже командовалъ Павловскимъ полкомъ, казначей Перновскаго полка проворовался, было назначено слѣдствіе; которое обнаружило существующія въ полку злоупотребленія. Полковникъ Межениновъ былъ преданъ суду и исключенъ изъ службы.

Также неудовлетворительно было общество офицеровъ въ Лейбъ-Екатеринославскомъ полку. Общество было раздѣлено на партіи.

Наитруднѣйшая задача моя была—подъемъ офицерскаго состава. Исключивъ наивреднѣйшихъ офицеровъ, нравственно вліяя на остальныхъ, устанавливая правильные порядки въ полку, мнѣ удалось успѣшно разрѣшить эту задачу.

Ежегодно осенью генералъ-адъютантъ Гильденштуббе производилъ такъ называемые смотры полкамъ 1-й Гренадерской дивизіи. Смотры эти заключались въ осмотрѣ обмундированія, выправки и наружнаго вида людей.

Въ октябрѣ 1867 года я представилъ ввѣренный мнѣ полкъ на смотръ въ большомъ манежѣ. Генераль-адъютантъ Гильденштуббе, до котораго дошли слухи о печальномъ состояніи, въ которомъ подковникъ Брантъ сдалъ мнѣ полкъ, и о существовавшихъ при немъ злоупотребленіяхъ, и желая показать полное свое неудовольствіе полковнику Бранту, отнесся къ полку чрезвычайно сурово. Оставшись недовольнымъ обмундированіемъ, стойкою и въ особенности наружнымъ видомъ людей, онъ выразилъ въ рѣзкихъ словахъ свое неудовольствіе, объявляя офицерамъ, что ему представилась на смотръ не строевая часть, а беспорядочная толпа.

По приводѣ полка въ казармы, я былъ встрѣченъ на плацу адъютантомъ командующаго войсками, который при офицерахъ передалъ мнѣ приглашеніе генераль-адъютанта Гильденштуббе, пріѣхать къ нему къ обѣду. Этимъ приглашеніемъ генераль хотѣлъ очевидно подчеркнуть, что неудовольствіе его относится не ко мнѣ, а къ бывшему командиру полка.

За обѣдомъ, къ которому, кромѣ меня, никто не былъ приглашенъ, А. И. Гильденштуббе, обратился ко мнѣ съ вопросомъ, что я намѣренъ сдѣлать для исправленія полка. „Не дурная выправка, не плохое обмундированіе, беспокоятъ меня“, сказалъ генераль „а огорчаетъ меня дурной видъ людей. Солдаты смотрятъ волками“.

Я позволилъ себѣ отвѣтить его высокопревосходительству, что все это скоро измѣнится. „Буду хорошо кормить людей, буду заботиться о томъ, чтобы все положенное отъ казны доходило до нихъ, и солдаты перестанутъ смотрѣть волками“.

Обѣщаніе мое исполнилось блестящимъ образомъ. Не прошло и года, и генераль Гильденштуббе не могъ налюбоваться полкомъ. Онъ сталъ его наилюбимѣйшимъ.

Не могу тутъ но вспомнить съ глубокою благодарностію генераль-адъютанта Гильденштуббе. За все время моего командованія полкомъ онъ оказывалъ мнѣ постоянную поддержку, помогалъ добрыми совѣтами и указаніями. Будучи отличнымъ строевымъ генераломъ, у него можно было поучиться весьма многому. Будучи строгимъ и требовательнымъ, онъ рядомъ съ этимъ былъ въ высшей степени справедливымъ начальникомъ. Лицамъ, относящимся добросовѣстно къ службѣ, было отлично служить подъ его начальствомъ.

Лѣтомъ 1869 года пріѣхалъ въ Москву Государь Императоръ. На другой день послѣ Его пріѣзда, былъ большой выходъ, а затѣмъ Его Величество присутствовалъ при разводѣ съ cere-

монією 3-го батальона ввѣреннаго мнѣ полка, коимъ остался отмѣнно доволенъ.

Послѣ развода Государь уѣхалъ въ село Ильинское, куда я также немедленно направился для представленія роты Его Величества, командированной въ Ильинское для заятія карауловъ на все время пребыванія Ихъ Величествъ.

Наружный видъ людей Государю очень понравился, желая же ознакомиться съ строевымъ образованіемъ роты, онъ назначилъ ей смотръ на другой день, повелѣвъ, кромѣ меня, никому изъ начальствующихъ лицъ на смотрѣ не присутствовать. Смотръ удался вполне. Его Величество остался отмѣнно доволенъ.

Въ Ильинскомъ я приглашался ежедневно къ Высочайшему столу, къ обѣду и завтраку. Государь и Императрица были ко мнѣ чрезвычайно милостивы и добры.

Въ виду назначеннаго въ Москвѣ Высочайшаго смотра войскамъ лагернаго сбора, Государь приказалъ отправить роту Екатеринославскаго полка временно въ Москву для участія на парадѣ. На время же ея отсутствія изъ Ильинскаго замѣнить ее ротою губернскаго батальона по распоряженію командующаго войсками.

Наканунѣ смотра рота выступила изъ Ильинскаго.

Смотромъ Государь остался въ полной мѣрѣ доволенъ. Собравъ послѣ парада начальниковъ частей, онъ выразилъ всѣмъ искреннюю благодарность, сказавъ, что лучше всѣхъ представился Лейбъ-Екатеринославскій полкъ.

Послѣ парада я немедленно отправилъ роту Его Величества въ с. Ильинское (29 верстъ отъ Москвы), приказавъ командиру роты поручику Матвѣенко (впослѣдствіи флигель-адъютанту) распорядиться такъ, чтобы ко времени вечерней прогулки Государя рота занимала караулы. Чтобы облегчить людей, я приказалъ назначить нѣсколько подводъ подъ солдатскіе ранцы. Приказаніе мое было въ точности исполнено. Когда послѣ обѣда, въ 8 часовъ, Государь вмѣстѣ съ фельдмаршаломъ княземъ Барятинскимъ, гостившимъ у него, выѣхалъ изъ Ильинскихъ воротъ, на часахъ стояли екатеринославцы. Его Величество былъ пораженъ, остановилъ экипажъ и благодарилъ людей. Императоръ Александръ II былъ чрезвычайно чутокъ къ подобнымъ знакамъ вниманія и очень ихъ цѣнилъ. Мнѣ рассказъ князь Барятинскій, какъ Государя удивилъ необыкновенно быстрый переходъ роты изъ Москвы въ Ильинское и бодрый и молодецкій видъ людей.

На другой день я поѣхалъ въ Ильинское и былъ по установленному порядку приглашенъ къ Высочайшему обѣденному столу. Послѣ обѣда Государь отвелъ меня въ сторону и сказалъ мнѣ слѣдующія достопамятныя слова: „Еще разъ спасибо тебѣ за полкъ: я долженъ тебѣ сказать, что мое самолюбіе страдало, видя, что Мой полкъ послѣдній въ корпусѣ; теперь успокоился; благодаря тебѣ, онъ сталъ первымъ“.

Слова эти глубоко врѣзались въ моей памяти. Лучшую награду за службу, хлопоты и заботы о полкѣ получить было невозможно.

Во время пребыванія Государя въ Ильинскомъ я сильно захворалъ. У меня открылась рана, и я пролежалъ нѣсколько недѣль въ страшныхъ страданіяхъ въ кровати. На слѣдующіе Высочайшіе смотры я не могъ выѣхать. Когда на послѣднемъ изъ нихъ являлся къ Государю съ рапортомъ полковой адъютантъ поручикъ Афанасовичъ, то Его Величество сказалъ ему: „Передай командиру полка, что я въ полной мѣрѣ доволенъ полкомъ, одно „о чемъ я сожалею, что не видѣлъ его передъ полкомъ. Желаю ему скорого выздоровленія“.

Изъ Москвы Государь поѣхалъ въ Ливадію.

Нѣсколько поправившись послѣ болѣзни, я испросилъ 6-ти недѣльный отпускъ и проѣхалъ на морскія купанья въ Ялту куда прибылъ въ половинѣ августа. На другой день послѣ пріѣзда, я поѣхалъ въ Ливадію представиться Государю. Его Величество былъ боленъ лихорадкою и, какъ мнѣ сказали, не принималъ никого. Тѣмъ не менѣе графъ Адлербергъ доложилъ Ему о моемъ пріѣздѣ. Государь былъ такъ милостивъ, что разрѣшилъ мнѣ представиться Ему. Вышелъ Онъ ко мнѣ въ халатѣ.

Разспросивъ меня о состояніи здоровья, Онъ сказалъ мнѣ, что рота Лейбъ-Эриванскаго полка, занимающая караулы въ Ливадіи, Ему очень напоминаетъ роту Лейбъ-Екатеринославскаго полка. „Поѣзжай и осмотри роту“, прибавилъ Его Величество.

Черезъ нѣсколько дней Государь произвелъ смотръ этой ротѣ. Я былъ приглашенъ присутствовать на смотрѣ, и тутъ Государь неоднократно обращался ко мнѣ съ разными вопросами.

Въ послѣднихъ числахъ сентября я вернулся въ Москву. Тутъ ожидалъ меня непріятный сюрпризъ. Контрольною палатою былъ сдѣланъ на полкъ начетъ въ 50.000 рублей. Такъ какъ начетъ этотъ касался исключительно продовольственной части, то я поручилъ полковому квартирмейстеру штабсъ-ка-

питану Завилейскому подробно его рассмотреть и представить нужныя объясненія. Въ виду сложности и серьезности этой работы, я освободилъ его отъ всѣхъ прочихъ служебныхъ занятій.

Штабсъ-капитанъ Завилейскій, работавъ неустанно въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ, представилъ, основываясь на документахъ, требуемыя объясненія, которыя, по препровожденіи ихъ въ контрольную палату, были ею признаны правильными, и начеѣтъ былъ сложенъ до послѣдней копейки. Это было мое первое знакомство съ контрольнымъ вѣдомствомъ; не скрою, что оно не пріобрѣло мои симпатіи. Уже не говоря о причиненной неправильнымъ начеѣтомъ тревогъ, онъ вызвалъ громадную канцелярскую работу и заставилъ отвлечь одного изъ необходимѣйшихъ чиновъ полкового штаба отъ исполненія прямыхъ лежащихъ на немъ обязанностей на весьма продолжительное время, чѣмъ былъ нанесенъ служебнымъ интересамъ прямой вредъ.

Въ августѣ 1870 года я имѣлъ счастье представить вторично ввѣренный мнѣ полкъ Государю Императору.

Его Величество произвелъ цѣлую серію смотровъ.

На смотрѣ стрѣльбы всѣ роты Екатеринославскаго полка, вызванныя для стрѣльбы, дали результатъ выше отличнаго. Полкъ сталъ первымъ въ дивизіи. Тутъ Государь Императоръ объявилъ мнѣ, что Онъ назначить меня въ скоромъ времени командующимъ Л.-Гв. Павловскимъ полкомъ. Генераль-адъютанту Гильденштуббе Онъ сказалъ о томъ же, присовокупивъ, что гвардейское начальство не довольно генераль-маіоромъ Брантомъ, настаиваетъ на смѣнѣ его, и что Онъ надѣется, что я такъ же быстро исправлю Павловскій полкъ, какъ Лейбъ-Екатеринославскій.

Послѣднее ученье въ Высочайшемъ присутствіи былъ дивизіонный маневръ. Когда ввѣренный мнѣ полкъ вступилъ въ боевую линію, Государь Императоръ подозвалъ къ Себѣ генераль-адъютанта Гильденштуббе и обратился къ нему съ слѣдующими словами: „Желая, чтобы ты носилъ вмѣстѣ со мною мундиръ этого славнаго полка, Я тебя зачисляю въ списки его“. Пожалованіе полкового мундира считалось въ то время очень высокою наградою.

17 сентября 1870 года состоялось мое назначеніе командующимъ Л.-Гв. Павловскимъ полкомъ. Сдавъ Лейбъ-Екатеринославскій полкъ флигель-адъютанту полковнику Эллису я выѣхалъ въ концѣ сентября изъ Москвы.

При представленіи Государю Императору въ Царскомъ Селѣ, по случаю новаго назначенія, Его Величество осчастливилъ меня слѣдующими словами: „Еще разъ тебѣ спасибо за командованіе Екатеринославскимъ полкомъ. Я сказалъ твоему преемнику, что единственное мое желаніе, чтобы полкъ этотъ остался при немъ въ томъ же превосходномъ состояніи, въ которомъ онъ его принялъ отъ тебя. Что же касается Павловскаго полка, то шефъ его проситъ тебя полюбить его“.

Я былъ тронутъ до глубины души. Воспоминаніе объ этомъ днѣ не изгладится никогда изъ моей памяти.

Павловскій полкъ я нашелъ въ изрядно разстроенномъ состояніи. Не было тѣхъ злоупотребленій по хозяйственной части, какъ въ Екатеринославскомъ полку, но общество офицеровъ оставляло желать весьма многого. Оно было раздѣлено на партіи, старшіе офицеры не имѣли должнаго вліянія, множество офицеровъ было обременено непосильными долгами. Генералъ-маіоръ Брантъ, оказывая явное пристрастіе къ нѣкоторымъ, далеко не лучшимъ офицерамъ, усилилъ разладъ.

Сознавая, что основаніемъ благоустройства полка служить общество офицеровъ, мои главныя усилія были направлены къ улучшенію состава офицеровъ. Относясь безпристрастно ко всѣмъ, строго слѣдя за службою каждого, подавая личный примѣръ точнаго исполненія служебныхъ обязанностей, часто принимая офицеровъ у себя, мнѣ удалось исподоволь, почти безъ крутыхъ мѣръ, вывести партіи, установить должное единодушіе и поднять общество офицеровъ на степень, приличествующую гвардейскому полку. Результатъ этотъ не замедлилъ отразиться на общемъ благоустройствѣ полка.

Павловскій полкъ скоро пріобрѣлъ репутацію отличнаго во всѣхъ отношеніяхъ полка.

Не мало содѣйствовала мнѣ въ моихъ трудахъ постоянная поддержка всѣхъ начальствующихъ лицъ, а въ особенности неизмѣнно милостивое вниманіе Государя Императора. Офицеры, отъ которыхъ подобное проявленіе не ускользало, подчинились легче моимъ требованіямъ.

Сохранился въ моей памяти одинъ случай, когда особенно рельефно выразилось расположеніе ко мнѣ Государя. На одномъ изъ разводовъ съ церемоніею, отъ армейской части, Его Величество былъ одѣтъ въ формѣ Лейбъ-Екатеринославскаго полка. Когда полковые адъютанты съ фельдфебелями парадировали мимо него, Государь подозвалъ къ себѣ адъютанта Павловскаго полка штабсъ-капитана Эндена и приказалъ ему мнѣ

передать, что желаетъ меня видѣть. Когда я подошелъ къ Его Величеству, Онъ обратился ко мнѣ, показывая на свой воротникъ, съ слѣдующими словами: „Я желалъ, чтобы ты видѣлъ, что я по-прежнему люблю и ношу мундиръ Екатеринославскаго полка“. Слова эти немедленно облетѣли весь манежъ и не мало подняли меня въ глазахъ моихъ офицеровъ.

Несомнѣнно, что Государю было извѣстна трудность моего положенія. Оказывая мнѣ явно знакъ своего милостиваго вниманія, Онъ захотѣлъ меня поддержать.

Командованіе Павловскимъ полкомъ было однимъ изъ счастливейшихъ періодовъ моей жизни, и масса дорогихъ воспоминаній связана съ этимъ временемъ. Пришлось мнѣ занять вполнѣ слѣдствіи несравненно высшія служебныя положенія, сдѣлаться вліятельнымъ человѣкомъ, видѣть себя окруженнымъ лестью и ухаживаніемъ, но, рядомъ съ этимъ, росло число завистниковъ и недоброжелателей, и явилось сознаніе, чѣмъ выше человѣкъ подымается, тѣмъ болѣе у него заботъ и огорченій.

Свято храня заветъ Государя полюбить полкъ, я дѣлалъ все зависящее отъ меня для всесторонняго его улучшенія. Не жалѣлъ я для этого трудовъ и пали они не на неблагодарную почву. Какъ мнѣ извѣстно, еще въ настоящее время вспоминаютъ меня съ благодарностью въ полку.

Приобрѣтя репутацію отличнаго полкового командира, меня стали привлекать и къ постороннимъ занятіямъ. Въ Петербургскомъ округѣ почти не было комиссіи или комитета, въ составъ которыхъ я бы не былъ назначенъ. Всѣ вышедшіе въ семидесятыхъ годахъ пѣхотные уставы, разныя инструкціи и положенія подписаны мною.

Въ особенности много мнѣ пришлось трудиться въ главномъ комитетѣ по образованію войскъ; я былъ, за все время командованія полкомъ, усерднымъ помощникомъ предсѣдателя комитета генераль-адъютанта Г. И. Черткова. Будучи глубоко ему преданнымъ, я работалъ съ особымъ удовольствіемъ вмѣстѣ съ нимъ. Григорія Ивановича Черткова можно конечно было упрекнуть въ нѣкоторой мелочности, въ пристрастіи къ излишней регламентаціи, но недостатки эти сторицею искупались прекрасными его качествами. Я въ жизни не встрѣчалъ другого человѣка столь рыцарски благороднаго, прямодушнаго и добросовѣстнаго.

Генераль Чертковъ занимался съ увлеченіемъ въ главномъ комитетѣ по устройству и образованію войскъ; почти ежедневно собирались подъ его предсѣдательствомъ разныя ко-

мисіи. За его время составлено и издано много положеній весьма полезныхъ и содѣйствовавшихъ благоустройству арміи. Укажу между прочимъ на уставъ, о внутренней службѣ, въ которомъ наши войска чрезвычайно нуждались.

Лишившись обѣихъ ногъ, Григорій Ивановичъ продолжалъ трудиться съ тѣмъ же усердіемъ и настойчивостью.

Ко мнѣ онъ былъ чрезвычайно расположенъ и выказалъ неоднократно знаки искренней дружбы, и я сохраняю о немъ, до конца моей жизни, благодарное воспоминаніе.

19-го декабря 1875 года Государь Императоръ праздновалъ свой 50-ти лѣтній юбилей со дня назначенія шефомъ л.-гв. Павловскаго полка. Я не стану описывать этотъ день; онъ описанъ во всей подробности въ исторіи Павловскаго полка. Ко мнѣ Государь былъ въ этотъ день безконечно милостивъ и осыпалъ знаками Своего вниманія.

Лѣтомъ 1876 года затянулся политическій горизонтъ, стали сильно поговаривать о возможности войны. Во время нашей стоянки въ лагерѣ, обратились ко мнѣ три молодыхъ офицеровъ съ просьбою дать имъ разрѣшеніе ѣхать въ Сербію для поступленія добровольцами въ Сербскую армію. На мой отвѣтъ, что я подобнаго разрѣшенія дать не могу, они заявили мнѣ, что командиръ л.-гв. Семеновскаго полка Свиты Е. В. генералъ-маіоръ князь Святополкъ Мирскій не только препятствуетъ, но даже уговариваетъ своихъ офицеровъ ѣхать въ Сербію, и что въ данномъ случаѣ онъ руководствуется указаніями свыше.

Я имѣлъ случай въ тотъ же день видѣть начальника штаба гвардейскаго корпуса генералъ-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. На мой вопросъ, какъ отнестись къ просьбѣ офицеровъ поступить добровольцами въ Сербскую армію, онъ отвѣтилъ мнѣ, что этому не только препятствовать, но даже поощрять слѣдуетъ. Получивъ такое категорическое указаніе отъ начальника штаба гвардейскаго корпуса, я далъ моимъ тремъ офицерамъ испрашиваемое разрѣшеніе.

Вслѣдъ за симъ пріѣхалъ во время большихъ маневровъ на бивуакъ 2-й гвардейской дивизіи адъютантъ командующаго Сербскою арміею генерала Черняева подполковникъ Вульфбертъ съ цѣлью вербовать добровольцевъ въ Сербскую армію. Около 15 молодыхъ офицеровъ, въ томъ числѣ 4 л.-гв. Павловскаго полка, изъявили желаніе ѣхать въ Сербію. Затѣмъ, не испросивъ чьего-либо разрѣшенія, даже не представившись своимъ полковымъ командирамъ, они выѣхали съ бивуака. Паспортами и

деньгами они снабжались неизвѣстно откуда. Полковымъ командирамъ было предписано ихъ не исключать изъ частей.

По прибытію полка въ Петербургъ, ко мнѣ вновь обратились офицеры съ просьбою ѣхать въ Сербію, и на этотъ разъ уже ротные командиры. Я отвѣтилъ имъ, что мы, быть можетъ, наканунѣ войны, полкъ можетъ получить приказаніе двинуться въ походъ, на что же онъ можетъ быть годенъ, лишившись своихъ офицеровъ, поэтому я имъ рѣшительно отказываю въ испрашиваемомъ разрѣшеніи. Если высшее начальство будетъ недовольно моимъ образомъ дѣйствія, то пусть берутъ у меня полкъ, но рѣшенія я своего не измѣню. Офицеры эти, болѣе зрѣлые по годамъ, не рѣшились послушаться меня и остались въ полку. Одновременно съ этимъ вѣтеръ свыше измѣнился круто. Государь Императоръ, какъ говорили, недовольный тѣмъ, что ген. Черняевъ объявилъ Милана королемъ, приказалъ произвести строжайшее разслѣдованіе, кто поощрялъ отправленіе офицеровъ въ Сербію и оказывалъ имъ въ этомъ содѣйствіе. Разслѣдованіе конечно не привело ни къ чему, ибо слишкомъ высокопоставленныя лица были въ этомъ замѣшаны, но результатъ былъ тотъ, что поступленіе офицеровъ волонтерами въ Сербскую армію прекратилось.

Тѣмъ не менѣе можно безошибочно сказать, что отправленіе офицеровъ въ Сербію было началомъ восточной войны.

19-го марта 1877 года я былъ назначенъ командиромъ 2-й бригады 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи. На другой день, при представленіи по случаю новаго назначенія, Государь Императоръ объявилъ мнѣ, что сохраняетъ мнѣ мундиръ л.-гв. Павловскаго полка. Обыкновенно начальство возбуждало по командѣ ходатайство о сохраненіи мундира полка лицамъ, командовавшимъ продолжительное время и съ отличіемъ полками. Личное же пожалованіе Государемъ Императоромъ мундира полка было рѣдкое исключеніе и знакъ особаго благоволенія.

Надежда моя отдохнуть немного послѣ десятилѣтняго командованія полками не сбылась. Немедленно послѣ моего назначенія командиромъ бригады, на меня была возложена Е. И. В. командиромъ гвардейскаго корпуса, повѣрка запасовъ и боевой готовности во всѣхъ частяхъ корпуса, Мнѣ въ помощь было назначено по одному офицеру отъ cadaго рода оружія.

Порученіе было серьезное и, въ виду возможнаго выступленія гвардіи въ походъ, весьма отвѣтственное.

Неустанно трудясь съ утра до вечера, мнѣ удалось въ два мѣсяца успѣшно окончить данную мнѣ сложную работу.

Въ концъ мая гвардейскій корпусъ выступилъ, по установленному порядку, въ Красно-Сельскій лагерный сборъ. Но вяло шли занятія; получая ежедневныя извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій, сердца наши не лежали къ мирнымъ занятіямъ, всѣ стремились въ походъ. Наконецъ, 21-го іюля было получено давно желанное извѣстіе. Великій Князь Главнокомандующій дѣйствующею арміею сообщилъ телеграммою на имя временно-командующаго войсками Петербургскаго военного округа генералъ-адъютанта барона Бистрома, Высочайшее повелѣніе о движеніи гвардейскаго корпуса въ Турцію. Восторгъ былъ неописанный, офицеры и нижніе чины ликовали. Войска немедленно выступили въ мѣста постоянного расположенія, чтобы готовиться къ выступленію въ походъ. Работа закипѣла въ полкахъ, начали прибывать запасные.

Первые выступили въ походъ лейбъ-гусары, сколько мнѣ помнится, 7-го августа. Движеніе пѣхоты началось съ ввѣренной мнѣ бригады. 16-го августа выступилъ л.-гв. Финляндскій, 17-го августа л.-гв. Павловскій полкъ, я слѣдовалъ съ бригаднымъ управленіемъ при послѣднемъ. Предполагалось перевезти всю пѣхоту до Яссы по желѣзной дорогѣ, но вслѣдствіе значительнаго скопленія войскъ и неисправности румынскихъ желѣзныхъ дорогъ, Павловскій полкъ былъ высаженъ въ Унгенахъ и слѣдовалъ оттуда до Яссы обыкновеннымъ походнымъ порядкомъ. Свой полковой праздникъ полкъ встрѣтилъ въ одномъ переходѣ отъ этого города.

Въ Яссахъ мы провели нѣсколько дней; тутъ было получено извѣстіе о неудачномъ третьемъ Плевненскомъ штурмѣ. Отдохнувъ нѣсколько дней, мы двинулись дальше и прослѣдовали черезъ всю Румынію обыкновеннымъ походнымъ порядкомъ. Погода стояла благопріятная, войска не нуждались ни въ чемъ, въ предѣлахъ Румыніи „товарищество“ дѣйствовало исправно, снабжая насъ своевременно хлѣбомъ и фуражомъ. 1-го октября подошли мы къ Дунаю, и тутъ начались наши мученія; погода испортилась, начались дожди и дороги стали непроходимыми. Памятенъ мнѣ переходъ отъ Дуная въ Царевіцы, всего 8 верстъ, и прошли мы это разстояніе не менѣе 15-ти часовъ. Грязь была непролазная, обозъ сталъ, лошади не берутъ; люди, вытаскивая повозки, работали до изнеможенія. Временно командующій 2-й гвардейскою пѣхотною дивизіею генералъ-адъютантъ графъ Шуваловъ слѣдовалъ, во время этого перехода, вмѣстѣ со мною при л.-гв. Финляндскомъ полку. Только благодаря нашимъ общимъ дружнымъ усиліямъ удалось преодолѣть встрѣчаемыя

препятствія. Грустные размышленія навело на насъ отчаянное состояніе дороги, а дорога эта служила тыломъ нашей многочисленной арміи, и по ней слѣдовали ежедневно тысячи повозокъ. Правъ былъ графъ Шуваловъ, заявляя черезъ нѣсколько дней Великому Князю Главнокомандующему, что онъ желалъ бы лучше проиграть генеральное сраженіе, чѣмъ имѣть такой тылъ, какъ онъ его имѣетъ.

До перехода черезъ Дунай цѣль движенія 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи окончательно не опредѣлилась; то мы получали приказаніе двигаться въ Плевну, то на подкрѣпленіе Руссукскаго отряда. Въ Царевичахъ было получено окончательное приказаніе двинуться въ Павлово и поступить подъ команду Наслѣдника Цесаревича. Зная, насколько было болѣе порядка въ отрядѣ Цесаревича, чѣмъ въ прочихъ частяхъ дѣйствующей арміи, мы очень обрадовались этому распоряженію.

2-го и 3-го октября полки 2-ой бригады прибыли въ Павловъ. Туда пріѣхалъ къ намъ начальникъ полевого штаба генералъ-адъютантъ Непокойчицкій и объявилъ намъ, что главнокомандующій измѣнилъ свои предположенія, и 2-й гвард. дивизія назначается въ Плевненскій отрядъ; по присоединеніи л.-гв. Гренадерскаго полка къ 2-й бригадѣ, всѣмъ тремъ полкамъ надлежитъ двинуться черезъ Горный Студень къ Плевнѣ. Пользуясь присутствіемъ начальника полевого штаба, графъ Шуваловъ передалъ ему, насколько озабоченъ дальнѣйшимъ продовольствіемъ дивизіи. Въ Павловскомъ полку осталось сухарей на три, въ Финляндскомъ на два дня, откуда впередъ ихъ получать, не извѣстно. Ни объ интендантскихъ чиновникахъ, ни объ агентахъ товарищества ни слуха, ни духа; всѣ они точно сквозь землю провалились. „Что вамъ на это отвѣтить, любезный графъ“, сказалъ генералъ-адъютантъ Непокойчицкій; „пишите въ интенданство, пишите въ товарищество, авось кто-нибудь что-нибудь и пришлетъ“.

Отвѣтъ настолько характерный и настолько вѣрно изображающій хаосъ, царствовавшій въ дѣйствующей арміи, что я не преминулъ тутъ же его записать.

5-го октября прослѣдовали мы черезъ Горный Студень. Тутъ я имѣлъ счастье представить ввѣренную мнѣ бригаду Государю Императору. Тяжелое впечатлѣніе произвелъ на насъ всѣхъ видъ Его Величества. Страдая отъ упорной лихорадки, удрученный бывшими неудачами и потерями войскъ, Онъ нарочно страшно измѣнился; на Его исхудаломъ лицѣ была

наложена печать скорби. Тѣмъ не менѣе Онъ встрѣтилъ насъ съ Своею обычною привѣтливостію и добротою.

Пожелавъ намъ успѣха и не понести большихъ потерь, Онъ простился самымъ сердечнымъ образомъ съ дорогими Ему полками. Мнѣ Онъ сказалъ при прощаніи, намекая на полученную мною въ 1863 году рану: „Смотри, чтобы съ тобою не было то, что было уже разъ“.

Мы двигались по направленію къ Плевнѣ. Весь гвардейскій корпусъ долженъ былъ вступить въ составъ западнаго отряда, ввѣренный начальству генераль-адъютанта Гурко.

При ввѣренной мнѣ бригадѣ шелъ генераль-адъютантъ графъ Шуваловъ. Будучи съ нимъ въ самыхъ близкихъ и дружескихъ отношеніяхъ, мы на всѣхъ ночлегахъ останавливались вмѣстѣ. На одномъ изъ нихъ, сколько мнѣ помнится въ Парадимѣ, мы встрѣтили начальника штаба гвардейскаго корпуса генераль-адъютанта графа Воронцова-Дашкова, высланнаго изъ западнаго отряда генераль-адъютантомъ Гурко, признававшимъ его присутствіе при гвардейскомъ корпусѣ, какъ старшаго въ чинѣ, неудобнымъ для себя. Графъ Воронцовъ-Дашковъ направлялся въ Руцукскій отрядъ, гдѣ онъ долженъ былъ командовать кавалеріею отряда, назначеніе чисто номинальное.

Онъ былъ глубоко возмущенъ распоряженіемъ генерала Гурко и заявилъ намъ, что, будучи хотя и старше въ чинѣ этого генерала, онъ тѣмъ не менѣе безпрекословно бы ему подчинился, и ничѣмъ не далъ повода къ этому несправедливому относительно него распоряженію.

Ночь мы провели всѣ вмѣстѣ въ полуразрушенной Болгарской мазанкѣ.

На послѣднемъ переходѣ насъ встрѣтилъ посланный отъ генераль-адъютанта Гурко съ отзывомъ на имя графа Шувалова, въ которомъ предписывалось, за исключеніемъ артельныхъ и офицерскихъ повозокъ, оставить всѣ тяжести и весь обозъ въ Боготѣ, въ томъ числѣ и дивизіонный лазаретъ. Распоряженіе относительно лазарета насъ крайне поразило; намъ было извѣстно, что предстоитъ серьезное дѣло, а между тѣмъ лишаютъ дивизіоннаго лазарета; но на войнѣ не разсуждаютъ, приказаніе начальника отряда было въ точности исполнено.

10-го октября ввѣренная мнѣ бригада вступила въ деревню Эскибаркасъ, пунктъ сосредоточія главныхъ силъ Западнаго отряда. Всѣ войска были въ сборѣ за исключеніемъ Л.-Гв. Московскаго полка, прибывшаго только 11-го вечеромъ. Полкъ этотъ послѣ 2-хъ мѣсячнаго безостановочнаго движенія, отдох-

нужь только нѣсколько часовъ въ Эскибаркасъ, участвовалъ съ прочими полками дивизіи 12-го октября въ бою при Горномъ Дубнякѣ. Какъ рассказывали впоследствии, нижніе чины этого полка были настолько утомлены, что засыпали подъ турецкими пулями.

10-го вечеромъ всѣ начальники отдѣльныхъ частей были потребованы къ начальнику отряда. Генералъ-адъютантъ Гурко прочелъ намъ диспозицію предстоящаго 12-го октября боя. Для атаки Горнаго Дубняка были назначены три колонны, лѣвая, средняя и правая. Мнѣ было довѣрено начальствованіе надъ лѣвою колонною, въ составъ которой вошли: полки Л.-Гв. Павловскій и Финляндскій (8 батальоновъ), 2 сотни донскихъ казаковъ и 4 и 5 батареи Л.-Гв. 2-й артиллерійской бригады (16 орудій). Назначеніе этой колонны атака Горнаго Дубняка съ юго-запада, à cheval на Софійскомъ шоссе. Когда диспозиція была выслушана, я позволилъ себѣ обратиться къ генералу Гурко съ вопросомъ, какія намъ, начальникамъ колоннъ, принять мѣры, чтобы не было потери отъ собственнаго артиллерійскаго огня. Атакуя Горный Дубнякъ съ трехъ сторонъ, мнѣ казалось, такія потери неизбежны. Генералъ Гурко отвѣтилъ мнѣ, что онъ надѣется, что этого не будетъ. Очевидно, онъ не ожидалъ упорнаго сопротивленія, и думалъ, что позиція будетъ взята, такъ сказать, съ налета.

Тутъ же было отдано приказаніе, чтобы кромѣ лазаретныхъ линеекъ никакихъ повозокъ при войскахъ не было. Офицерамъ было разрѣшено взять съ собою вьюки, но такъ какъ большинство изъ нихъ не имѣло ни вьюковъ, ни вьючныхъ лошадей, то разрѣшеніемъ этимъ никто не воспользовался. Мы выступили изъ Эскибаркаса, имѣя при себѣ только то, что на насъ было надѣто.

11-го октября генералъ-адъютантъ Гурко выѣхалъ въ сопровожденіи всѣхъ начальниковъ частей для рекогносцировки мѣстности у Горнаго Дубняка. День былъ ясный, и очертаніе укрѣпленной турецкой позиціи было отчетливо видно.

Получивъ отъ генерала Гурко дополнительные словесныя приказанія, мы разѣхались по своимъ бивуакамъ. Настроеніе у всѣхъ было спокойное и веселое, никто не ожидалъ тѣхъ страшныхъ потерь, которыя мы понесли на слѣдующій день.

11-го вечеромъ я встрѣтился случайно съ командиромъ Л.-Гв. Гренадерскаго полка флигель-адъютантомъ полковникомъ Любовицкимъ. „Завтра Павловцы встрѣтитъ въ Лейбъ-Гренадерахъ достойныхъ соперниковъ“, сказалъ онъ мнѣ. „Ни

о какомъ соперничествѣ не можетъ быть рѣчи“, отвѣтилъ я ему, „исполните вашъ долгъ честно, какъ и мы постараемся его исполнить“.

12-го въ первомъ часу утра войска выступили съ бивуака. Впереди моей бригады слѣдовалъ Л.-Гв. Егерскій полкъ, назначенный для атаки Телиша. Ночь была темная, войска шли медленно; лейбъ-егери замѣшались при переправѣ въ бродъ черезъ рѣку Видъ, и когда я съ бригадою перешелъ эту рѣку, я видѣлъ, что я опоздалъ часа на два и не подойду къ назначенному по диспозиціи времени, 6-ти часовъ, къ Горному Дубняку. Вслѣдствіе этого я немедленно послалъ генераль-адъютанту Гурко и начальнику сосѣдней средней колонны генераль-майору барону Зедделеру письменное сообщеніе, что вступаю въ бой не ранѣе восьми часовъ. Записка эта была получена своевременно названными лицами.

Въ началѣ девятаго часа моя бригада развернулась въ боевой порядокъ; на правомъ флангѣ боевой линіи шли два батальона Л.-Гв. Павловскаго полка, на лѣвомъ три батальона Л.-Гв. Финляндскаго полка, между ними обѣ батареи, въ бригадномъ резервѣ два батальона Л.-Гв. Павловскаго и одинъ батальонъ Л.-Гв. Финляндскаго полка. Подойдя къ укрѣпленію саженъ на 300, артиллерія открыла огонь, было 8¹/₄ часовъ утра. Батареи быстро пристрѣлялись, было отчетливо видно, какъ 3-я выпущенная граната разорвалась надъ редутомъ, и что-то въ немъ загорѣлось.

Но тутъ представилось моимъ глазамъ неожиданное зрѣлище: Л.-Гв. Гренадерскій полкъ, идущій въ атаку на редутъ.

„Что дѣлаетъ Любовицкій, онъ все дѣло портитъ“, обратился я къ находящемуся тутъ же графу Шувалову, по диспозиціи не было возложено на графа Шувалова никакое командованіе. Онъ рѣшился слѣдовать при ввѣренной мнѣ 2 бригадѣ ¹⁾.

¹⁾ Очевидно, планъ Гурко—атаковать редутъ одновременно съ трехъ сторонъ—былъ разстроенъ. Вслѣдствіи полковникъ Любовицкій оправдывалъ свой образъ дѣйствій тѣмъ, что, попавъ неожиданно подъ сильный ружейный огонь, онъ не рѣшился отвести полкъ назадъ, а предпочелъ идти въ атаку, не выждавъ приближенія прочихъ войскъ.

Я думаю, что объясненіе это едва-ли заслуживаетъ вниманія: я полагаю скорѣе, что не ожидавъ встрѣтить со стороны турокъ столь упорное сопротивленіе, онъ разсчитывалъ ворваться первый въ редутъ. Такъ или иначе, но нельзя не признать полковника Любовицкаго главнымъ виновникомъ понесенныхъ нами громадныхъ потерь. Не будь его опрометчивой атаки, бой вѣроятно разыгрался бы иначе.

Гренадерамъ удалось занять небольшой ложементъ близъ ретуда, но вслѣдъ за тѣмъ бросившись на главный ретудъ, и встрѣченные страшнымъ огнемъ, они повернули назадъ и отступили въ безпорядкѣ къ занятому прежде ложементу. Опасаясь, что они могутъ быть выбиты оттуда, полковникъ Любовицкій прислалъ ко мнѣ адъютанта съ просьбою помочь ему.

Двинуть всѣ мои войска въ атаку я еще не могъ; Л.-Гв. Финляндскій полкъ не успѣлъ совершить продолжительное захожденіе лѣвымъ флангомъ впередъ, чтобы стать, согласно диспозиціи, а cheval на Софійскомъ шоссе, но, не желая отказывать находящемуся въ бѣдѣ товарищу въ испрашиваемой поддержкѣ, я рѣшился двинуть расположенные на моемъ правомъ флангѣ два батальона павловскаго полка на помощь гренадерамъ.

Смѣло пошли павловцы подъ начальствомъ своего полкового командира полковника Шмита, но встрѣченные сильнѣйшимъ огнемъ, остановились и залегли шаговъ 100 отъ ретута, перемѣшавшись съ гренадерами.

Не ожидая рѣшительныхъ результатовъ на моемъ правомъ флангѣ, я направился къ Л.-Гв. Финляндскому полку и приказалъ генералъ-маіору Лаврову атаковать съ тремя батальонами юго-западный уголъ ретута. Атака была также безуспѣшна, батальоны, не дойдя до ретута, остановились, пошла живая ружейная перестрѣлка. На помощь финляндцамъ я лично двинулъ изъ резерва батальонъ Павловскаго и послѣдній финляндскій батальонъ. Опять всѣ войска бросились впередъ, но не добѣжавъ до ретута остановились. Затѣмъ послѣдовало нѣсколько частныхъ атакъ по инициативѣ батальонныхъ командировъ. Всѣ ближе и ближе подходили войска къ ретуту, но ворваться въ него не могли.

Число убитыхъ и раненыхъ все увеличивалось. Находясь нѣсколько разъ подъ сильнѣйшимъ турецкимъ огнемъ, я оставался пока цѣлъ и невредимъ.

Артиллерія сдѣлала попытку поддержать пѣхоту своимъ огнемъ, но павловцы и финляндцы подошли уже столь близко къ ретуту, что одинъ снарядъ, пущенный 5-ю батареею, попалъ въ расположеніе роты Его Величества Л.-Гв. павловскаго полка и вывелъ изъ строя нѣсколько человекъ. Къ вѣщему на счастье осколками этого снаряда были смертельно ранены командиръ 1-го батальона флигель-адъютантъ полковникъ Руновъ и командиръ роты Его Величества капитанъ Ширманъ. Во избѣжаніе дальнѣйшихъ потерь отъ собственнаго огня, артиллерія замолчала; бой ограничился ружейною перестрѣлкою.

Въ часъ съ половиною дня подѣхалъ ко мнѣ адъютантъ генераль-адъютанта Гурко съ приказаніемъ общей атаки всѣхъ войскъ послѣ трехъ залповъ, послѣдовательно данныхъ артиллеріею всѣхъ трехъ колоннъ.

Желая во избѣжаніе всякой ошибки и недоразумѣнія самъ передать войскамъ о полученномъ приказаніи и намѣреваясь лично броситься во главѣ войскъ на редутъ, я поѣхалъ въ боевыя линіи. Графъ Шуваловъ нагналъ меня, чтобы поѣхать вмѣстѣ со мною. Но я остановилъ его: „Пока я живъ и здоровъ, оставайся на мѣстѣ и не рискуй понапрасно собою: когда меня убьютъ или ранятъ, тогда заступи меня“, сказалъ я ему. Графъ Шуваловъ послушался меня и остановился. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого разговора прилетѣлъ къ нему адъютантъ съ докладомъ, что я смертельно раненъ. Тутъ графъ Шуваловъ вступилъ въ командованіе моею бригадою и принялъ на себя непосредственное руководство боемъ, и при этомъ не жалѣлъ себя.

Но продолжаю рассказъ. Отѣхавъ отъ графа Шувалова, я направился въ расположеніе Финляндскаго полка. Мое приближеніе было замѣчено турками; немедленно въ меня былъ открытъ огонь и шаговъ сто отъ редута я упалъ раненый въ животъ навывлетъ. Сопровождавшій меня офицеръ генеральнаго штаба капитанъ Аффанасовичъ былъ сильно контуженъ, бригадному адъютанту барону Кене пуля прошибла фуражку. Немедленно нѣсколько солдатъ л.-гв. Финляндскаго полка подскочили ко мнѣ, чтобы вынести; одинъ изъ нихъ былъ тутъ же убитъ наповаль.

Меня перенесли на перевязочный пунктъ л.-гв. Павловскаго полка, тамъ положили въ лазаретную линейку и отвезли съ С. Чириково, гдѣ было открыто Краснымъ Крестомъ нѣчто въ родѣ лазарета.

Благодаря заботливости этого учрежденія, оказалось возможнымъ наложить перевязку; не будь Краснаго Креста, многіе изъ раненыхъ бы погибли. Нашъ дивизіонный лазаретъ находился въ Боготѣ, военные медики не располагали никакими средствами.

Около 9-ти часовъ вечера было получено извѣстіе, что Горный Дубнякъ взятъ. Проектированная генераломъ Гурко общая атака не удалась, приказаніе его о залпахъ было перепутано; но все ближе и ближе подошли наши войска къ редуту, залегли наконецъ въ ровъ. Тутъ кто-то закричалъ „ура“, ура было подхвачено; нестройныя толпы солдатъ ворвались въ редутъ, и турецкій гарнизонъ былъ истребленъ.

Велика была моя радость, когда узналъ о побѣдѣ. Не даромъ была пролита наша кровь; если потери наши были велики, то и результатъ былъ крупный. Съ паденіемъ Горнаго Дубняка, Османъ-паша былъ отрѣзанъ отъ Софіи; на свѣжія подкрѣпленія и доставку провіанта онъ болѣе не могъ рассчитывать; судьба Плевны была рѣшена.

Ночью съ 12-го на 13-е октября я провелъ въ страшныхъ страданіяхъ, я лежалъ въ казачьемъ шалашѣ; погода была холодная; появилось сильное лихорадочное состояніе.

13-го октября я выразилъ желаніе, чтобы меня везли дальше, но врачи, опасаясь, что я умру дорогою, не изъявили на это согласія.

13-го утромъ пріѣхалъ меня навѣстить Великій Князь Главнокомандующій. Вслѣдствіе моей настойчивой просьбы, онъ приказалъ положить меня въ лазаретный фургонъ и везти въ Боготъ, гдѣ была расположена главная квартира. Рядомъ со мною положили тяжело раненаго генераль-маіора барона Зедделера. Взялся насъ сопровождать младшій врачъ л.-гв. Гренадерскаго полка Левъ Васильевичъ Поповъ, нынѣ профессоръ медико-хирургической академіи.

Почти всю дорогу я находился въ безчувственномъ состояніи, рѣдко приходя въ себя. Въ Боготѣ, куда насъ доставили 14-го октября, встрѣтилъ насъ профессоръ Валь, которому Государемъ Императоромъ былъ порученъ уходъ за нами. Осмотрѣвъ мою рану, онъ объявилъ, какъ я узналъ впоследствии, что даетъ мнѣ не болѣе часа жизни.

Меня положили вмѣстѣ съ барономъ Зедделеромъ въ киргизскую юрту, принадлежащую Великому Князю Николаю Николаевичу и назначенную Его Высочествомъ въ наше распоряженіе.

Однакожъ предположеніе профессора Валя не осуществилось; я прожилъ ночь и чувствовалъ себя утромъ нѣсколько бодрѣе. Въ это утро навѣстилъ меня Государь Императоръ, пріѣхавшій изъ Горнаго Студеня въ Боготъ, чтобы видѣть раненыхъ.

Я лежалъ на низкой походной кровати. Государь Императоръ, желая меня поцѣловать, всталъ у моей кровати на колѣни. Безконечно милостивъ и добръ былъ Онъ ко мнѣ; успокаивалъ и утѣшалъ, спрашивалъ, не нуждаюсь ли я въ чемъ, выговаривалъ, отчего я, вопреки его приказанію, не берегъ себя въ бою. Замѣтивъ, что я покрытъ лѣтнимъ одѣяломъ, сказалъ, что пришлетъ мнѣ теплое одѣяло, высланное Ему Императрицею.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но я и теперь не могу

вспомнить безъ слезъ и сердечнаго волненія и глубокаго, умиленія, объ этомъ посѣщеніи. Свѣтлый образъ Монарха, Ангела утѣшителя, явственно рисуется передо мною.

Въ тотъ же день осмотрѣлъ меня, по повелѣнію Его Величества, профессоръ Пироговъ. Найдя нѣкоторое улучшеніе, онъ нашелъ возможнымъ везти меня дальше. Было рѣшено отправить меня въ г. Систово въ евангелическій лазаретъ. По приказанію Великаго Князя Главнокомандующаго, принимавшаго во мнѣ самое теплое участіе, врачъ Поповъ и бригадный мой адъютантъ поручикъ баронъ Кене должны были меня сопровождать до этого пункта.

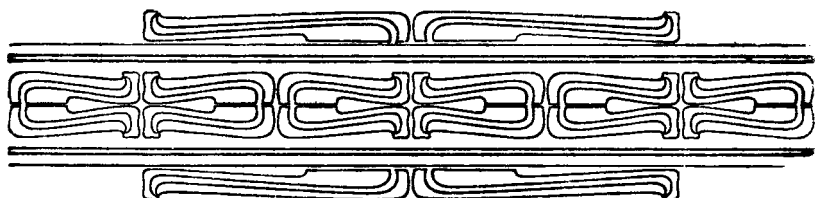
Благодаря сердечнымъ заботамъ этихъ лицъ и здоровой моей натурѣ, я выдержалъ благополучно переѣздъ и былъ доставленъ, какъ мнѣ помнится, 18-го октября въ г. Систово. Евангелическій лазаретъ былъ обставленъ прекрасно, помѣщеніе сухое и теплое, уходъ за больными превосходный.

Въ Систовѣ я имѣлъ радость свидѣться съ женою, выѣхавшею изъ Петербурга при извѣстіи о моемъ раненіи.

Здоровье мое поправилось настолько, что было признано возможнымъ, въ концѣ октября, отправить меня въ Петербургъ, куда пріѣхалъ благополучно 8-го ноября.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Записки Н. А. фонъ-Розенбаха ¹⁾.

25 ноября 1889 г.

Высочайшимъ приказомъ 22 октября 1889 г. я уволенъ отъ должности Туркестанскаго генераль-губернатора и Командующаго войсками Туркестанскаго военнаго округа и назначенъ членомъ Военнаго Совѣта.

Постоянно въ высшей степени дѣятельная моя служба мѣшала мнѣ по сіе время вести свой дневникъ. При настоящемъ служебномъ положеніи, имѣя много свободнаго времени, воспользуюсь имъ, чтобы занести на строкахъ этого журнала все виденное и испытанное мною во время моей продолжительной службы.

Командуя 2-ою бригадою 2 Гвард. пѣхотной дивизіи, я былъ тяжело раненъ 12 октября 1877 г. въ сраженіи при Горномъ Дубнякѣ. Рана требовала продолжительнаго лѣченія, я былъ отчисленъ отъ должности бригаднаго командира съ оставленіемъ въ свитѣ Его Императорскаго Величества, и вернулся въ Петербургъ, куда пріѣхалъ въ сопровожденіи моей жены, выѣхавшей за мною въ городъ Систово, 2 ноября 1877 г. Въ январѣ 1878 года здоровье мое поправилось настолько, что я могъ испросить черезъ командующаго императорскою Главною квартирою генераль-адъютанта графа Адлерберга разрѣшеніе Государя Императора представиться Его Импер. Величеству. Въ февралѣ, не помню какого числа, я удостоился этого счастья,

¹⁾ См. „Русская Старина“, январь 1916 г.

и такъ какъ по свойству раны, мнѣ было невозможно застегнуть мундиръ, было разрѣшено представиться Государю Императору въ сюртукѣ.

Его Императорское Величество принялъ меня самымъ милостивымъ образомъ, поцѣловалъ меня, справился самымъ сердечнымъ образомъ о состояніи моего здоровья и объявилъ мнѣ, что какъ только возстаноятся мои силы, я получу новое назначеніе.

Въ Свѣтлое Воскресеніе послѣ заутрени Государь подозвалъ моего сына Сергѣя, бывшаго, по званію фельдфебеля Пажескаго корпуса, его камеръ-пажемъ, и приказалъ мнѣ передать, что если здоровье мое позволяетъ, я къ нему пріѣхалъ на другой день, 17 апрѣля, въ день его рожденія.

Я конечно не преминулъ исполнить приказаніе Его Величества и явился въ 12 часовъ въ Зимній Дворецъ. Государь принялъ меня немедленно и сказалъ мнѣ, что потребовалъ меня къ себѣ, чтобы подарить мнѣ золотую саблю, заказанную Имъ для меня. Нечего говорить, насколько я былъ тронутъ этою необычайною милостью и на сколько мнѣ дорогъ этотъ подарокъ. Пусть эта сабля передастся въ моемъ родѣ отъ старшаго къ старшему, и да служитъ она свидѣтельствомъ о томъ, какое утонченное милостивое вниманіе умѣлъ оказывать Императоръ Александръ II своимъ вѣрнымъ и преданнымъ слугамъ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ я просилъ разрѣшеніе представиться Государю Наслѣднику Цесаревичу и Государынѣ Цесаревнѣ. Ихъ Императорскія Высочества были настолько милостивы, что пригласили меня къ завтраку. Ихъ Императорскія Высочества были ко мнѣ чрезвычайно внимательны, Цесаревичъ много меня разспрашивалъ о гвардейскомъ корпусѣ и предложилъ мнѣ командованіе 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, должность начальника которой сдѣлалась вакантною вслѣдствіе отчисленія ген.-ад. Черткова, которому была отнята нога въ Вѣнѣ и который не могъ поэтому продолжать строевую службу. Я принесъ Его Высочеству искреннюю благодарность за лестное предложеніе, которое вынужденъ однакожь отклонить, такъ какъ здоровье мое еще далеко не возстановлено.

Въ маѣ мѣсяцѣ переѣхалъ въ Царское Село, чтобы провести тамъ лѣто.

11-го іюля пріѣхалъ ко мнѣ начальникъ штаба гвардейскаго корпуса генераль-адъютантъ графъ Воронцовъ-Дашковъ и предложилъ мнѣ, по порученію Государя Наслѣдника Цесаревича

должность начальника штаба гвард. корпуса. Графъ Воронцовъ-Дашковъ объяснилъ мнѣ, что, будучи во время Восточной войны генералъ-адъютантомъ Гурко, командовавшимъ Западнымъ отрядомъ, въ составъ котораго входилъ гвардейскій корпусъ, отстраненъ отъ должности начальника штаба, онъ не призналъ возможнымъ быть имъ въ мирное время, о чемъ заявилъ Наслѣднику Цесаревичу, который призналъ эту причину основательной и соизволилъ на его просьбу.

12-го іюля я явился Наслѣднику Цесаревичу. Его Высочество принялъ меня самымъ милостивымъ образомъ, повторилъ сдѣланное мнѣ наканунѣ предложеніе и выразилъ надежду, что я буду ему нуженъ. Я горячо благодарилъ за оказанное мнѣ довѣріе, которое постараюсь оправдать всѣми силами. Вмѣстѣ съ этимъ Цесаревичъ выразилъ желаніе, чтобы я немедленно принялъ отъ графа Воронцова дѣла, которыя были у него на производствѣ. Выходя изъ кабинета Цесаревича, я былъ встрѣченъ камердинеромъ Цесаревича, передавшимъ мнѣ, что Ея Высочество желаетъ меня видѣть. Цесаревна очаровала меня своимъ милостивымъ ко мнѣ вниманіемъ, и я оставилъ Александровскій дворецъ, глубоко осчастливленный новымъ назначеніемъ и давши себѣ обѣтъ быть по мѣрѣ силъ и способностей полезнымъ Ихъ Императорскимъ Высочествамъ, и никогда ни въ угоду никому не отступать отъ прямого истиннаго пути. Оглядываясь нынѣ назадъ, я съ полною искренностью могу сказать, что никогда не измѣнилъ этому обѣту.

На другой день послѣ пріема у Его Высочества я принялъ дѣла отъ графа Воронцова-Дашкова, который немедленно уѣхалъ въ 4-хъ-мѣсячный отпускъ, и съ тѣхъ поръ начались мои доклады у Цесаревича, хотя Высочайшій приказъ о моемъ назначеніи начальникомъ штаба еще не состоялся. Въ послѣднихъ числахъ іюля, не помню, какого именно числа, я былъ на маломъ выходѣ, по случаю воскреснаго дня, въ Царскосельскомъ дворцѣ. По окончаніи обѣдни Государь Императоръ подошелъ ко мнѣ, поздравилъ меня съ новымъ назначеніемъ и выразилъ удовольствіе видѣть меня начальникомъ штаба Цесаревича. При этомъ Государь обратился къ стоящему рядомъ со мною ген.-ад. графу Эдуарду Трофимовичу Баранову со словами: „Я его назначилъ (указывая на меня) на ту должность, которую ты когда-то занималъ“.

Узнавъ о своемъ назначеніи изъ устъ Самого Государя, я приказалъ немедленно мундиръ генеральнаго штаба, въ которомъ и поѣхалъ 6-го августа на церковный парадъ Л.-гв. Преобра-

женскаго полка. Встрѣтившись тамъ съ военнымъ министромъ графомъ Милютинымъ, я просилъ его не удивляться, что видитъ меня въ мундирѣ генеральнаго штаба, но что, въ виду словъ Государя Императора, я счелъ себя въ правѣ надѣть этотъ мундиръ. Графъ Милютинъ сказалъ мнѣ, что Государь ему дѣйствительно приказалъ объявить въ Высочайшемъ приказѣ о моемъ назначеніи начальникомъ штаба, но что онъ забылъ, на какую именно должность Его Величество меня назначилъ, на должность, занимаемую графомъ Шуваловымъ (начальника окружнаго штаба) или занимаемую графомъ Воронцовымъ (начальника корпуснаго штаба). Я объяснилъ графу, что назначенъ начальникомъ штаба Наслѣдника Цесаревича. 7-го августа было объявлено въ Высочайшемъ приказѣ о моемъ назначеніи начальникомъ штаба Гвардейскаго корпуса.

Въ концѣ августа начали вступать въ Петербургъ, Царское Село и Петергофъ Гвардейскія части, возвращающіяся изъ Турціи съ театра военныхъ дѣйствій. Государь Императоръ отсутствовалъ изъ Петербурга и поручилъ Наслѣднику Цесаревичу замѣнить его и встрѣчать Гвардейскія части. Всѣ распоряженія относительно встрѣчи дѣлались мною. Наслѣдникъ Цесаревичъ вмѣстѣ съ Цесаревною встрѣчали всѣ части. Полки и батальоны строились для встрѣчи развернутымъ фронтомъ, и послѣ объѣзда Цесаревичемъ, проходили церемоніальнымъ маршемъ мимо ихъ Высочествъ.

Петербургское населеніе восторженно встрѣчало вступающія части. Присутствующія Высочайшія Особы, и во главѣ ихъ Цесаревна, возлагали вѣнки на начальниковъ части. Вообще встрѣчи были обставлены самымъ торжественнымъ образомъ. Сильное и горестное впечатлѣніе произвело на меня вступленіе л.-гв. Павловскаго полка.

Многихъ и можно сказать лучшихъ офицеровъ не доставало. Тѣла ихъ похоронены у Горнаго Дубняка.

По вступленіи войскъ въ мѣста постоянного расположенія, имъ былъ данъ продолжительный отдыхъ, и началась обычная мирная жизнь.

Я ѣздилъ къ Наслѣднику Цесаревичу съ докладомъ два раза въ недѣлю, и обыкновенно по окончаніи доклада, удостоивался приглашенія къ завтраку. Кромѣ дежурнаго адъютанта и фрейлины изъ постороннихъ никого не бывало. Мнѣ указывалось постоянно мѣсто рядомъ съ Цесаревною. Ихъ Императорскія Высочества были ко мнѣ неизмѣнно милостивы, и я пріобрѣлъ, какъ мнѣ казалось, въ скоромъ времени полное

довѣріе и расположеніе Цесаревича. Время это не изгладится никогда изъ моей памяти и будетъ всегда свѣтлымъ воспоминаніемъ.

Дворъ Цесаревича былъ составленъ превосходно. Въ должности гофмаршала состоялъ генераль-адъютантъ В. В. Зиновьевъ, придворною конторою завѣдывалъ генераль-маіоръ А. С. Васильковскій, гофмейстериною была княгиня Куракина, фрейлина графиня Апраксина и г-жа Озерова, въ должности адъютантовъ состояли: князь Барятинскій, графъ Шереметевъ, Мартыновъ, графъ Олсуфьевъ, князь Оболенскій и Шереметевъ. Дворъ отличался замѣчательнымъ благоустройствомъ, простотою и порядкомъ. Между придворными никогда не было интригъ; всѣ жили дружно между собою.

За время состоянія въ должности начальника штаба гвардейскаго корпуса сохранились въ моей памяти слѣдующіе случаи: въ концѣ 1879 года я получилъ отъ командира гвардейскаго корпуса ген.-ад. графа Шувалова письмо, въ которомъ онъ мнѣ сообщалъ, что былъ бы безконечно счастливъ, если, въ воспоминаніе командованія имъ во время восточной войны 2-й Гвард. дивизіей, онъ былъ бы зачисленъ въ л.-гв. Московскій полкъ.

При первомъ моемъ докладѣ я передалъ Цесаревичу желанія графа, присовокупивъ, что командованіе графомъ Шуваловымъ 2 Гвард. пѣхотною дивизіею самая блестящая эпоха его службы, что нельзя не поставить ему въ громадную заслугу, что послѣ заключенія мира въ С.-Стефано онъ остался при гвардейскомъ корпусѣ, въ которомъ свирѣпствовали разныя эпидеміи, а не вернулся въ Петербургъ, на что имѣлъ полную возможность, ибо продолжалъ числиться въ должности начальника штаба Петербургскаго округа.

Цесаревичъ согласился съ моими доводами, и 5 января 1880 года, въ годовщину сраженія при Филиппополѣ я получилъ отъ него записку, въ которой извѣщаетъ, что согласно его ходатайству Государь зачислилъ графа Шувалова л.-гв. въ Московскій, о чемъ онъ уполномочиваетъ меня сообщить графу въ Москву по телеграфу.

Оглядываясь назадъ, я вижу, что мои предположенія оправдались вполнѣ: въ настоящее царствованіе графъ Шуваловъ блистательно командовалъ гвардейскимъ корпусомъ и занимаетъ теперь съ честью и успѣхомъ постъ посла въ Берлинѣ.

Въ 1879 году войсками Красносельскаго лагернаго сбора Высочайше повелѣно было командовать командиру гвардейскаго корпуса Государю Наслѣднику Цесаревичу. Его Высочество

переходилъ въ первыхъ числахъ іюня на жительство въ Красное Село. Утро и время послѣ завтрака онъ проводилъ въ повѣркѣ полевыхъ занятій войскъ. Въ 9 часовъ садились за обѣдъ, послѣ котораго играли въ винтъ; въ 12 часовъ всѣ расходились. Я ежедневно завтракалъ и обѣдалъ у Цесаревича, и принималъ участіе въ его партіи. Сопровождая Его Высочество при объѣздѣ войскъ, я составлялъ вмѣстѣ съ этимъ и предположенія относительно предстоящихъ Высочайшихъ смотровъ, которые должны были начаться послѣ 20-го іюля.

Наканунѣ дня, назначеннаго для парада, Государь Императоръ прибылъ въ Красное Село. Немедленно послѣ его пріѣзда состоялся объѣздъ лагеря, заря съ церемоніею и представленіе въ Красносельскомъ театрѣ. Послѣ спектакля Государь поѣхалъ ужинать къ Цесаревичу, къ которому и я былъ приглашенъ. Шелъ сильный дождь, и Государь, прощаясь съ Цесаревичемъ, приказалъ ему сдѣлать распоряженіе, чтобы войска на другой день, въ случаѣ ненастной погоды, не выступали на мѣсто парада. Пришедши домой, я легъ спать, приказавъ себя разбудить въ 6 часовъ. Не успѣлъ я одѣться, какъ уже начали поступать телеграммы отъ кавалерійскихъ частей, расположенныхъ въ окрестныхъ деревняхъ, слѣдуетъ ли выступать на военное поле. Моросилъ мелкій дождь, но такъ какъ барометръ сильно подымался, я рѣшился отвѣтить утвердительно. Около 9 часовъ (парадъ былъ назначенъ въ 11), передъ тѣмъ, чтобы поѣхать на военное поле для повѣрки жалонеровъ, я отправился къ Цесаревичу. Камердинеръ доложилъ мнѣ, что Его Высочество одѣвается и находится въ сильномъ волненіи. Оказалось, что въ 8 часовъ прибылъ отъ Государя рейткнехтъ съ приказаніемъ войскамъ выступить на парадъ; камердинеръ не рѣшился разбудить Цесаревича, вслѣдствіе чего, какъ опасался Цесаревичъ, приказаніе Государя своевременно не исполнено. Я приказалъ доложить Его Высочеству о сдѣланномъ мною распоряженіи и поѣхалъ на мѣсто смотра, куда въ скоромъ времени пріѣхалъ и Цесаревичъ. Сѣвъ на коня, онъ подъѣхалъ прямо ко мнѣ, пожалъ мнѣ крѣпко руку, и сказалъ: „Благодарю васъ, Николай Оттоновичъ, вы выручили меня сегодня“.

Парадъ удался вполнѣ; въ той же степени удались послѣдующія ученья и маневры въ Высочайшемъ присутствіи. Государь былъ видимо доволенъ; его радовало, что войска Красносельскаго сбора, впервые представляемые Ему Цесаревичемъ, оказались прекрасно обученными. Мнѣ онъ оказывалъ все время

самое милостивое вниманіе и выражалъ неоднократно свое удовольствіе.

Весьма было удачно, произведенное въ Высочайшемъ присутствіи, 2-й Гвард. пѣхотной дивизіи ученіе съ обозначеннымъ противникомъ. Ученія такого рода прежде не практиковались въ нашихъ войскахъ и были введены впервые въ войскахъ Красносельскаго лагернаго сбора въ 1879 году, по инициативѣ Государя Наслѣдника Цесаревича. Они замѣнили прежнія дивизионныя ученія, которыя заключались главное въ движенія войскъ въ резервномъ порядкѣ.

Сохранилось въ моей памяти воспоминаніе о произведенномъ въ Высочайшемъ присутствіи ученія съ боевыми патронами отряда изъ трехъ родовъ оружія. Ученіе это было назначено первоначально въ 5 часовъ пополудни, а затѣмъ въ 4 часа. Въ тотъ же день утромъ было ученіе всей кавалеріи, послѣ котораго назначенный въ отѣпленіе дивизионъ л.-гв. Уланскаго полка прямо пошелъ на мѣсто, назначенное для ученія съ боевыми патронами. Пришлось отѣпнуть громадное пространство, и къ 4 часамъ, когда ожидалось прибытіе Государя, разстановка пѣи не была окончена. Такъ какъ Цесаревичъ долженъ былъ пріѣхать съ Августѣйшимъ своимъ родителемъ, то я просилъ находящагося на смотру временно командующаго войсками Петербургскаго округа генералъ-адъютанта Гурко доложить Государю, что ученіе не можетъ быть начато. „Доложите объ этомъ сами Государю“, получилъ я въ отвѣтъ. Несмотря на крапывающій дождь, Государь выслушалъ, къ удивленію всѣхъ, мой докладъ совершенно спокойно. Черезъ 10 минутъ прискакалъ офицеръ генеральнаго штаба съ докладомъ, что пѣпь разставлена, ученіе началось.

Высочайшіе смотры закончились корпуснымъ маневромъ. Государь остался имъ отменно доволенъ и горячо благодарилъ Цесаревича, выразивъ, что маневръ отлично соображенъ и отлично исполненъ. Я удостоился также благодарности Его Величества.

На другой день началось выступленіе войскъ на большіе маневры: такъ какъ въ большихъ маневрахъ участвовали и войска, не входившія въ составъ Красносельскаго лагернаго сбора, то еще въ началѣ лѣта было условлено между временно командующимъ войсками округа генералъ-адъютантомъ Гурко и командиромъ гвардейскаго корпуса Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, что съ момента выступленія войскъ на большіе маневры, всѣ распоряженія дѣлаются окружнымъ штабомъ.

Въ день выступленія войскъ Государь поѣхалъ изъ Краснаго Села въ Царское Село. На пути экипажъ его былъ задержанъ массою войскъ, выступавшихъ одновременно по этой дорогѣ. Очевидно окружнымъ штабомъ не былъ опредѣленъ часъ выступленія войскъ изъ Краснаго Села. Государь сильно разгнѣвался.

О всемъ вышеизложенномъ я узналъ отъ жандармскаго офицера, сопровождавшаго Его Величество.

Не признавая себя виновнымъ въ бывшемъ безпорядкѣ, я въ совершенно спокойномъ настроеніи духа поѣхалъ въ Царское Село, мѣсто расположенія главной квартиры, гдѣ я былъ обязанъ находиться, какъ назначенный на время маневровъ посредникомъ. Не успѣлъ я пріѣхать въ Царское Село, какъ ко мнѣ явился придворный офицеръ и передалъ приглашеніе къ Высочайшему обѣденному столу. Того же приглашенія удостоились, кромѣ Цесаревича, генералъ-адъютанты: графъ Милютинъ, Непокойчицкій, Гурко и князь Имеретинскій. Государь Императоръ, вышедши въ столовую, прямо обратился ко мнѣ и выразилъ мнѣ въ весьма мягкой формѣ свое неудовольствіе по поводу безпорядочнаго движенія войскъ. Твердо помня, что на дѣлаемые Государемъ замѣчанія не слѣдуетъ никогда отвѣчать, я молча выслушалъ дѣлаемый мнѣ выговоръ. Цесаревичъ, помня уговоръ свой съ генералъ-адъютантомъ Гурко, подошелъ къ Государю и заявилъ, что я не виноватъ. Когда мы сѣли за столъ, Государь, по свойственной ему добротѣ, неоднократно обращался ко мнѣ съ разными вопросами.

Также милостиво отнесся онъ ко мнѣ и послѣ обѣда, посадивъ меня рядомъ съ собою. Когда мы вышли изъ Дворца, Наслѣдникъ Цесаревичъ выразилъ мнѣ свое сожалѣніе по поводу случившагося; я позволилъ себѣ ему отвѣтить, что лучше было получить не заслуженное замѣчаніе, чѣмъ находиться на мѣстѣ кн. Имеретинскаго, который слушалъ, какъ другого распекали вмѣсто него.

Въ послѣдній день маневровъ состоялось по обычаю производство воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній въ офицеры. Государь Императоръ поздравилъ лично молодыхъ людей съ производствомъ, при этомъ подозвалъ къ себѣ сына моего, фельдфебеля Пажескаго корпуса, вручилъ ему приказъ о производствѣ и сказалъ ему: „Желаю тебѣ служить, какъ служить твой отецъ, только не быть два раза раненымъ, какъ онъ“.

Зимою съ 1879-го на 1880 годъ Государь Императоръ производилъ въ Михайловскомъ манежѣ смотръ гвардейскимъ,

равно и расположеннымъ въ ближайшихъ окрестностяхъ армейскимъ и учебнымъ частямъ.

Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ пріѣзжалъ всегда, когда производился смотръ гвардейской части, заранѣе въ манежъ, и встрѣчалъ временно командующаго войсками округа генераль-адъютанта Гурко, становясь на правомъ флангѣ части.

Въ день, когда былъ смотръ Новочеркасскому полку, коего онъ былъ шефомъ, онъ прибылъ въ манежъ послѣ всѣхъ начальствующихъ лицъ, за нѣсколько минутъ до пріѣзда Государя. Генераль-адъютантъ Гурко, вопреки существующимъ Высочайше утвержденнымъ правиламъ, не скомандовалъ смирно, и Его Высочество подошелъ къ полку, стоящему вольно, ружья у ноги.

Возмущенный этимъ поступкомъ генерала Гурко, я подошелъ къ князю Имеретинскому и просилъ доложить его временно командующему войсками, что сегодня Его Высочество прибылъ въ манежъ не въ качествѣ командира гвард. корпуса, а какъ Наслѣдникъ престола.

19-го февраля 1880 года Государь Императоръ назначилъ меня своимъ генераль-адъютантомъ. Одновременно со мною удостоились получить это высокое званіе Великій Князь Алексѣй Александровичъ и Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій.

Лѣтомъ 1880 года Цесаревичъ уѣхалъ въ Гапсаль. Пользуясь отсутствіемъ изъ Петербурга Его Высочества, я просилъ объ увольненіи меня въ 3-хъ-мѣсячный отпускъ за границу, при чемъ заявилъ, что въ случаѣ, если мое присутствіе въ Петербургѣ окажется необходимымъ до истеченія отпуска, я возвращусь немедленно.

Въ августѣ я пріѣхалъ въ Біарицъ для пользованія морскими купаньями. Тутъ я встрѣтился съ Принцемъ Петромъ Георгіевичемъ Ольденбургскимъ, который мнѣ сообщилъ, что Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ Государемъ уволенъ отъ должности Главнокомандующаго войсками Гвардіи и Петербургскаго военного округа, и на его мѣсто назначенъ Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, въ командованіе же гвардейскимъ корпусомъ вступилъ Великій Князь Владиміръ Александровичъ.

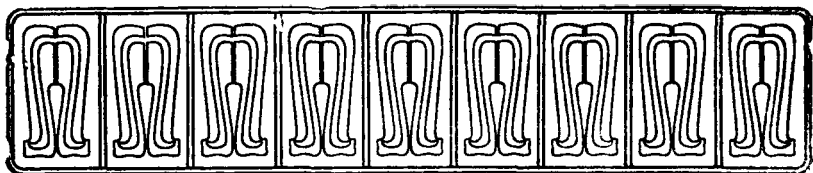
Скоро послѣ этого пріѣхалъ въ Біарицъ вновь назначенный командиръ гвардейскаго корпуса. Я встрѣтилъ Его Высочество на дебаркадерѣ желѣзной дороги и просилъ черезъ состоящаго при немъ адъютанта полковника Васмунда разрѣшенія ему

представиться. Великій Князь Владиміръ Александровичъ принялъ меня въ тотъ же день. Сознавая, что быть начальникомъ штаба при Великомъ Князѣ возможно только при условіи, если это соотвѣтствуетъ его желанію, я прямо спросилъ Его Высочество, угодно ли ему, чтобы я остался въ должности начальника штаба гвардейскаго корпуса. Великій Князь отвѣтилъ на это утвердительно.

Срокъ отпуска моего истекалъ, я выѣхалъ въ Петербургъ, куда прибылъ 10 сентября.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Записки Н. А. фонъ-Розенбаха ¹⁾.

На другой день я поѣхалъ въ Петергофъ представиться Его И. В. Наслѣднику Цесаревичу.

Его Высочество принялъ меня весьма милостиво и выразилъ, что онъ очень счастливъ своему новому назначенію, но жалѣетъ только, что не можетъ взять меня немедленно своимъ начальникомъ штаба, но что онъ уже передалъ Государю Императору о Своемъ желаніи сохранить меня при себѣ, что онъ не имѣетъ ничего противъ князя Имеретинскаго, но что онъ привыкъ ко мнѣ, довѣряетъ и уважаетъ меня, поэтому настоятъ, чтобы я былъ назначенъ начальникомъ окружного штаба. Къ этому Цесаревичъ присовокупилъ, что до возвращенія изъ отпуска Великаго Князя Владиміра Александровича, онъ сохраняетъ за собою и командованіе гвардейскимъ корпусомъ. Такимъ образомъ я продолжалъ имѣть докладъ у Цесаревича, по званію временно-командующаго гвардейскимъ корпусомъ.

Въ началѣ октября Цесаревичъ съ Цесаревною уѣхали въ Ливадію. Оттуда я получилъ въ скоромъ времени собственноручное письмо отъ Его Высочества, въ которомъ Цесаревичъ меня извѣстилъ, что князь Имеретинскій предназначается на должность наказнаго атамана Донского казачьяго войска, вмѣсто генераль-адъютанта Краснокутскаго, и такимъ образомъ желаніе его будетъ исполнено, имѣть меня начальникомъ штаба. Вслѣдъ за симъ я получилъ отъ Цесаревича другое письмо съ извѣщеніемъ, что генераль Краснокутскій отказался отъ мысли просить объ отчисленіи отъ должности наказнаго атамана, и что вслѣдствіе этого предполагаемое на-

¹⁾ См. „Русская Старина“, февраль 1916 г.

значеніе меня на должность начальника окружного штаба отсрочивается.

Въ октябрѣ Цесаревичъ вернулся въ Петербургъ. Одновременно съ нимъ вернулся изъ-за границы Великій Князь Владиміръ Александровичъ, который вступилъ въ командованіе гвардейскимъ корпусомъ. Такимъ образомъ прекратились мои доклады у Цесаревича.

Такъ тянулись дѣла до начала 1881 года. 8-го января поѣхалъ я по порученію Великаго Князя Владиміра Александровича къ Цесаревичу съ докладомъ по какому-то дѣлу, относящемуся до гвардейскаго корпуса. Его Высочество принялъ меня очень милостиво, выслушалъ мой докладъ и опустилъ меня. По возвращеніи домой, часа черезъ два, получаю я письмо отъ Цесаревича съ извѣщеніемъ, что князь Имеретинскій подалъ прошеніе объ отчисленіи отъ занимаемой имъ должности, и что на дняхъ будетъ объявлено въ Высочайшемъ приказѣ о назначеніи меня начальникомъ окружного штаба. Копія съ письма.

8 января 1881 г.

„Любезный Николай Оттоновичъ, спѣшу увѣдомить Васъ, что я получилъ вчера вечеромъ рапортъ отъ князя Имеретинскаго объ увольненіи его по болѣзни отъ должности.

И такъ на дняхъ, я надѣюсь, состоится приказъ о назначеніи Васъ на его должность, чему я искренно радуюсь. Вашъ отъ души Александръ“.

Чтобы охарактеризовать отношенія Наслѣдника Цесаревича ко мнѣ, не могу не упомянуть о слѣдующемъ случаѣ. Когда Его Имп. Высочество вступилъ въ командованіе войсками округа, онъ выразилъ мнѣ свое удовольствіе, что бывший Главнокомандующій войсками округа сохранилъ при себѣ всѣхъ адъютантовъ, и что онъ вслѣдствіе этого избавленъ отъ необходимости взять кого-либо изъ нихъ къ себѣ адъютантомъ. Я отвѣтилъ Его Высочеству, что онъ тѣмъ не менѣе вслѣдствіе новаго назначенія увеличить комплектъ адъютантовъ, и когда я на это получилъ утвердительный отвѣтъ, то я воспользовался этимъ, чтобы просить его взять адъютантомъ моего ординарца л.-гв. коннаго полка штабсъ-ротмистра князя Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго.

24 февраля 1881 г. я получилъ отъ Цесаревича записку, въ которой онъ меня извѣстилъ, что Государь Императоръ

согласился на назначеніе къ нему князя Бѣлосельскаго, адъютантомъ, и что онъ меня уполномачиваетъ ему объ этомъ сообщить.

9 января я представился Государю Императору по случаю новаго назначенія. Его Величество принялъ меня въ высшей степени милостиво и выразилъ свое удовольствіе видѣть меня опять начальникомъ штаба Цесаревича. На должность начальника штаба гвардейскаго корпуса былъ назначенъ, по моей рекомендаціи, командиръ кавалергадскаго полка свиты Его Величества генераль-маіоръ графъ Игнатьевъ. Я вступилъ немедленно въ исправленіе должности начальника штаба округа, и Наслѣдникъ Цесаревичъ и Цесаревна продолжали быть ко мнѣ неизмѣнно милостивы и внимательны. Сохранился въ моей памяти одинъ эпизодъ, относящійся къ этому времени.

По случаю назначенію Великаго Князя Николая Александровича шефомъ л.-гв. Волынскаго полка и пріѣзда въ Петербургъ депутаціи отъ этого полка, состоялся у Цесаревича обѣдъ, на которомъ присутствовалъ Государь Императоръ.

Въ числѣ приглашенныхъ былъ и я. За обѣдомъ вновь назначенный шефъ л.-гв. Волынскаго полка Великій Князь Николай Александровичъ провозгласилъ отъ имени своего полка тостъ за здоровье своего Августѣйшаго дѣда Государя Императора, при чемъ сказалъ маленькую рѣчь, прекрасно соотвѣтствующую обстановкѣ.

1-го марта 1881 года около 11 часовъ передъ разводомъ заѣхалъ ко мнѣ петербургскій градоначальникъ генераль-маіоръ Оедоровъ съ просьбою походатайствовать у Наслѣдника Цесаревича разрѣшенія вывести за городъ л.-гв. Измайловскій полкъ и передать въ распоряженіе города казармы этого полка для устройства больницы для тифозныхъ, такъ какъ вслѣдствіе большаго числа больныхъ нѣтъ помѣщенія въ городскихъ больницахъ. Я обѣщался представить на благоусмотрѣніе Его Высочества просьбу градоначальника. Послѣ этого генераль-маіоръ Оедоровъ рассказалъ мнѣ весьма подробно, какъ успѣшно велись полиціею въ послѣдніе дни розыски анархистовъ, сообщилъ мнѣ о поимкѣ важныхъ государственныхъ преступниковъ и выразилъ твердую увѣренность, что насталъ конецъ крамолѣ и что за сдѣланными арестами тревожное положеніе дѣлъ прекратится.

Къ часу дня я поѣхалъ на разводъ съ церемоніею, назначенный отъ л.-гв. Сапернаго батальона. Думалъ ли, что вижу въ послѣдній разъ моего обожаемаго Монарха. По окончаніи

развода я нѣсколько замедлилъ отъѣздомъ изъ манежа, задержанный нѣкоторыми начальниками частей. На пути домой я заѣхалъ на Михайловскую площадь къ зятю моему Ф. И. Жербицу. Не успѣлъ я зайти въ его квартиру, какъ услышалъ страшный взрывъ. Я выбѣжалъ изъ квартиры, сѣлъ въ сани и поѣхалъ на Екатериненскій каналъ. Тутъ я узналъ отъ полицейскаго, что произведено покушеніе на Государя Императора, и что Его Величество отвезли тяжело раненаго въ Зимній Дворецъ. Я поскакалъ въ Дворецъ. Не успѣлъ я подняться, какъ былъ встрѣченъ при входѣ генераль-адъютантомъ графомъ Эдуардомъ Трофимовичемъ Барановымъ, который мнѣ объявилъ, что Государь смертельно раненъ, и предложилъ ѣхать немедленно въ Аничковъ Дворецъ и сообщить Наслѣднику объ ужасномъ событіи. Я поскакалъ по Невскому проспекту, но не доѣзжая до Аничкова Дворца встрѣтилъ Цесаревича съ Цесаревною, ѣхавшихъ въ Зимній Дворецъ. Его Высочество махнулъ мнѣ рукой и приказалъ слѣдовать за Нимъ. Вслѣдъ за Цесаревичемъ я вступилъ въ кабинетъ умирающаго Императора. Кромѣ членовъ Императорской фамиліи тутъ находились генераль-адъютанты: графъ Адлербергъ, графъ Милютинъ, графъ Барановъ и Рылѣевъ. Черезъ нѣсколько минутъ не стало Царя Освободителя. Цесаревичъ поклонился праху покойнаго Своего Родителя.

Признавая необходимымъ принять необходимыя мѣры предосторожности, я отправился къ себѣ въ штабъ и вызвалъ по телеграфу на Дворцовую площадь двѣ сотни гвардейскихъ казаковъ и передалъ во всѣ части приказаніе всѣмъ офицерамъ собраться въ свои казармы и нижнихъ чиновъ не увольнять со двора. Затѣмъ вернулся обратно въ Зимній Дворецъ. Когда былъ составленъ актъ о кончинѣ Императора Александра II, вступившій на престолъ Императоръ Александръ III, вмѣстѣ съ Императрицею, спустились на Собственный Ея Величества подѣздъ и сѣли въ парныя сани. Тутъ я приказалъ прибывшему, по моему вызову, казачьему дивизиону конвоировать Ихъ Величества, при чемъ слѣдовать одной сотнѣ впереди, другой сзади саней.

По повелѣнію Его Величества, въ тотъ же день вступилъ въ командованіе войсками Гвардіи и Петербургскаго военного округа Великій Князь Владиміръ Александровичъ.

Не стану описывать время послѣ кончины покойнаго Государя. Настроеніе было тревожное, всѣ растерялись. Въ вѣренномъ мнѣ штабѣ происходила лихорадочная работа, я почти

не выходилъ изъ своего кабинета. Какъ примѣръ, до какой степени растерялись люди, даже спокойные и хладнокровные, и придавали вѣру всякимъ небылицамъ, могу указать на слѣдующіе случаи.

Вновь назначенный с.-петербургскій градоначальникъ генералъ-маіоръ Барановъ обратился къ Его Имп. Высочеству Командующему войсками съ просьбою сдѣлать распоряженіе объ оцѣплениі Петербурга кавалерійскими постами, съ тѣмъ, чтобы безъ разрѣшенія полиціи ни одно лицо не могло выйти и войти въ столицу. Мѣра эта, вызвавшая усиленную службу кавалеріи и весьма стѣснительная для жителей, конечно, не принесла никакой пользы, а дала только поводъ къ комическимъ сценамъ. Кавалерійскими постами были остановлены похоронныя процессіи, слѣдующія на кладбища, чухонки съ молокомъ и пр. пр. Черезъ нѣсколько дней, по просьбѣ генералъ-маіора Баранова, оцѣпленіе было снято.

Нѣсколько дней послѣ погребенія праха покойнаго Государя Великій Князь Владиміръ Александровичъ потребовалъ меня къ себѣ, объявилъ мнѣ, что Государь Императоръ переезжаетъ съ своею семьею на другой день на жительство въ г. Гатчину, что о предполагаемомъ переездѣ Его Величества, кромѣ него, никому неизвѣстно, и что онъ поручаетъ мнѣ составить безотлагательно соображеніе объ охраненіи Гатчинскаго Дворца. Приказаніе Его Имп. Высочества мною было исполнено въ тотъ же день, составленный по сему предмету письменный докладъ представленъ на другой день утромъ черезъ Великаго Князя на Высочайшее усмотрѣніе. Въ докладѣ я выразилъ между прочимъ мнѣніе, что вся охрана, т.-е. завѣдываніе военными и полицейскими постами, должна быть возложена на одно, Государемъ Императоромъ, выбранное лицо. Его Величество соизволилъ утвердить всѣ мои предположенія, и впредь до выбора Государемъ лица, для завѣдыванія охраною, былъ командированъ Великимъ Княземъ въ Гатчину с.-петербургскій 2-й комендантъ генералъ-маіоръ Адельсонъ. Черезъ нѣсколько дней состоялось Высочайшее повелѣніе о назначеніи завѣдующимъ охраною генералъ-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. Охрана сохранилась почти безъ измѣнй, по сіе время, въ томъ видѣ, какъ я ее организовалъ.

Наступила весна, и Государь Императоръ выразилъ намѣреніе произвести на Марсовомъ полѣ смотръ войскамъ. Вѣсть объ этомъ быстро распространилась по Петербургу, и я сталъ получать массу анонимныхъ писемъ, въ которыхъ мнѣ совѣ-

товали воспользоваться личнымъ моимъ вліяніемъ и уговорить Государя отказаться отъ своего намѣренія, ибо анархистами предполагается произвести во время парада покушеніе на его жизнь. Я тщательно скрылъ эти письма и никому о нихъ не говорилъ, ибо ясно сознавалъ, что желаніе анархистовъ—изолировать Государя отъ войскъ и народа. 2-го мая состоялся смотръ. Конечно, всевозможныя мѣры предосторожности были приняты, по соглашенію между градоначальникомъ и мною; все обошлось благополучно.

За назначеніемъ Великаго Князя Владиміра Александровича командующимъ войсками округа, должность командира гвард. корпуса сдѣлалась вакантною. Въ одинъ изъ первыхъ моихъ докладовъ я напомнилъ объ этомъ Великому Князю, присовокупивъ, что, по моему мнѣнію, въ настоящее тревожное время болѣе чѣмъ необходимо немедленно замѣстить этотъ важный постъ. „Совершенно съ вами согласенъ, отвѣтилъ мнѣ Великій Князь, но я рѣшительно не знаю, кого предложить“. Я указалъ на командира гренадерскаго корпуса генералъ-адъютанта графа Шувалова, присовокупивъ, что невозможно найти болѣе подходящее лицо. „Сердечно васъ благодарю, отвѣтилъ мнѣ Великій Князь, я совершенно про него забылъ; я немедленно поѣду къ Государю и буду его объ этомъ просить“. Чрезъ часъ пріѣхалъ ко мнѣ адъютантъ Великаго Князя капитанъ Ивковъ и передалъ мнѣ по порученію Его Высочества, что графъ Шуваловъ назначенъ командиромъ гвардейскаго корпуса.

Отношенія между Великимъ Княземъ и мною установились наилучшія. Его Императорское Высочество, равно и Великая Княгиня Марія Павловна относились ко мнѣ неизмѣнно милостиво и благосклонно. За все время нахожденія моего въ должности начальника штаба при Его Высочествѣ, я пользовался постоянно полнымъ его довѣріемъ, и не было случая какого-либо неудовольствія на меня. При оставленіи мною должности начальника штаба, Великій Князь подарилъ мнѣ свой акварельный портретъ съ слѣдующею надписью: „Помощнику и другу 1881—1884 г.“.

Благодаря прекраснымъ нравственнымъ качествамъ Великаго Князя, я привязался всею душою къ нему и старался, сколько могъ и умѣлъ, быть ему полезнымъ.

Дворъ Великаго Князя былъ составленъ очень хорошо. Въ должности гофмаршала состоялъ почтенный Н. А. Скалонъ, гофмейстерию Великой Княгини была достойная баронесса Буд-

бергъ, изъ личныхъ адъютантовъ Его Высочества въ особенности выдавался по своимъ прекраснымъ качествамъ полковникъ Скарятинъ. Находясь со всѣми лицами, составляющими дворъ, въ наилучшихъ отношеніяхъ, я наиболѣе сблизился съ Н. А. Скалономъ и его милою женою Анною Михайловной, рожденной Лазаревой; добрыя эти отношенія сохранились по настоящее время.

Желая предоставить командиру гвардейскаго корпуса должную самостоятельность, Великій Князь Владиміръ Александровичъ предоставлялъ, въ бытность мою начальникомъ штаба округа, г.-а. графу Шувалову командованіе войсками и руководство занятіями войскъ красносельскаго лагернаго сбора.

Самъ Его Высочество переѣзжалъ въ Красное Село только около 15 іюля, производилъ за тѣмъ подробные смотры и ученья войскамъ и представлялъ ихъ Государю Императору. Порядокъ этотъ, давшій, въ смыслѣ обученія войскъ, прекрасные результаты, былъ немедленно за оставленіемъ мною должности начальника штаба измѣненъ, конечно благодаря властолюбивымъ замысламъ генерала Бобрикова, желавшаго забрать все въ свои руки.

Великій Князь, начиная съ 1884 года, лично вступаетъ въ командованіе войсками красносельскаго лагернаго сбора, и такимъ образомъ командиръ гвардейскаго корпуса, дѣятельность котораго уже безъ того весьма ограничена, лишенъ возможности руководить строевымъ образованіемъ и полевыми занятіями ввѣреннаго ему корпуса и обращенъ въ совершенный нуль. Система эта дастъ несомнѣнно, въ случаѣ войны, горестные плоды.

Въ началѣ 1882 года чуть чуть не разразился въ войскахъ гвардейскаго корпуса эпизодъ, который могъ имѣть весьма серьезныя политическія послѣдствія. Въ Петербургъ пріѣхалъ генераль-адъютантъ М. Д. Скобелевъ, послѣ воинственныхъ рѣчей, произнесенныхъ имъ въ Парижѣ. Пользуясь знакомствомъ съ прапорщикомъ л.-гв. конно-гренадерскаго полка Ушаковымъ, состоявшимъ при немъ ординарцемъ во время Ахалтекинской экспедиціи, онъ напросился на обѣдъ въ военное собраніе конно-гренадерскаго полка. Командиръ полка генерал-маіоръ Тевяшевъ, предвидя намѣреніе М. Д. Скобелева произнести въ собраніи воинственную рѣчь, подобную сказанной въ Парижѣ, взялъ съ генерала слово, что во время обѣда политическихъ рѣчей не будетъ произнесено. Михаилъ Дмитриевичъ,

хотя неохотно, подчинился этому требованію. Такимъ образомъ все обошлось благополучно во время обѣда.

По окончаніи обѣда генераль Тевяшевъ отправился домой, генераль же Скобелевъ остался въ военномъ собраніи и пригласилъ тутъ офицеровъ полка другой день къ себѣ на обѣдъ въ гостиницу Дононъ, при чемъ предполагалось всѣмъ офицерамъ, имѣя въ главѣ генерала Скобелева, слѣдовать верхами изъ Петергофа въ Петербургъ прямо въ гостиницу Дононъ, при чемъ путь лежалъ по Большой Морской мимо дома германскаго посольства. Обѣдъ долженъ былъ состояться 10 марта, т.-е. въ день рожденія Императора Вильгельма, при чемъ генераль Скобелевъ, какъ хозяинъ, никакъ не стѣсненный, не преминулъ бы конечно сказать политическую рѣчь; и въ тотъ день, когда Русскій Императоръ, пригласившій на обѣдъ въ Гатчину германское посольство, чествовалъ Императора Вильгельма, генераль-адъютантъ его, въ средѣ офицеровъ одного изъ гвардейскихъ полковъ, произносилъ бы воинственную рѣчь противъ Германіи.

Офицеры л.-гв. конно-гренадерскаго полка, конечно, не понимали значенія предполагаемой демонстраціи, и находясь подъ обаяніемъ генерала Скобелева, умѣющаго какъ никто наэлектризовать молодежь, были въ ~~Росторгѣ~~ отъ сдѣланнаго приглашенія, но заявили, что безъ разрѣшенія командира полка они его принять не могутъ. Немедленно старшій въ полку штабъ-офицеръ отправился для доклада къ генералу Тевяшеву. Генераль Тевяшевъ, вполне понимая, какія могли быть послѣдствія, если бы приглашеніе было принято, но съ другой стороны, не желая оскорбить заслуженнаго генерала отказомъ, принялъ весьма остроумное рѣшеніе. Онъ поручилъ штабъ-офицеру передать генералу Скобелеву и офицерамъ, что онъ, Тевяшевъ, уѣхалъ въ Петербургъ, при чемъ штабъ-офицеръ этотъ долженъ былъ отъ себя прибавить, что, не имѣя разрѣшенія командира полка, приглашеніе на обѣдъ не можетъ быть принято. Получивъ этотъ отвѣтъ, генераль Скобелевъ отправился немедленно на квартиру генерала Тевяшева, и когда прислугою ему было доложено, что генераль уѣхалъ въ Петербургъ, просилъ доложить о себѣ супругѣ генерала Тевяшева съ тѣмъ, чтобы просить ее телеграфировать въ Петербургъ мужу о сдѣланномъ имъ, Скобелевымъ, приглашеніи на обѣдъ. Генеральша Тевяшева, наученная мужемъ, поручила передать Михаилу Дмитріевичу, что въ отсутствіе мужа она лишена возможности принять незнакомое ей лицо.

Такимъ образомъ задуманная затѣя не состоялась, и генераль Скобелевъ возвратился въ Петербургъ ни съ чѣмъ.

На другой день пріѣхалъ ко мнѣ генераль Тевяшевъ съ докладомъ о случившемся наканунѣ. Я выразилъ ему полное одобреніе, но въ виду возможности событія поѣхалъ немедленно въ Царское Село для доклада Великому Князю Владиміру Александровичу о случившемся. Его Высочество долженъ былъ выѣхать въ этотъ день съ Великою Княгинею за границу, и когда онъ уже садился въ вагонъ, я остановилъ его, прося меня выслушать. Когда я окончилъ мой докладъ, Великій Князь, раздѣляя вполне мое мнѣніе, разрѣшилъ мнѣ выразить генералу Тевяшеву открытою телеграммою полнѣйшее одобреніе Его Высочества,

Въ этотъ же день былъ вечеръ у графа Шувалова, гдѣ присутствовали начальники отдѣльныхъ гвардейскихъ частей. Предполагая, что генераль Скобелевъ попытается сдѣлать въ какой-либо другой части нѣчто подобное, сдѣланное имъ въ конно-гренадерскомъ полку, я поѣхалъ на вечеръ къ графу Шувалову, гдѣ рассказалъ ему и начальникамъ частей бывшій наканунѣ эпизодъ, и что дѣйствія генерала Тевяшева были вполне одобрены Великимъ Княземъ, командующимъ войсками.

Получившій такой отпоръ генераль-адъютантъ Скобелевъ не рѣшился посѣтить какую-либо другую гвардейскую часть, но поѣхалъ къ военному министру генераль-адъютанту Ванновскому съ жалобою на генерала Тевяшева. Генераль-адъютантъ Ванновскій, не сообразивъ, какія бы были послѣдствія, если предложенныя Скобелевымъ демонстраціи бы осуществились, потребовалъ къ себѣ генерала Тевяшева и выразилъ ему свое неудовольствіе по поводу случившагося. Узнавъ объ этомъ отъ генерала Тевяшева и желая его выгородить, я при первой встрѣчѣ съ военнымъ министромъ довелъ до его свѣдѣнія, что Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ дѣйствія генерала Тевяшева одобрены вполне. Этимъ дѣло и окончилось.

Осенью 1882 года я былъ командированъ по Высочайшему повелѣнію въ Германію для присутствованія на Императорскихъ маневрахъ, которые происходили въ окрестностяхъ Бреславля и Дрездена. Тутъ я имѣлъ случай ежедневно видѣть императора Вильгельма I, кронпринца Фридриха Вильгельма (впослѣдствіи Императора Фридриха II) и Принца Вильгельма (нынѣ императора Вильгельма II), принца Фридриха Карла и принца Альбрехта. Императоръ Вильгельмъ, равно и всѣ принцы

были ко мнѣ весьма внимательны. Въ окрестностяхъ Бреслава маневрировали 5 и 6-е корпуса, около Дрездена Саксонскій корпусъ. По моему мнѣнію обученіе сего послѣдняго было лучше прусскихъ корпусовъ. Какъ въ Бреславлѣ, такъ и въ Дрезденѣ происходилъ рядъ празднествъ, на которыя были приглашены и иностранцы. Императоръ Вильгельмъ былъ въ то время еще очень бодръ, тѣмъ не менѣе, прощаясь съ осмотрѣнными корпусами и благодаря ихъ за отличное состояніе, онъ выразилъ, что видитъ ихъ вѣроятно въ послѣдній разъ, что и сбылось.

Въ Бреславлѣ, въ день параднаго спектакля, я былъ нѣсколько задержанъ нашимъ военнымъ агентомъ княземъ Долгорукимъ, и пріѣхалъ въ театръ, когда уже началось представленіе. Я затруднился идти въ партеръ, гдѣ было мое мѣсто Фельдмаршалъ графъ Мольтке, видя мое затруднительное положеніе, пригласилъ меня войти къ нему въ ложу, гдѣ онъ одинъ сидѣлъ.

Къ иностраннымъ офицерамъ мѣстныя власти относились вообще внимательно, въ особенности въ Дрезденѣ, гдѣ заботы о нихъ были поручены военному министру генералу Фабрици, въ высшей степени любезному генералу.

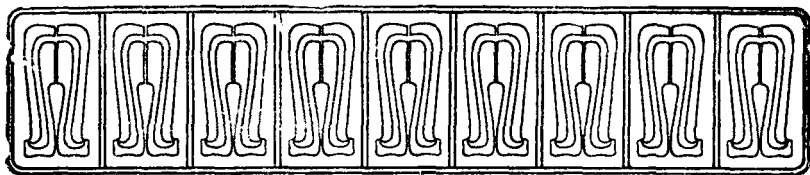
Изъ иностранныхъ генераловъ, бывшихъ на маневрахъ, занималъ высшее положеніе пачальникъ главнаго штаба австрійской арміи баронъ Бекъ, съ которымъ я довольно близко сошелся. За нимъ слѣдовалъ я; посему на парадныхъ обѣдахъ мнѣ назначалось мѣсто близкое отъ императора. На одномъ изъ придворныхъ обѣдовъ, мнѣ пришлось сидѣть противъ эрцгерцогини Стефаніи, сидѣвшей рядомъ съ императоромъ; она была весьма привѣтлива ко мнѣ и обращалась ко мнѣ неоднократно съ разными вопросами. Не могу того же сказать объ эрцгерцогѣ Рудольфѣ, который держался очень надменно; въ то время говорили, что онъ не любитъ русскихъ. Также не отличалась любезностью къ иностраннымъ гостямъ кронпринцесса Викторія; она занималась исключительно англичанами, а на прочихъ иностранцевъ не обращала вниманія. За то супругъ ея, наслѣдный принцъ Фридрихъ Вильгельмъ, былъ въ высшей степени привѣтливъ и любезенъ. Въ послѣдній день маневровъ, незадолго до окончанія ихъ, онъ подѣхалъ ко мнѣ, чтобы со мною проститься, сказавъ, что въ виду немедленнаго послѣ маневровъ отъѣзда императора и неизбежной при этой суетѣ, онъ вѣроятно при отъѣздѣ не успѣетъ это сдѣлать, и поэтому дѣлаетъ это заранѣе. Тутъ видѣлъ я импера-

тора Вильгельма и кронпринца Фридриха въ послѣдній разъ; кто могъ въ то время ожидать преждевременную кончину сего послѣдняго.

Пробывъ по окончаніи маневровъ еще день въ Дрезденѣ, я вернулся черезъ Берлинъ и Варшаву обратно въ Петербургъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Записки Н. А. фонъ-Розенбаха ¹⁾.

Въ концѣ 1882 года выпала на мою долю весьма непріятная и тяжелая командировка. 12 декабря на церковномъ парадѣ л-гв. Финляндскаго полка въ манежѣ Инженернаго замка подошелъ ко мнѣ военный министръ и объявилъ мнѣ, что Государю Императору было угодно командировать меня на Кавказъ для производства разслѣдованія по поводу происшедшаго въ Елизаветполѣ весьма прискорбнаго происшествія, и что Его Величество приказалъ мнѣ Ему явиться, чтобъ получить отъ Него личныя по сему предмету указанія.

На другой день, когда я явился къ Государю Императору, Его Величество объявилъ мнѣ, что министръ внутреннихъ дѣлъ довелъ до Его свѣдѣнія, что въ первыхъ числахъ декабря на Елизаветпольской станціи желѣзной дороги жандармскій унтеръ-офицеръ при исполненіи служебныхъ обязанностей избитъ казачьими офицерами, при чемъ присутствовали военный губернаторъ, начальникъ дивизіи, командиръ полка и другія лица, что онъ возмущенъ этимъ поступкомъ, въ особенности въ виду нахождения при этомъ высшихъ губернскихъ властей и высшихъ военныхъ начальниковъ, что онъ просить меня, хотя я и состою въ должности начальника окружнаго штаба, безотлагательно ѣхать на Кавказъ и произвести строжайшее разслѣдованіе, будучи увѣренъ, что лучше меня никто не исполнить это порученіе, и что Онъ желаетъ непременно знать всю истину.

Я позволилъ себѣ спросить Государя, получено ли объ

¹⁾ См. „Русская Старина“, мартъ 1916 г.

этомъ происшествіи донесеніе отъ исправляющаго должность главноначальствующаго (князь Дондуковъ-Карсаковъ находился въ Петербургѣ) и, получивъ отрицательный отвѣтъ, просилъ Его Величество, не будетъ ли мнѣ разрѣшено выждать это донесеніе, ибо если мѣстное начальство представить дѣло въ томъ же видѣ, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, то быть можетъ Его Величество повелитъ взыскать съ виновныхъ, и не будетъ надобности въ командированіи меня на Кавказъ.

Государь согласился на представленный мною доводъ, и поѣздка моя была отложена впредь до приказанія.

Черезъ нѣсколько дней ожидаемое донесеніе дѣйствительно было получено, но дѣло было представлено въ совершенно иномъ видѣ. И. д. главноначальствующаго основывался на донесеніи губернатора, начальника Кавказской казачьей дивизіи и елизаветпольскаго воинскаго начальника, опровергалъ фактъ нанесенія побоевъ жандармскому унтеръ-офицеру, а напротивъ донесъ, что жандармскій унтеръ-офицеръ обошелся дерзко съ проѣзжающими черезъ полотно желѣзной дороги губернскими властями и офицерами. Извѣщенный военнымъ министромъ объ этомъ донесеніи, я вновь явился Государю, и согласно Его повелѣнію выѣхалъ въ третій день праздниковъ 27 декабря на Кавказъ. Въ самый новый годъ я переѣхалъ черезъ Кавказскій хребетъ и прибылъ въ тотъ же день въ Тифлисъ. Тутъ я явился высшимъ мѣстнымъ властямъ и выѣхалъ черезъ два дня въ Елизаветполь, взявъ съ собою товарища военнаго прокурора, назначеннаго по приказанію главнаго военнаго прокурора князя Имеретинскаго въ мое распоряженіе. Хорошо зная кавказское начальство и увѣренный, что имъ будетъ сдѣлано все возможное, чтобы запутать дѣло, я рѣшился вмѣсто разслѣдованія произвести формальное слѣдствіе.

Я забылъ упомянуть, что когда я передъ отъѣздомъ представился Государю Императору, Его Величество поручилъ мнѣ передать елизаветпольскому губернатору генералъ-маіору князю Накашидзе, что Онъ хорошо помнитъ его, и что Онъ увѣренъ, что князь Накашидзе окажетъ мнѣ полное содѣйствіе для раскрытія истины.

Въ Елизаветполѣ я помѣстился въ гостиницѣ. Погода стояла необычайно холодная, доходило до 20 градусовъ мороза, я зябъ страшно, живя въ домѣ, вовсе не приспособленномъ для такой погоды. Въ день моего пріѣзда явились ко мнѣ всѣ начальствующія лица, а на другой день я приступилъ къ производству слѣдствія. Опросивъ въ два дня всѣхъ участниковъ

происшествія, жандармовъ и множество свидѣтелей, я пришелъ къ убѣжденію, что донесеніе жандармскаго начальства было правильное, что жандармскому унтеръ-офицеру Толстому не только были нанесены побои, но что офицеры Кавказскаго казачьяго полка, поваливъ его, топтали ногами, и что происшествіе это совершилось на глазахъ высшихъ властей, не принявшихъ никакихъ мѣръ, чтобы остановить это безобразіе.

Окончивъ слѣдствіе, я выѣхалъ изъ Елизаветполя, остановился на день въ Тифлисѣ и поѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ явился на другой день Государю Императору, которому представилъ словесный докладъ о своей командировкѣ. Письменный отчетъ я представилъ военному министру.

Его Величество выразилъ желаніе, чтобы я присутствовалъ при докладѣ Ему генераль-адъютантомъ Ванновскимъ сего отчета. Выслушавъ чрезвычайно внимательно отчетъ и опредѣливъ участникамъ происшествія соотвѣтствующее наказаніе, Государь Императоръ выразилъ намѣреніе приказать отчислить генераль-лейтенанта Курзакова отъ командованія дивизіею. Тутъ я позволилъ просить снисхожденія за этого генерала, доложивъ Его Величеству, что генераль Курзаковъ въ данномъ случаѣ былъ введенъ въ заблужденіе неправильными докладами своихъ подчиненныхъ, конечно, виновать въ томъ, что не провѣрилъ ихъ, но что судя по прежней службѣ своей нельзя предполагать, что онъ намѣренъ хотѣлъ обмануть начальство. Въ виду моего ходатайства Его Величество замѣнилъ предполагаемое наказаніе объявленіемъ генералу-лейтенанту Курзакову Высочайшаго выговора.

Въ Высочайшемъ приказѣ по военному вѣдомству мнѣ было объявлено Высочайшее благоволеніе за отличное исполненіе Лично Его Величествомъ возложеннаго на меня порученія.

Казалось, что это въ высшей степени для меня тяжелое дѣло окончено, и я обратился вновь къ своимъ прямымъ обязанностямъ.

Вдругъ разыгрался совершенно неожиданный для меня эпизодъ. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ моего возвращенія съ Кавказа заѣхалъ ко мнѣ военный министръ, генераль-адъютантъ Ванновскій, и передалъ мнѣ, что пріѣхавшій изъ Елизаветполя генераль-лейтенантъ Курзаковъ жалуется на меня, обвиняя меня въ пристрастныхъ дѣйствіяхъ при производствѣ слѣдствія по Елизаветпольскому происшествію, что я будто бы упустилъ опросить многихъ свидѣтелей, показанія которыхъ представили бы дѣло въ совершенно иномъ видѣ, и что генераломъ Курза-

ковымъ представлена о семъ докладная записка генераль-адъютанту князу Дондукову-Корсакову, которая симъ послѣднимъ передана военному министру для доклада Его Величеству.

Крайне удивленный этимъ заявленіемъ, тѣмъ болѣе, что всѣ обстоятельства этого дѣла хорошо были извѣстны князу Дондукову-Корсакову, я просилъ генераль-адъютанта Ванновскаго внимательно рассмотреть представленное мною разслѣдованіе, увѣренный въ томъ, что слѣдствіе мною было произведено настолько тщательно, что не могло возникнуть ни малѣйшее сомнѣніе въ правильности моихъ дѣйствій. Къ этому я присовокупилъ, что если Государю Императору благоугодно было бы дать мнѣ въ присутствіи военного министра очную ставку съ генераломъ Курзаковымъ, то я докажу съ полною очевидностью нелѣпость его обвиненія. Черезъ нѣсколько дней ген.-адъют. Ванновскій сообщилъ мнѣ, что Его Величество согласился на мое предложеніе, при чемъ повелѣлъ присутствовать на очной ставкѣ, кромѣ военного министра, и генераль-адъютанту Дондукову-Корсакову.

Генераль Курзаковъ, извѣщенный объ этомъ рѣшеніи Государя, и, быть можетъ, посоветовавшись съ разумными людьми, указавшими ему на опрометчивость его поступка, просилъ военного министра о возвращеніи ему представленной имъ докладной записки и отказался отъ всякихъ обвиненій противъ меня. Послѣдствіемъ сего былъ пріѣздъ ко мнѣ генераль-адъютанта Ванновскаго и предложеніе мнѣ быть великодушнымъ и откататься отъ очной ставки.

Я отвѣтилъ военному министру, что генераль Курзаковъ, вновь поддавъ вліянію неблагомѣренныхъ людей, снова можетъ распространить невыгодные для меня слухи, и что, какъ разъ мнѣ дана очная ставка, я считаю необходимымъ настоять на ней, что я докажу неосновательность обвиненій генерала Курзакова, и если послѣ очной ставки онъ пуститъ пулю себѣ въ лобъ, я не буду считать себя виновнымъ.

И такъ состоялась очная ставка на квартирѣ военного министра; кромѣ лицъ, прежде поименованныхъ, присутствовалъ представитель отъ военно-судебнаго вѣдомства, на котораго было возложено веденіе протокола.

Военный министръ предложилъ генералу Курзакову формулировать свои обвиненія противъ меня. Выслушавъ ихъ, я прочелъ нѣсколько выдержекъ изъ слѣдственного дѣла; опровергши съ полною наглядностью всѣ обвиненія и разбивъ въ пухъ и прахъ генерала Курзакова, я обратился къ военному министру съ

просьбою передать этому генералу, что онъ, ген.-адъют. Ванновскій, былъ свидѣтелемъ, какъ я, доложивъ Государю Императору всѣ обстоятельства происшествія, ходатайствовалъ передъ Его Величествомъ о смягченіи наказанія генералу Курзакову. Выслушавъ сіе, генераль Курзаковъ всталъ съ своего мѣста и рыдая подошелъ ко мнѣ, прося меня простить его. Я отвѣтилъ, что, будь я частное лицо, я протянулъ бы ему съ радостью руку примиренія, но какъ генераль-адъютантъ, бывшій облеченный Высочайшимъ довѣріемъ и оскорбленный при исполненіи своихъ обязанностей генераломъ Курзаковымъ, я его простить не могу. Затѣмъ, обратясь къ военному министру, я просилъ его приказать включить въ протоколъ вышеописанный эпизодъ.

Въ тотъ же день протоколъ былъ представленъ на воззрѣніе Его Величества, а на другой день я прочелъ въ Высочайшемъ приказѣ объ отчисленіи генерала Курзакова отъ командованія дивизіею и зачисленіи его въ запасъ.

Въ началѣ 1883 года начались приготовленія къ Священному Коронаванію Ихъ Императорскихъ Величествъ. Государь Императоръ возложилъ на Великаго Князя Владиміра Александровича на время Коронаціи командованіе всѣми войсками, расположенными въ Москвѣ и окрестностяхъ, при чемъ ему было присвоено званіе главнаго начальника войскъ. Исполненіе при семъ должности начальника штаба, на правахъ начальника главнаго штаба, было возложено на меня. На Великаго же Князя Владиміра Александровича были возложены всѣ распоряженія по формированію гвардейскаго отряда для отправленія въ Москву на время Коронаціи. Начальникомъ этого отряда назначенъ былъ командиръ гвардейскаго корпуса генераль-адъютантъ графъ Шуваловъ.

По приказанію Великаго Князя Владиміра Александровича мною былъ составленъ особый докладъ о формированіи гвардейскаго отряда; докладъ этотъ былъ представленъ Его Высочествомъ Государю Императору и утвержденъ Его Величествомъ безъ измѣненій.

Въ составъ этого отряда была назначена между прочими частями 6 донская батарея въ 4-хъ орудійномъ составѣ.

Въ субботу наканунѣ Свѣтлаго Воскресенія военный министръ потребовалъ меня внезапно къ себѣ. Я засталъ генераль-адъютанта Ванновскаго въ крайне возбужденномъ состояніи. Онъ объявилъ, что потребовалъ меня къ себѣ по слѣдующей причинѣ. Нѣсколько дней тому назадъ имъ былъ полученъ отъ

товарища генерала-фельцейхмейстера генераль-лейтенанта Соханскаго рапортъ, въ которомъ генераль этотъ, по порученію Его Императорскаго Высочества фельдцейхмейстера, ему донесъ, что по Высочайшему повелѣнію и донская батарея должна слѣдовать въ Москву въ 6-ти-орудійномъ составѣ, т.-е. въ томъ составѣ, въ который она должна быть переформирована на основаніи, нѣсколько дней передъ симъ, состоявшагося приказа по военному вѣдомству.

Военный министръ, крайне задѣтый тѣмъ, что подчиненный ему генераль позволилъ себѣ объявить ему Высочайшее повелѣніе, представилъ объ этомъ на Высочайшее воззрѣніе, не спрашивая по сему предмету личное повелѣніе Его Величества. Государь объявилъ военному министру, что дѣйствительно Великій Князь Михаилъ Николаевичъ просилъ разрѣшенія Его отправить 6 донскую батарею въ Москву въ 6-ти-орудійномъ составѣ, но такъ какъ всѣ распоряженія по формированію гвардейскаго отряда возложены на Великаго Князя Владимира Александровича, то Его Величество предоставляетъ ему рѣшеніе этого вопроса.

— Я потребовалъ Васъ къ себѣ, присовокупилъ военный министръ, чтобы объявить Вамъ это Высочайшее повелѣніе; пусть Великій Князь Владиміръ Александровичъ рѣшитъ этотъ вопросъ.

На другой день утромъ, когда я приносилъ Великому Князю поздравленіе съ Свѣтлымъ праздникомъ, я вмѣстѣ съ этимъ передалъ ему содержаніе моего разговора съ генераль-адъютантомъ Ванновскимъ, при чемъ совѣтовалъ ему въ угоду желанію Великаго Князя Михаила Николаевича отправить батарею въ Москву въ 6-ти-орудійномъ составѣ, хотя распоряженіе это и вызывало нѣкоторыя затрудненія и неудобства, заключающіяся въ томъ, что пришлось бы въ Москвѣ приготовить лишнія конюшни, на что потребовался бы нѣкоторый расходъ, а затѣмъ донская батарея, окончательно еще не переформированная въ 6-ти-орудійный составъ, вновь явится въ Красномъ Селѣ въ 4-хъ-орудійномъ составѣ, такъ какъ назначенныя на усиленіе состава лошади будутъ приведены съ Дона только осенью, въ Москву же пойдутъ лошади, взятые изъ другихъ частей. Великій Князь Владиміръ Александровичъ, выслушавъ мой докладъ, объявилъ мнѣ, что онъ обдумаетъ это дѣло и дастъ мнѣ черезъ нѣсколько дней отвѣтъ.

Отъ Его Высочества я поѣхалъ къ Великому Князю Михаилу Николаевичу, у котораго собралось все артиллерійское

начальство для принесенія поздравленія Августѣйшему фельдцейхмейстеру.

Его Высочество, увидя меня, сказалъ: „А 6 батарея пойдетъ въ Москву въ 6-ти-орудійномъ составѣ“. Не зная, какъ рѣшить Великій Князь Владиміръ Александровичъ этотъ вопросъ, я отвѣтилъ Его Высочеству, что по сему предмету вышло недоразумѣніе.

5-го мая я переѣхалъ съ штабомъ въ Москву, и съ этого дня до выѣзда Ихъ Величествъ выпало на мою долю не мало заботъ и хлопотъ, такъ какъ всѣ распоряженія по участию войскъ въ разныхъ церемоніяхъ во время Коронаціи дѣлались мною. Я слѣдилъ строго за тѣмъ, чтобы приказанія доходили до войскъ заблаговременно, за все время пребыванія Ихъ Величествъ въ Москвѣ не было случая, чтобы какое-либо распоряженіе по войскамъ было бы измѣнено, благодаря этому не было суеты, всегда царствовало спокойствіе и порядокъ.

Послѣ общаго парада всѣмъ войскамъ, которымъ окончились коронаціонныя торжества, я былъ приглашенъ на завтракъ къ Царскому столу. Тутъ Государь Императоръ обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами: „Я воображаю, Николай Оттоновичъ, какъ Вы были все время заняты“. При отъѣздѣ изъ Москвы, Его Величество благодарилъ меня въ сердечныхъ выраженіяхъ за всѣ мои распоряженія по войскамъ за время Коронаціи.

Не могу сказать, чтобы въ той степени милостиво ко мнѣ отнеслось придворное вѣдомство. По свойству моихъ служебныхъ обязанностей, требующихъ непрерывныхъ сношеній съ Его Императорскимъ Высочествомъ Главноначальствующимъ, я долженъ былъ непремѣнно жить въ Кремлѣ. Между тѣмъ придворнымъ вѣдомствомъ мнѣ не было отведено помѣщеніе въ дворцовомъ зданіи, и если командиръ 1 баталіона лейбъ-Екатеринославскаго Его Величества полка, флигель-адъютантъ Матвѣенко (бывшій мой подчиненный) не уступилъ бы мнѣ свою квартиру въ казармахъ полка въ Кремлѣ, я не зналъ бы, гдѣ жить. Къ министерскому столу я также не былъ приглашенъ и долженъ былъ искать пропитанія въ ближайшей гостиницѣ. Часто занятія не позволяли мнѣ отлучиться пазъ Кремля до восьми часовъ, и такимъ образомъ я иногда оставался до самаго вечера безъ ѣды. Благодаря этому нездоровому образу жизни, я нажилъ себѣ сильный катарръ желудка, отъ котораго страдалъ нѣсколько мѣсяцевъ.

25 декабря 1883 года, гуляя по Невскому проспекту, я встрѣ-

тилъ военнаго министра. Генераль-адъютантъ Ванновскій предложилъ мнѣ пройтись съ нимъ и рассказалъ мнѣ тутъ, что генераль Черняевъ уже вызванъ въ Петтербургъ. „Что бы Вы сказали, присовокупилъ военный министръ, если этотъ постъ Вамъ былъ бы предложенъ?“ Я отвѣтилъ военному министру, что прежде чѣмъ дать рѣшительный отвѣтъ, мнѣ необходимо узнать мнѣніе Великаго Князя Владиміра Александровича. Пользуясь постоянно милостивымъ вниманіемъ Его Императорскаго Высочества, я себя считаю обязаннымъ узнать, согласенъ ли онъ отпустить меня отъ себя.

При первомъ моемъ свиданіи съ Великимъ Княземъ, я передалъ Ему содержаніе моего разговора съ военнымъ министромъ.

Выслушавъ меня, Его Императорское Высочество сказалъ: „Вы знаете, что пользуетесь полнымъ Моимъ довѣріемъ, и на сколько я дорожу Вашею службою при Мнѣ, но постъ туркестанскаго губернатора настолько важенъ, занимая его, Вы можете принести громадную пользу Государю и Россіи, успѣшное веденіе дѣлъ въ Средней Азіи имѣетъ для насъ первенствующее значеніе, тутъ не можетъ быть колебаній, берите, берите, берите!“

Затѣмъ перейдя къ вопросу, кто бы могъ быть назначенъ на должность начальника штаба Петербургскаго округа, и получивъ отъ меня отвѣтъ, что я затрудняюсь указать на кого-либо, Великій Князь выразилъ, что его выборъ въ такомъ случаѣ остановится на генераль-маіорѣ Бобриковѣ. „Онъ былъ Вашимъ помощникомъ, присовокупилъ Его Императорское Высочество, и поэтому сдѣлаетъ лучше всякаго другого повести дѣла, въ томъ же духѣ и направленіи, какъ Вы ихъ вели“.

Въ половинѣ января 1884 года генераль Черняевъ пріѣхалъ изъ Ташкента въ Петербургъ, ему было объявлено, что онъ въ край не возвратится. 21-го февраля состоялся Высочайшій приказъ о моемъ назначеніи туркестанскимъ генераль-губернаторомъ и командующимъ войсками Туркестанскаго военнаго округа. Въ приказѣ по войскамъ гвардіи и Петербургскаго военнаго округа отъ 23 февраля за № 8 Великій Князь Владиміръ Александровичъ объявилъ о моемъ новомъ назначеніи въ слѣдующихъ для меня въ высшей степени лестныхъ выраженіяхъ:

„Съ настоящимъ назначеніемъ генераль-адъютанта Розенбаха, Я, къ искреннему сожалѣнію, лишаюсь ближайшаго сотрудника, трехлѣтняя дѣятельность котораго въ должности начальника моего штаба отличалась беззавѣтною преданностью

дѣлу, просвѣщенной заботливостью о благѣ войскъ и, при твердой волѣ, обширною и всестороннею опытностью.

Проникнутый уваженіемъ къ заслугамъ генераль-адъютанта Розенбаха, пользовавшагося моимъ полнымъ довѣріемъ и существенно облегчавшаго мои труды по управленію Высочайше вѣренными мнѣ войсками, выражаю ему мою душевную благодарность.

Отличную во всѣхъ отношеніяхъ службу этого достойнаго генерала въ войскахъ округа всегда буду цѣнить и помнить“.

Великій Князь не ограничилъ выше приведеннымъ приказомъ свое милостивое ко мнѣ вниманіе. Онъ далъ для меня обѣдъ, на который были приглашены высшія начальствующія лица округа, и подарилъ мнѣ при прощаніи свой портретъ со слѣдующею надписью: „помощнику и другу, 1881—1884 г. Владимиръ“.

Въ распоряженіи генерала Черняева, по званію туркестанскаго генераль-губернатора, состоялъ въ числѣ другихъ лицъ, Свиты Его Величества генераль-маіоръ князь Витгенштейнъ. Зная его за совершенно несоотвѣтствующаго человѣка, и опасаясь, что, оставаясь при мнѣ, онъ можетъ принести мнѣ вредъ, я, немедленно послѣ моего назначенія генераль-губернаторомъ, просилъ военнаго министра сдѣлать распоряженіе объ его отчисленіи. Генераль-адъютантъ Ванновскій обѣщался мнѣ испросить на это Высочайшее разрѣшеніе.

Немедленно послѣ моего назначенія генераль-губернаторомъ состоялось распоряженіе участвовать мнѣ въ комиссіи члена Государственнаго Совѣта генераль-адъютанта графа Игнатьева, на которую было возложено составленіе проекта положенія объ управленіи Туркестанскимъ краемъ. Однимъ изъ членовъ этой комиссіи былъ и тайный совѣтникъ Гирсъ, только-что образовавшій по Высочайшему повелѣнію этотъ край. Занятія комиссіи тянулись вплоть до моего отъѣзда изъ Петербурга, т. е. до 12 мая. Не будучи знакомъ съ Туркестаномъ и поэтому не имѣя возможности оцѣнить, насколько составленный комиссіею проектъ положенія дѣлъ былъ цѣлесообразенъ, я просилъ передъ моимъ отъѣздомъ военнаго министра прислать проектъ положенія на мое заключеніе въ Ташкентъ; генераль-адъютантъ Ванновскій согласился на это только послѣ настойчивыхъ моихъ просьбъ.

Будущее показало, насколько я былъ правъ. Обѣхавъ край и ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ на мѣстѣ, я представилъ массу замѣчаній на проектъ графа Игнатьева.

За день до моего отъѣзда изъ Петербурга я представился Государю Императору въ Аничковомъ дворцѣ въ 4 часа. Аудіенція мною была испрошена слѣдующимъ образомъ: Въ началѣ мая я просилъ генераль-адъютанта Рихтера, командующаго Императорскою главною квартирою, испросить повелѣніе Его Величества, когда Ему будетъ угодно меня принять. День и часъ мнѣ былъ назначенъ, но, вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ, представленіе не состоялось. Другой день для пріема мнѣ не былъ назначенъ. 9 мая я поѣхалъ въ Гатчину на полковой праздникъ Кирасирскаго Его Величества полка; тутъ я вторично обратился къ генераль-адъютанту Рихтеру съ просьбою испросить повелѣніе Государя, когда ему Ему будетъ угодно меня принять. „Обратитесь съ этимъ сами къ Государю“, отвѣтилъ мнѣ генераль. Имѣя въ виду, что всѣ распоряженія къ отъѣзду были сдѣланы, и не желая упустить случая, я послѣ Высочайшаго завтрака подошелъ къ Его Величеству и испросилъ повелѣніе Государя. „Я буду завтра въ Петербургѣ“, отвѣтилъ мнѣ Его Величество, и пріѣзжайте ко Мнѣ въ Аничковъ дворецъ въ 4 часа“.

Когда я явился на другой день къ Государю, Его Величество удостоилъ меня самаго милостиваго пріема. Много было разговоровъ о Бухарскомъ ханствѣ. Согласно донесеніямъ генераль-маіора Гродекова, временно исправлявшаго должность генераль-губернатора, Эмиръ Бухарскій оставлялъ безъ отвѣта всѣ письма туркестанскаго генераль-губернатора, не приводилъ въ исполненіе данное генералу Черняеву обѣщаніе построить телеграфную линію отъ русской границы въ г. Бухару и не выпускалъ Русскую военную депутацію, командированную въ его распоряженіе генераломъ Черняевымъ для обученія бухарскихъ войскъ, заявляя, что депутація имъ будетъ отпущена только тогда, когда русское правительство ему дастъ 20.000 рублей. Вообще наше положеніе въ ханствѣ было настолько испорчено, что самыя крайнія мѣры казались необходимыми.

На вопросъ Государя, много ли я беру съ собою чиновниковъ и офицеровъ, я отвѣтилъ Его Величеству, что я пока не думаю дѣлать никакихъ перемѣнъ въ администраціи, и что, кромѣ вновь назначенныхъ ко мнѣ двухъ личныхъ адъютантовъ, я всѣхъ оставляю на мѣстахъ. „Хорошо ль вы дѣлаете, Николай Оттоновичъ“, сказалъ мнѣ Государь. Я отвѣтилъ Его Величеству, что прежде, чѣмъ рѣшиться на какія-либо перемѣны, я признаю необходимымъ осмотрѣться на мѣстѣ. Если я приду къ убѣжденію, что не могу обойтись тѣми силами

которыя найду въ краѣ, я буду ходатайствовать передъ Его Величествомъ о назначеніи въ мое распоряженіе новыхъ лицъ, дѣлая же перемѣщенія въ настоящее время, я легко могу сдѣлать ошибку и лишить куска хлѣба достойныхъ людей. Государь согласился съ моими доводами, и, пріѣхавъ на мѣсто, я убѣдился, насколько справедливы были мои соображенія. Я засталъ въ Туркестанѣ массу дѣльныхъ и способныхъ людей, и только исподоволь мнѣ пришлось сдѣлать кой-какія перемѣны въ личномъ составѣ. Благодаря этому образу дѣйствій, мое управленіе краемъ пріобрѣло съ перваго же дня должную устойчивость, всѣ служащіе, честно и добросовѣстно исполняющіе свои обязанности, пріобрѣли увѣренность, что не будутъ смѣщены, и дѣла пошли вполне успѣшно.

При прощаніи Государь сказалъ мнѣ, что въ случаѣ какой-либо серіозной надобности, Онъ разрѣшаетъ мнѣ Ему лично писать.

12-го мая, какъ выше было сказано, я выѣхалъ изъ Петербурга. Сопровождали меня личные мои адъютанты: ротмистръ Шафровъ и сотникъ Рындинъ, и чиновникъ генераль-губернаторской канцеляріи Ѳедоровъ. Поѣхалъ я по заранѣ утвержденному маршруту, по которому не только день, но и часъ пріѣзда въ попутный городъ былъ точно опредѣленъ. Маршрутъ былъ составленъ весьма осторожно, и во весь путь не было сдѣлано отъ него отступленія. Вездѣ меня встрѣчало населеніе, заранѣе увѣдомленное о моемъ проѣздѣ. Точное выполненіе маршрута производило общее удивленіе. При проѣздѣ моихъ предшественниковъ, населенію приходилось ожидать ихъ проѣзда не только нѣсколько дней, но иногда и недѣлю. Въ Казалинскѣ меня встрѣтилъ начальникъ Аму-Дарьинскаго отдѣла, генералъ-майоръ Гротенгельмъ, пріѣхавшій изъ Петро-Александровска. Согласно его ходатайству мною было сдѣлано одно весьма серьезное распоряженіе. Я разрѣшилъ ему двинуть одну казачью сотню изъ Петро-Александровска въ Хивинское ханство и расположить ее въ г. Кунградѣ. Мѣра эта была вызвана грабежами туркменъ, неоднократно нападавшихъ на русскіе караваны,двигающіеся съ Аму-Дарьи въ Оренбургъ по западному берегу Аральскаго озера. Благодаря казачьей сотнѣ и содержимымъ ею по разнымъ направленіямъ разѣздамъ, спокойствіе водворилось скоро въ этомъ мѣстѣ и грабежи прекратились. Русскіе купцы, торгующіе въ Хивинскомъ ханствѣ, очень оцѣнили мою заботливость о ихъ нуждахъ.

Въ г. Туркестанѣ я нашелъ шифрованную телеграмму отъ

генераль-маіора Гродекова. Генеральъ извѣщалъ меня о прибытіи въ Ташкентъ бухарскаго посольства, командированного Эмиромъ для встрѣчи меня. Во главѣ посольства стоялъ, согласно извѣщенію генерала Гродекова, одинъ изъ самыхъ приближенныхъ сановниковъ Эмира, Рахметъ-Улла-Бій, извѣстный какъ большой фанатикъ и глава партіи, враждебной Россіи.

Къ этому генеральъ Гродековъ присовокуплялъ, что хотя послѣ моего выѣзда изъ Петербурга наша военная депутація и отпущена изъ Бухары, но тѣмъ не менѣе отношенія крайне натянутыя.

6 іюня 1884 г. министръ иностранныхъ дѣлъ телеграфировалъ мнѣ: „начальникъ главнаго штаба передалъ мнѣ телеграмму генерала Гродекова отъ 27 мая. Изъ нея явствуется, что Эмиръ Бухарскій отказывается поставить столбы для телеграфной линіи и отпустить инструкторовъ нашихъ, пока не будутъ присланы обѣщанные будто бы ему 19.000 рублей. Онъ обнаруживаетъ также намѣреніе совершенно измѣнить прежнія отношенія къ начальнику Туркестанскаго края. Положеніе это крайне прискорбно. Не имѣемъ здѣсь достаточно данныхъ, чтобы судить о причинахъ, его вызвавшихъ, но во избѣжаніе крутыхъ мѣръ, могущихъ совершенно измѣнить положеніе дѣлъ въ Средней Азіи и увлечь другія державы, полагалъ бы необходимымъ устранить затрудненія путемъ переговоровъ. Въ виду этого прошу Васъ поспѣшить сообщить заключеніе ваше о томъ, полагаете ли вы болѣе сообразнымъ тотчасъ же отъ себя возобновить эмиру требованія объ отпускѣ инструкторовъ или же предпочтете дожидаться пріѣзда дипломатическаго чиновника Чарыкова, который отправляется на дняхъ въ Ташкентъ и можетъ быть снабженъ письмомъ къ эмиру отъ меня, въ коемъ наши требованія будутъ заявлены эмиру, по повелѣнію Государя Императора“. Подписалъ: Гирсъ.

13 писемъ генерала Черняева къ эмиру, остались до сихъ поръ безъ отвѣта, и отъ постройки телеграфа эмиръ рѣшительно отказывается.

2 іюня рано утромъ я пріѣхалъ на станцію Гишкупрюкъ, послѣднюю не доѣзжая Ташкента. Тутъ я былъ встрѣченъ высланною мнѣ навстрѣчу конвойною сотней и бухарскимъ посольствомъ. Желая съ перваго шага показать полное мое неудовольствіе эмиру, я обошелъ сначала конвойную сотню, поздоровался съ казаками, и затѣмъ уже подошелъ къ посольству. Сказавъ нѣсколько словъ членамъ посольства и не по-

давъ никому руки, я разрѣшилъ имъ ѣхать обратно въ Ташкентъ, не пригласивъ ихъ къ достархану (восточное угощеніе), приготовленному для меня на станціи. Столь явно нелюбезное съ ними обращеніе произвело на нихъ конечно сильное впечатлѣніе. Рахметъ-Улла-Бій, по пріѣздѣ въ Ташкентъ, послалъ, какъ я потомъ узналъ, немедленно эмиру подробное донесеніе о моемъ болѣе, чѣмъ нелюбезномъ пріемѣ.

Въ тотъ же день въ 10 часовъ утра я выѣхалъ въ Ташкентъ, гдѣ былъ встрѣченъ войсками, служащими и населеніемъ, русскимъ и туземнымъ. Погода стояла чудная, и городъ произвелъ на меня въ общемъ благоприятное впечатлѣніе.

4 іюня я назначилъ аудіенцію бухарскому посольству. Тутъ я выразилъ Рахметъ-Улла-Бію неудовольствіе русскаго правительства на образъ дѣйствій эмира, потребовалъ, чтобы всѣ требованія генерала Черняева, изъясненныя въ 18 его письмахъ къ эмиру, безотлагательно были выполнены, а также приступлено къ постройкѣ телеграфной линіи. Рѣшительный мой образъ дѣйствій произвелъ должное впечатлѣніе. Рахметъ-Улла-Бій сказалъ мнѣ, что обо всемъ, мною переданномъ, онъ сообщитъ немедленно эмиру, и всѣ мои требованія будутъ несомнѣнно удовлетворены. Дѣйствительно при слѣдующей аудіенціи онъ мнѣ представилъ нѣсколько писемъ эмира, послѣдовавшихъ въ отвѣтъ на письма генерала Черняева.

Признавая необходимымъ настоять на всѣхъ моихъ требованіяхъ, я рѣшился безотлагательно отправить въ Бухару особое посольство, въ главу котораго я поставилъ помощника начальника окружнаго штаба полковника Матвѣева, чловѣка рѣзкаго, можно сказать даже грубаго. Мною ему было приказано не выѣзжать изъ Бухары, пока эмиромъ не будетъ подписана конценція о постройкѣ телеграфной линіи и не исполнены всѣ безъ исключенія требованія, заявленныя генераломъ Черняевымъ. Хотя нѣкоторыя изъ нихъ, по моему мнѣнію, и были неосновательны, но, разъ о нихъ было сообщено генералъ-губернаторомъ, я призналъ необходимымъ настоять на выполненіи ихъ.

Посольство полковника Матвѣева имѣло полный успѣхъ. Эмиръ согласился на все, телеграфная конвенція подписана эмиромъ, и къ 26 августа постройка линіи окончена.

Въ этотъ день, въ бытность мою въ Самаркандѣ, я получилъ изъ Бухары телеграмму отъ эмира, извѣщающаго меня объ открытіи телеграфной линіи. Въ настоящее время русское правительство, не истратившее ни одной копейки на постройку,

получаетъ въ годъ 15—20.000 рублей чистаго дохода. Эмиръ получаетъ также на затраченный капиталъ весьма приличный процентъ. Для русской торговли телеграфная линія приноситъ громадную пользу; политическое ея значеніе чрезвычайно важно; съ проведеніемъ телеграфной линіи прекратилась, такъ сказать, обособленность Бухары; это былъ первый рѣшительный шагъ къ мирному завоеванію ханства, которое довершено въ 1888 г. проведеніемъ желѣзной дороги и расположеніемъ русскихъ гарнизоновъ въ Чарджуѣ и Карки.

Первое время пребыванія моего въ Ташкентѣ я посвятилъ ознакомленію съ текущими дѣлами, ближайшему знакомству съ моими подчиненными и осмотру города. Всѣ распоряженія и мѣры, принятыя мною, подробно изложены въ моихъ всеподданнѣйшихъ отчетахъ, лично мною представленныхъ Государю въ 1885 и 1888 годахъ, копіи съ которыхъ хранятся въ моихъ бумагахъ; въ настоящихъ запискахъ я коснусь только тѣхъ распоряженій, которыя имѣли особое значеніе для края, и требуютъ ближайшаго освѣщенія.

8 іюня я посѣтилъ въ первый разъ туземный городъ, который произвелъ на меня удручающее впечатлѣніе; дороги отвратительныя, вездѣ вонь и грязь, базаръ отчаянный. По наведенной мною справкѣ оказалось, что изъ 150.000 рублей, составляющихъ доходную смѣту города Ташкента, ежегодно тратилось на туземный городъ не болѣе 4—5.000 руб.; городскимъ хозяйствомъ завѣдовала дума; выборный городской голова находился подъ судомъ, его замѣщалъ товарищъ головы, купецъ Кожевниковъ. Воспользовавшись этимъ ненормальнымъ положеніемъ и предоставленною мнѣ властью, я рѣшился назначить городскимъ головою начальника города Ташкента, полковника Путинцева, чрезвычайно распорядительнаго и дѣльнаго штабъ-офицера. Благодаря его заботамъ, городское хозяйство поправилось быстро. Лежащій на городѣ долгъ въ 18.000 руб. уплаченъ, въ настоящее время почти всѣ улицы въ русскомъ городѣ шоссеваны, устроены тротуары, учреждена прекрасная полиція, вырыто множество колодцевъ, городъ по своему благоустройству не уступаетъ лучшимъ городамъ въ Европейской Россіи. Въ туземномъ городѣ исправлены мосты и дороги, обращено особое вниманіе на чистоту, открыта амбулаторная лѣчебница для туземцевъ, открыты 4 русскія школы для туземцевъ, и наконецъ построенъ, безъ всякихъ расходовъ отъ казны, великолѣпный базаръ, лучшій въ Средней Азіи.

Все это достигнуто въ теченіе 5 лѣтъ. Городское общество,

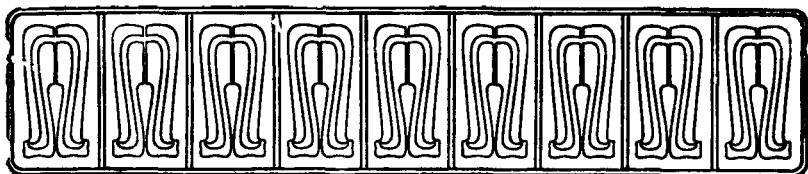
встрѣтившее первоначально весьма несочувственно назначеніе начальника города городскимъ головою, помирилось въ настоящее время вполне съ этимъ распоряженіемъ и сдѣлало въ 1888 году полковнику Путинцеву, при отъѣздѣ его въ 4 мѣсячный отпускъ въ Россію, самую сердечную овацію. Вслѣдъ за введеніемъ новаго положенія объ управленіи краемъ, въ 1888 году изданъ законъ, на основаніи котораго городской голова назначается распоряженіемъ правительства; такимъ образомъ сдѣланное мною въ 1884 году распоряженіе получило законодательную санкцію.

Желая насколько возможно содѣйствовать развитію производительности края, я немедленно по назначеніи генералъ-губернаторомъ опредѣлилъ на должность чиновника по особымъ порученіямъ натуралиста г-на Вилькинса... Чиновникъ этотъ служилъ въ теченіе болѣе 10 лѣтъ въ Туркестанѣ, былъ вполне знакомъ съ производительными силами края и, по непонятному распоряженію генерала Черняева, оставленъ за штатомъ. Пользуясь его свѣдѣніями, я желалъ прежде всего дать толчекъ культурѣ въ краѣ хлопка изъ американскихъ сѣмянъ и поддерживать шелководство, пришедшее, вслѣдствіе развитія болѣзни шелковичныхъ червей, въ полный упадокъ. Согласно докладамъ господина Вилькинса мною были учреждены въ Ташкентѣ, вслѣдъ за моимъ прибытіемъ въ край, хлопковая ферма и гренажная станція, первая открытая въ Россіи.

На Кавказѣ въ Тифлисѣ учреждена гренажная станція въ 1888 году. Желая распространить въ краѣ свѣдѣнія о культурѣ американскаго хлопка, былъ напечатанъ по моему распоряженію въ „Туркестанскихъ вѣдомостяхъ“ отчетъ д. с. с. Бродовскаго, командированнаго за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ бывшимъ ген.-губернаторомъ Кауфманомъ въ Сѣверную Америку для изученія хлопковаго дѣла. Отчетъ этотъ въ высшей степени поучительный, по непонятной причинѣ, не былъ до моего пріѣзда въ край обнародованъ. Вышесказанныя мѣры, а рядомъ съ ними даровая выдача нѣкоторымъ лицамъ сѣмянъ американскаго хлопка, происходящія подъ моимъ предсѣдательствомъ ежегодные съѣзды хлопководовъ дали этой отрасли сельскаго хозяйства - рѣшительный толчекъ, и результаты превзошли самыя смѣлыя ожиданія.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Записки Н. А. фонъ-Розенбаха ¹⁾.

Было собрано въ 1884 году, нѣсколько сотъ пудовъ хлопка, въ 1885 году около 20 тысячъ пудовъ, въ 1886 году около 40 тыс. пуд., въ 1887 г. около 250 тыс. пуд., въ 1888 году не менѣе милліона пудовъ, въ томъ числѣ въ одной Ферганской области не менѣе 300.000 пуд. Если хлопководство и впредь будетъ развиваться въ той же пропорціи, то можно съ увѣренностью сказать, что лѣтъ черезъ десять Россія не будетъ нуждаться въ ввозѣ изъ Америки хлопка, и тѣ 100 милл. руб. золотомъ, которые мы до сихъ поръ платили, будутъ оставаться у насъ дома. Могу съ гордостью сказать, что Россія мнѣ въ этомъ будетъ обязана. Составленное и изданное г. Вилькенсомъ по моему распоряженію руководство хлопководамъ принесетъ также несомнѣнную пользу.

Не меньшую пользу принесутъ Туркестану учрежденныя въ 1884 г. въ Ташкентѣ, а въ слѣдующіе годы въ Самаркандѣ, Новомъ-Маргеланѣ и Петро-Александровскѣ гренажныя станціи. Шелководство процвѣтало съ давняго времени въ Средней Азіи. Проявившаяся въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Средней Азіи болѣзнь червей грозила, какъ она и имѣла мѣсто въ Хивинскомъ ханствѣ, совершенно погубить шелководство. Учрежденныя мною гренажныя станціи, снабжая населеніе здоровою греною, отстраняютъ эту опасность. Населеніе Туркестанскаго края оцѣнило исполнѣ, какъ оно видно между прочимъ изъ представленныхъ мнѣ въ 1889 году въ Ферганской области адресовъ, мою заботливость, и ни одна изъ

¹⁾ См. „Русская Старина“, апрѣль 1916 г.

принятыхъ мною въ краѣ мѣръ не была принята съ такимъ общимъ сочувствіемъ, какъ снабженіе населенія здоровою шелковичною греною.

Въ 1883 году генераломъ Черняевымъ была закрыта Ташкентская публичная библіотека, и книги переданы въ устроенное имъ книгохранилище, библіотеку окружного штаба и учебныя заведенія. Немедленно по пріѣздѣ моемъ въ Ташкентъ, публичная библіотека была мною вновь открыта.

19 августа 1884 года я выѣхалъ изъ Ташкента, чтобы осмотрѣть часть Сыръ - Дарьинской области, Заравшанскій округъ и Ферганскую область. Это былъ мой первый объѣздъ края.

Пробывъ сутки въ Джизакѣ, я выѣхалъ 21 августа въ Самаркандъ. На берегу рѣки Заравшана я былъ встрѣченъ массою населенія и Бухарскимъ посольствомъ, во главѣ котораго стоялъ наслѣдный принцъ, нынѣ царствующій Эмиръ бухарскій. Картина встрѣчи была восхитительна и произвела на меня сильное впечатлѣніе. Наслѣдный принцъ держалъ себя во все время моего пребыванія въ Самаркандѣ съ большимъ тактомъ и достоинствомъ, и такъ какъ ко времени моего пріѣзда въ Самаркандъ уже установились вполне правильныя отношенія къ Бухарскому правительству, то я, съ своей стороны, оказывалъ ему всякое вниманіе. Эмиръ былъ настолько доволенъ оказанному мною принцу пріему, равно и умѣнью и такту, съ которыми себя держалъ сей послѣдній, что по возвращеніи его въ Бухару онъ возстановилъ его Керминскимъ бекомъ, — и должность, отъ которой онъ былъ отчисленъ въ 1883 году по возвращеніи изъ Москвы, гдѣ присутствовалъ на коронаціи. Наслѣдный принцъ, обязанный мнѣ въ томъ, что вновь установились добрыя отношенія между имъ и отцомъ, сохранилъ о свиданіи со мною самое благодарное воспоминаніе.

Въ теченіе десяти дней я осмотрѣлъ подробно г. Самаркандъ и весь Заравшанскій округъ. Это была, ко времени моего пріѣзда въ Туркестанъ, единственная благоустроенная часть края, что меня побудило 30 августа на офиціальномъ обѣдѣ, между прочими тостами, выпить за здоровье бывшаго начальника округа генералъ-лейтенанта Абрамова, которому городъ Самаркандъ и весь Заравшанскій округъ обязанъ своимъ благоустройствомъ.

Войскамъ я сдѣлалъ смотръ, и присутствовалъ на двухстороннемъ маневрѣ. Наслѣдный принцъ сопровождалъ меня постоянно. Строевое обученіе войскъ было хорошо, въ такти-

ческомъ же отношеніи они были подготовлены неудовлетворительно. Въ г. Катта-Курганѣ меня поразила ветхость православной церкви. Несмотря на самыя настойчивыя представленія, мнѣ удалось только въ 1889 году исходатайствовать нужный кредитъ на постройку новой церкви.

Туземное населеніе я нашелъ весьма зажиточнымъ и по видимому вполне довольнымъ русскою администраціею и порядками, установленными русскимъ правительствомъ. Оно встрѣчало меня вездѣ привѣтливо.

1 сентября я выѣхалъ черезъ Ура-Тюбе и Ходжентъ въ Ферганскую область. На границѣ области я былъ встрѣченъ военнымъ губернаторомъ генералъ-маіоромъ Ивановымъ. Пріемъ, оказанный мнѣ населеніемъ, рѣзко отличался отъ сдѣланнаго мнѣ въ Заравшанскомъ округѣ; вездѣ проявлялось неудовольствіе, можно сказать враждебность къ русскому правительству; я былъ заваленъ просьбами, въ которыхъ преимущественно приносились жалобы на тяжесть поземельнаго налога; во время моего пребыванія въ области мнѣ было подано таковыхъ не менѣе 2.000. Не имѣя возможности оказать немедленную помощь, я объявлялъ населенію, что буду со временемъ ходатайствовать о новой переработкѣ, пока же населеніе обязано уплачивать налогъ, установленный организаціонными комиссіями. Населеніе, не удовлетворяясь этимъ рѣшеніемъ, продолжало настаивать на безотлагательномъ уменьшеніи налога, и бывали случаи, что мнѣ приходилось обращаться къ содѣйствію казаковъ, чтобы разгонять толпу, подступавшую ко мнѣ съ дерзкими требованіями.

Ирригаціонная система находилась въ полномъ запущеніи, и жалобы населенія на недостатокъ воды для обработки земель имѣли полное основаніе. Генераломъ Черняевымъ была упразднена должность завѣдывающаго ирригаціею и его помощника; распоряженіе это имѣло самыя погубныя послѣдствія, не было лица, отвѣтственнаго за состояніе ирригаціонной системы и наблюдающаго за правильнымъ состояніемъ каналовъ и арыковъ. Я рѣшилъ возстановить эти должности, что мною и было произведено въ исполненіе 1 января 1885 года; на вновь назначеннаго ирригатора мною была возложена обязанность выработать и представить соображенія о сооруженіяхъ необходимыхъ для приведенія въ благоустройство ирригаціонной системы въ Ферганской области.

Городъ Кокандъ произвелъ на меня самое удручающее впечатлѣніе. Широко раскинувшись, туземный городъ, съ

60 тысячнымъ населеніемъ, отличался, какъ всѣ сартовскіе города, грязью и смрадомъ: узкія, извилистыя улицы содержались дурно; движеніе по нимъ было крайне затруднительно. Русскаго города вовсе не было; кромѣ развалившихся казармъ 16 батальона и тюрьмы, не было никакихъ казенныхъ зданій. Офицеры и чиновники должны были жить въ сартовскомъ городѣ; кромѣ неудобствъ, положеніе это представляло большую опасность; въ случаѣ возмущенія, которое, при тогдашнемъ настроеніи населенія, было вполне возможно, офицеры и чиновники легко могли быть зарѣзаны. Конечно, я обратилъ самое серьезное вниманіе на печальное положеніе русскихъ; по сдѣланнымъ мною на мѣстѣ указаніямъ, военнымъ губернаторомъ былъ составленъ планъ русскаго города, который былъ мною утвержденъ въ 1884 же году; всѣ находящіеся въ моемъ распоряженіи свободныя средства были назначены на постройку необходимыхъ казенныхъ зданій въ Кокандѣ, городъ быстро обстроился, и въ 1889 году я имѣлъ радость видѣть прекрасно распланированный съ шоссированными улицами изящный городокъ, лучший можно сказать уѣздный городокъ во всемъ краѣ.

Новый-Маргеланъ заставлялъ также многого желать; рядомъ съ колоссальными строеніями, частью, какъ домъ военнаго губернатора за недостаткомъ средствъ, неоконченными, ютились крошечные домики; многихъ необходимыхъ казенныхъ зданій не доставало; церковь убогая. Къ сожалѣнію, бывшая администрація не сумѣла правильно распорядиться находившимися въ ея распоряженіи широкими средствами. Такъ называемыя Ферганскія суммы были, можно сказать, зря израсходованы. Ничтожность городскихъ суммъ не давала мнѣ возможности серьезно улучшить состояніе города; единственное, что мнѣ удалось сдѣлать, это псходатайствовать необходимую сумму на постройку новой церкви, къ чему было приступлено въ 1889 году.

Обѣхавъ, вслѣдъ за осмотромъ Коканда и Маргелана, Ошъ, Андижанъ и Намангамъ, гдѣ я вынесъ тѣ же неудовлетворительныя впечатлѣнія, я вернулся 20 сентября въ Ташкентъ.

Осенью 1884 года былъ присланъ на мое заключеніе, составленный комиссіею графа Пгнатъева, проектъ положенія объ управленіи Туркестанскимъ краемъ, при чемъ военный министръ меня обязалъ представить мои соображенія въ срокъ не болѣе мѣсяца. Пришлось усиленно заняться этимъ дѣломъ, къ назначенному сроку мое заключеніе было отправлено въ Петербургъ, при чемъ на многія изъ предположеній комиссіи графа Пгнатъева

были представлены всѣскія возраженія. Въ особенности я настаивалъ на образованіи изъ Заравшанскаго округа, съ присоединеніемъ къ нему Ходжентскаго и Джизакскаго уѣзда, Самаркандской области, тогда какъ комиссія по узкимъ, финансовымъ соображеніямъ предполагала всю эту территорію присоединить къ Сыръ-Дарьинской области.

Осенью того же года начались дѣйствія Афганской пограничной комиссіи, и такъ какъ нельзя было рассчитывать съ увѣренностью на мирный исходъ переговоровъ съ Англіею, то мнѣ было приказано имѣть въ готовности, на случай открытія военныхъ дѣйствій, отрядъ въ составѣ около 10.000 человекъ для движенія въ Сѣверный Афганистанъ. Въ концѣ года военный министръ сообщилъ мнѣ въ шифрованной телеграммѣ Высочайшее повелѣніе занять однимъ батальономъ Ходже-Сале, пунктъ, находящійся близъ Келифа на лѣвомъ берегу Аму-Дарьи. Повелѣніе это привело меня въ полное недоумѣніе. Ходже-Сале находился по имѣющимся у меня свѣдѣніямъ на Афганской территоріи, занявъ его батальономъ, можно было съ увѣренностью ожидать, что онъ будетъ атакованъ афганцами, своевременно поддержать его туркестанскими войсками я бы не могъ, ибо ближайшіе резервы были расположены въ Самаркандѣ, т.-е. въ разстояніи болѣе 350 верстъ отъ Ходже-Сале. Можно было ожидать, что батальонъ будетъ разбитъ, что съ нашей стороны неизбѣжно бы вызвало начало общихъ военныхъ дѣйствій. Въ Средней Азіи, гдѣ населеніе крайне впечатлительно, нужно остерегаться всякихъ опрометчивыхъ дѣйствій; всякій, хотя и ничтожный неуспѣхъ можетъ подорвать наше положеніе. Основываясь на вышеизложенныхъ соображеніяхъ, я рѣшился не исполнить сообщенное мнѣ Высочайшее повелѣніе, донести обо всемъ военному министру, прося новыхъ приказаній.

Полученною мною черезъ нѣсколько дней телеграммою, занятіе Ходже-Сале Высочайше было отмѣнено. Я думаю, что въ данномъ случаѣ, моимъ рѣшительнымъ образомъ дѣйствій, я оказалъ Государю и Россіи громадную услугу.

Пользуясь услугами одного почетнаго туземца, хорошо извѣстнаго Абдурахманъ-Хану, я, съ согласія министра иностранныхъ дѣлъ, вошелъ въ секретныя сношенія съ эмиромъ Афганскимъ, съ цѣлью ему выяснить, что Русское правительство не имѣетъ противъ него никакихъ враждебныхъ замысловъ, и цѣль пограничной комиссіи установить прочную границу, обезпечивающую на будущее время сохраненіе мирныхъ и дружескихъ отношеній между Россіею и Афганистаномъ. Эмиръ

отвѣтилъ въ томъ же дружескомъ тонѣ, и нѣтъ сомнѣнія, что веденныя въ этомъ направленіи секретныя сношенія облегчили бы дѣйствія пограничной комиссіи, но тутъ неожиданно разыгрался бой при Кушкѣ, Абдурахманъ-Ханъ подумалъ, что я обманываю его, и наши сношенія прекратились.

Въ послѣднихъ числахъ декабря 1884 года я получилъ приказаніе двинуть одинъ лишній батальонъ отъ Самарканда въ Закаспійскую область для подкрѣпленія генерала Комарова. Въ прежнее время при управленіи краемъ генераломъ Кауфманомъ, каждый разъ, когда приходилось двигать русское войско черезъ Бухарское ханство, посылалось посольство къ эмиру Бухарскому, чтобы испросить его разрѣшенія на движеніе войскъ. Въ данномъ случаѣ, желая выиграть время и пользуясь авторитетомъ, который пріобрѣлъ, я поступилъ иначе. Я двинулъ 3 батальона изъ Самарканда и одновременно послалъ моего личнаго адъютанта ротмистра Шафрова въ Бухару съ порученіемъ сообщить эмиру о сдѣланномъ мною распоряженіи, и просить его оказать содѣйствіе батальону во время слѣдованія по ханству. Эмиръ исполнилъ съ точностью мою просьбу и приложилъ всякое стараніе къ удобному движенію батальона.

Благодаря вышеизложеннымъ мѣрамъ, 3 Туркестанскій батальонъ прибылъ въ Мервъ раньше, чѣмъ генералъ Комаровъ успѣлъ передвинуть собственные свои резервы къ этому пункту, и принялъ участіе въ дѣлѣ при Кушкѣ. Не будь тамъ этотъ батальонъ, сраженіе, быть можетъ, иначе бы разыгралось.

Послѣ сраженія при Кушкѣ, отношенія наши къ Англіи и Афганистану приняли самый острый характеръ. Можно было ожидать каждый день начало военныхъ дѣйствій. Составъ Туркестанскаго отряда былъ въ точности опредѣленъ, и сдѣланы всѣ предварительныя распоряженія къ движенію. Когда я осенью 1885 года представлялся Государю, по случаю пріѣзда въ Петербургъ, Его Величество сказалъ мнѣ, что было время, когда война съ Англіею казалась неизбѣжною.—Однакожь гордый Альбіонъ уступилъ, войны не было, и проведена пограничная черта, вполне выгодная для Россіи.

Лѣтомъ 1885 г. я осмотрѣлъ Чпмкентскій и Ауліятинскій уѣзды. Въ послѣднемъ было нѣсколько русскихъ поселеній, которыя я посѣтилъ. Къ сожалѣнію, вынесенное впечатлѣніе было далеко не отрадное. Большинство поселенцевъ жило въ большой бѣдности; церквей, школъ не было нигдѣ. Благодаря заботливости и толковымъ распоряженіямъ военнаго губернатора Сыръ-Дарьинской области генералъ-маіора Гродекова, за

послѣднее время состояніе поселеній улучшилось замѣтно, открыто нѣсколько школъ и въ одномъ изъ нихъ (Чалбовары) построена церковь (1889 г.).

Въ августѣ началъ я получать весьма неутѣшительныя извѣстія изъ Ферганской области. Неудовольствіе населенія, замѣченное мною при объѣздѣ въ 1884 году, начало выступать въ болѣе рѣшительной формѣ. По области стали бродить шайки человѣкъ въ 100—150, призывающихъ населеніе къ открытому возстанію противъ русскихъ властей и совершающихъ разныя безчинства. Ими были захвачены и зарѣзаны нѣсколько волостныхъ управителей, оставшіеся вѣрными русскимъ. Проѣздъ по почтовымъ дорогамъ дѣлался не безопаснымъ, мирными жителями овладѣла общая тревога. Военнымъ губернаторомъ области генераломъ Ивановымъ принимались всякія мѣры къ прекращенію беспорядковъ, направлялись летучіе отряды войскъ по разнымъ направленіямъ для поимки шаякъ и успокоенія населенія. Нѣсколько шаякъ было настигнуто, но при первыхъ встрѣчахъ онѣ разбѣжались, и появлялись вновь въ другихъ пунктахъ. Тревожное положеніе продолжалось до конца сентября, когда начальнику Андижанскаго уѣзда капитану Брянову удалось настичь одну значительную шайку человѣкъ въ 200, при чемъ нѣсколько человѣкъ было убито и человѣкъ 50 захвачено въ плѣнъ.

Главные зачинщики беспорядковъ, 21 человѣкъ, были посланы мною въ Сибирь. Спокойствіе возстановилось въ области.

Осенью же 1885 года стали до меня доходить слухи о серьезной болѣзни эмира Бухарскаго. Пользуясь командировкою въ Бухару генеральнаго штаба капитана Карцева, я приказалъ ему проѣздомъ черезъ Керминъ представиться наслѣдному принцу и передать ему, что въ случаѣ смерти отца онъ дѣйствовалъ бы рѣшительно, при чемъ можетъ разсчитывать не только на мою нравственную, но въ случаѣ надобности и фактическую поддержку. Зная, что наслѣдный принцъ окруженъ шпионами отца, я призналъ необходимымъ приказать капитану Карцеву передать слова, сообщенныя наслѣдному принцу, и эмиру. При существующихъ добрыхъ отношеніяхъ къ эмиру, мнѣ было весьма тяжело возложить подобное порученіе на капитана Карцева, но, имѣя въ виду, что послѣ смерти царствующаго эмира всегда происходили народные беспорядки, часто и рѣзныя, въ нашихъ же интересахъ было, чтобы, признанный Русскимъ Царемъ, наслѣдный принцъ вступилъ бы на престолъ безъ кровопролитія, я призналъ необходимымъ принять вышеобъясненную

мѣру, будучи увѣренъ, что она произведетъ свое дѣйствіе на сановниковъ и жителей Бухары. Выслушавъ слова, переданныя капитаномъ Карцевымъ, эмиръ сдержалъ себя съ трудомъ, ему показалось обиднымъ напоминаніе о возможности его близкой кончины, и онъ обошелся очень холодно съ моимъ посланцемъ. Но дальнѣйшее мое чрезвычайно внимательное къ нему отношеніе изгладило невыгодное впечатлѣніе, но слѣдующія же событія доказали, насколько полезна была моя предусмотрительность. Когда въ послѣднихъ числахъ октября эмиръ скончался, наслѣдный принцъ, увѣренный въ моей поддержкѣ, двинулся смѣло въ Бухару, народъ же въ Бухарѣ, зная, что въ случаѣ безпорядковъ я двину ему на помощь русскія войска, подчинился ему безпрекословно, и восшествіе на престолъ совершилось спокойно, безъ пролитія единой капли крови. Въ 1888 году, при свиданіи моемъ съ эмиромъ, онъ выразилъ мнѣ, что обязанъ мнѣ, что сдѣлался эмиромъ.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1885 года предполагалось разсмотрѣніе въ Государственномъ Совѣтѣ проекта Положенія объ управленіи Туркестанскимъ краемъ. Получивъ въ началѣ октября болѣе успокоительныя извѣстія о состояніи здоровья эмира, и признавая совершенно необходимымъ присутствовать въ Государственномъ Совѣтѣ при предстоящихъ работахъ по составленію Положенія, я испросилъ черезъ военнаго министра Высочайшее разрѣшеніе на пріѣздъ въ Петербургъ, по полученіи котораго я и выѣхалъ 22 октября изъ Ташкента. Въ ночь съ 2-го на 3 ноября, при проѣздѣ черезъ г. Иргизъ, мнѣ были доставлены телеграммы политическаго агента въ Бухарѣ камеръ-юнкера Чарыкова, а вслѣдъ за ней генерала Яфимовича, извѣщающія меня о смерти эмира Бухарскаго. Въ ожиданіи дальнѣйшихъ извѣстій, я остановился въ Иргизѣ. Проведенная въ Бухару телеграфная линія принесла неоцѣнимые плоды. Благодаря ей въ теченіе 3 ноября выяснилось вполне для меня, что нельзя было ожидать смуты въ Бухарѣ. Наслѣдный принцъ вступилъ спокойно на престолъ, порядокъ нигдѣ не былъ нарушенъ, все населеніе и войска признали его эмиромъ. 4-го ноября я выѣхалъ изъ Иргиза, продолжая путь въ Петербургъ, куда пріѣхалъ 12 ноября. Въ тотъ же день я представился военному министру. Генералъ-адъютантъ Ванновскій встрѣтилъ меня словами: „А Вы пріѣхали меня смѣнить?“ Пораженный этимъ вопросомъ, я посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ, и отвѣтилъ ему, что ничто подобное не приходило мнѣ въ голову. Впослѣдствіи я узналъ, что незадолго до моего пріѣзда въ Петер-

бургъ военный министръ былъ тяжело боленъ. Находящійся въ то время въ столицѣ М. Н. Катковъ слышалъ отъ Государя, что въ случаѣ, если генераль-адъютантъ Ванновскій долженъ будетъ за болѣзнью оставить занимаемый имъ постъ, онъ назначить меня военнымъ министромъ. Катковъ сообщилъ объ этомъ нѣкоторымъ изъ своихъ знакомыхъ, въ томъ числѣ московскому генераль-губернатору князю Долгорукому, и объ столицы заговорили о моемъ назначеніи военнымъ министромъ. Нескромностью своею Михаилъ Никифоровичъ оказалъ мнѣ дурную услугу: генераль-адъютантъ Ванновскій сталъ смотрѣть на меня, какъ на кандидата на постъ военнаго министра, и вотъ начало его непріятныхъ отношеній ко мнѣ. Во время управленія моего Туркестанскимъ краемъ, чувства эти проявлялись неоднократно, и въ настоящее время, когда я сошелъ съ политической сцены, и никакъ не могу быть ему соперникомъ, онъ все-таки, я думаю, не переборолъ свою ко мнѣ непріязнь.

Я имѣлъ неосторожность передать генераль-адъютанту графу Воронцову-Дашкову мой разговоръ съ военнымъ министромъ, тотъ сообщилъ его князю Мещерскому, и въ одинъ прекрасный день онъ появился на страницахъ „Гражданина“, что конечно не улучшило мои отношенія къ генералу Ванновскому.

13-го ноября я представился въ Гатчинѣ Государю Императору и Императрицѣ, и удостоился со стороны Ихъ Величествъ самаго милостиваго приѣма. Вслѣдъ за симъ я съ женою были приглашены, въ числѣ весьма немногихъ, на придворный спектакль въ Гатчину, и удостоились самаго милостиваго вниманія Ихъ Величествъ, что было замѣчено всѣми присутствующими.

По приѣздѣ въ Петербургъ я сдѣлалъ, по установленному обычаю, визиты всѣмъ министрамъ, которые мнѣ немедленно ихъ отплатили, за исключеніемъ генераль-адъютанта Ванновскаго, не удостоившаго меня въ теченіе нѣсколькихъ недѣль своимъ посѣщеніемъ. Образъ дѣйствій этотъ наводилъ на меня грустные размышленія. Чувство это еще усилилось, когда я узналъ, что мои замѣчанія на проектъ комиссіи графа Игнатьева объ управленіи краемъ были переданы на заключеніе графа, имъ конечно отвергнуты, и что генераль-адъютантъ Ванновскій во всемъ согласился съ мнѣніемъ предсѣдателя комиссіи. Мнѣ предстояла въ Государственномъ Совѣтѣ борьба, не только съ графомъ Игнатьевымъ, но и съ военнымъ министромъ. Убѣжденный въ правотѣ своего дѣла и правильности сдѣланныхъ мною замѣчаній, я рѣшился ихъ твердо отстаивать въ Госу-

дарственномъ Совѣтѣ, съ тѣмъ, что если самыя существенныя представленія не будутъ уважены, въ край не возвратиться. О рѣшеніи этомъ я не дѣлалъ секрета и заявлялъ его открыто. Меня возмущало въ особенности, что нѣкоторые изъ моихъ замѣчаній на проектъ Положенія были опровергнуты въ самой неприличной формѣ.

Въ представленіи своемъ въ Государственный Совѣтъ, военный министръ, между прочимъ, выражалъ свое удивленіе, что я, не выждавъ утвержденія Положенія объ управленіи краемъ, рѣшился собственною властью возстановить публичную бібліотеку и ирригаціонное управленіе въ Ферганской области. Онъ обвинялъ меня въ опрометчивости, между тѣмъ какъ вторую изъ вышеобъясненныхъ мѣръ я спасъ область отъ неминуемыхъ бѣдствій, и сохранилъ для казны сотни тысячъ рублей, которыя населеніе не въ состояніи было бы уплатить, если мною не были бы приняты рѣшительныя мѣры къ приведенію ирригаціонной системы въ благоустройство.

Къ счастью, разсмотрѣніе Положенія въ Государственномъ Совѣтѣ было отложено до начала января 1886 года, и я имѣлъ время составить при содѣйствіи завѣдывающаго моею походною канцеляріею надворнаго совѣтника Хомутова, весьма способнаго и отличпо знающаго край чиновника, новую записку, въ которой опровергались доводы графа Игнатьева, одобренные военнымъ министромъ и внесенные имъ въ Государственный Совѣтъ. Записка моя была напечатана и представлена въ большемъ числѣ экземпляровъ генералъ-адъютанту Ванновскому, съ просьбою представить ее въ Государственный Совѣтъ, для разсылки членамъ и подлежащимъ министрамъ. За нѣсколько дней до Рождества пріѣхалъ ко мнѣ, совершенно для меня неожиданно, военный министръ, одѣтый въ мундиръ. Оказалось, что онъ заѣхалъ ко мнѣ прямо послѣ доклада у Государя. „Однакожь надо же мнѣ съ Вами прійти къ какому-либо соглашенію“, сказалъ мнѣ генералъ-адъютантъ Ванновскій; „пріѣзжайте ко мнѣ сегодня вечеромъ и потолкуемте о тѣхъ статьяхъ Положенія, по которымъ расходимся въ мнѣніяхъ“. Въ тотъ же вечеръ состоялось совѣщаніе при участіи завѣдывающаго Азіатскою частью главнаго штаба генералъ-маіора Иванова, моего главнаго оппонента. Представленные мною доводы были настолько убѣдительны, что военный министръ согласился на все, отказался отъ сдѣланныхъ имъ возраженій и объявилъ, что не будетъ мнѣ возражать въ Государственномъ Совѣтѣ. Общаніе это генералъ-адъютантъ Ванновскій сдержалъ вполне. На пер-

вомъ засѣданіи Государственнаго Совѣта онъ прямо заявилъ, что отказывается отъ возраженій, сдѣланныхъ имъ на мои замѣчанія, и согласенъ со мною по всѣмъ пунктамъ. Положеніе мое замѣтно улучшилось, мнѣ предстояла борьба съ однимъ графомъ Игнатьевымъ, но простилъ ли мнѣ чистосердечно генераль-адъютантъ Ванновскій ударъ, нанесенный его самолюбію, другой вопросъ! Я думаю, что нѣтъ.

Въ половинѣ января 1886 года началось въ соединенныхъ департаментахъ Государственнаго Совѣта разсмотрѣніе проекта Положенія объ управленіи Туркестанскимъ краемъ. Всѣхъ засѣданій было двадцать, и всѣ пункты Положенія подверглись самому тщательному разсмотрѣнію. Я твердо отстаивалъ всѣ сдѣланныя мною замѣчанія, и несмотря на горячія возраженія со стороны графа Игнатьева, былъ настолько счастливъ, что всѣ безъ исключенія были приняты во вниманіе соединенными департаментами. Проектъ графа Игнатьева подвергся самымъ существеннымъ измѣненіямъ. Я готовился тщательно къ каждому засѣданію, и не мало трудовъ стоила мнѣ защита моего мнѣнія. Наиболѣе трудно было мнѣ настоять на образованіи Самаркандской области, что вызывало расходъ въ 60.000 руб., въ то время, какъ графъ Игнатьевъ предполагалъ присоединить Заравшанскій округъ къ Сыръ-Дарьинской области. Въ вопросѣ этомъ поддержали меня предсѣдатель департамента экономіи д. т. с. Абаза и министръ финансовъ Бунге. Нынѣ, когда русскіе гарнизоны стоятъ въ Чарджуѣ и Керки, которые подчинены командующему войсками Самаркандской области, особенно рельефно выразилась необходимость образованія Самаркандской области. Не буди этой области, гарнизоны въ выше названныхъ пунктахъ подчинялись бы военному губернатору Сыръ-Дарьинской области, территорія которой была бы настолько обширна, что успѣшно ею управлять было бы невысказано.

Въ виду того, что проектъ графа Игнатьева подвергся, какъ выше было сказано, самымъ существеннымъ измѣненіямъ, приложенные къ проекту Положенія штаты оказались не соответствующими. Соединенные департаменты возложили на меня составленіе проекта новыхъ штатовъ, сообразно съ постановленіями департаментовъ, при чемъ министръ финансовъ Бунге и государственной контролёръ Сольскій выразили мнѣ, что при составленіи штатовъ я долженъ имѣть въ виду, чтобы расходъ на администрацію никоимъ образомъ не превышалъ расхода

на существовавшую до того времени администрацію. Я выразилъ готовность въ точности руководствоваться этимъ указаніемъ, и мнѣ удалось дѣйствительно, несмотря на то, что вновь вводимые въ краѣ новые суды вызывали значительный расходъ, проектировать штаты, уменьшающіе расходы казны по управленію краемъ приблизительно на 20.000 руб.

Наканунѣ дня разсмотрѣнія штатовъ въ Государственномъ Совѣтѣ, заѣхалъ ко мнѣ графъ Игнатьевъ, чтобы узнать результатъ моей работы. Получивъ должное объясненіе, онъ заявилъ мнѣ, что, въ виду достигнутого мною сокращенія расходовъ, онъ согласенъ на мои штаты и возражать мнѣ не будетъ въ Государственномъ Совѣтѣ. Несмотря на это рѣшительное заявленіе, графъ Игнатьевъ въ засѣданіи Совѣта подвергъ мою работу самой строгой критикѣ и настаивалъ горячо на дальнѣйшемъ сокращеніи расхода. Остальные члены соединенныхъ департаментовъ, въ томъ числѣ и министръ финансовъ и государственный контролеръ, удовлетворенные вполнѣ тѣмъ, какъ я исполнилъ возложенное на меня порученіе, не поддерживали его.

Графъ Игнатьевъ доказывалъ въ особенности горячо бесполезность учрежденія въ Ферганской области ирригаціоннаго управленія, основываясь на томъ, что управленіе это было упразднено бывшимъ генераль-губернаторомъ генераломъ Черняевымъ.—„Одно то, что управленіе это было упразднено генераломъ Черняевымъ“, отвѣтилъ ему д. т. с. Абаза, „доказываетъ необходимость его возстановить“.

Чтобы положить конецъ бесполезнымъ преніямъ, представляющій въ соединенныхъ департаментахъ Д. Т. С. баронъ Николай обратился къ графу Игнатьеву съ слѣдующими словами: „Finissez donc, M-er le Comte. Vous voyez que tout le monde est content“. Тутъ графъ Игнатьевъ замолчалъ наконецъ; проектированные мною штаты были утверждены безъ всякаго измѣненія. Весьма задѣтый понесеннымъ имъ полнымъ пораженіемъ, графъ оставилъ засѣданіе крайне взволнованный, что однакожь не помѣшало ему весьма дружески встрѣтиться со мною черезъ нѣсколько дней, и по Высочайшемъ утвержденіи Положенія, телеграфировать мнѣ объ этомъ въ Ташкентъ, присовокупивъ, что общимъ собраніемъ Государственного Совѣта не сдѣлано никакихъ измѣненій въ проектѣ, представленномъ соединенными департаментами.

Изъ вышесказаннаго можно вывести заключеніе, что графъ Игнатьевъ не злопамятенъ.

Въ началѣ апрѣля состоялось у министра иностранныхъ дѣлъ д. т. с. Гирса особое совѣщаніе, гдѣ присутствовали военный министръ г.-а. Ванновскій, начальникъ главнаго штаба г.-а. Обручевъ, начальникъ Азіатскаго департамента т. с. Зиновьевъ и я. На обсужденіе совѣщанія былъ предложенъ вопросъ, слѣдуетъ ли въ инструкціи предсѣдателю комиссіи по афганскому разграниченію указать, чтобы онъ настоялъ на включеніе Ходже-Салыра въ наши предѣлы. По всестороннему обсужденію этого вопроса выяснилось, что пунктъ этотъ не имѣетъ для насъ значенія. Послѣ этого генераль-адъютантъ Обручевъ предложилъ рѣшить, слѣдуетъ ли присоединить Закаспійскую область къ Туркестанскому генераль-губернаторству или образовать изъ нея самостоятельную область, подчинивъ ее непосредственно военному министерству. Военный министръ, начальникъ главнаго штаба и я отстаивали горячо необходимость рѣшенія вопроса въ смыслѣ присоединенія ея къ Туркестанскому генераль-губернаторству, министръ же иностранныхъ дѣлъ, и въ особенности начальникъ Азіатскаго департамента, высказали мнѣніе, что необходимо образовать изъ нея отдѣльную область. Въ виду не послѣдовавшаго по сему предмету соглашенія, Государь Императоръ, по прочтеніи журнала совѣщанія, повелѣлъ передать этотъ вопросъ на обсужденіе комитета министровъ. Засѣданіе комитета министровъ состоялось въ 1887 году, когда меня не было въ Петербургѣ, но когда присутствовалъ начальникъ Закаспійской области г.-л. Комаровъ. Военный министръ остался при своемъ мнѣніи, всѣ же остальные министры, находившіеся, вслѣдствіе полнаго незнакомства съ положеніемъ дѣлъ въ Средней Азій, подъ вліяніемъ личнаго доклада г.-л. Комарова, высказались въ пользу образованія изъ Закаспійской области самостоятельной области. Генераль-адъютантъ Ванновскій не сдѣлалъ разногласія и Государю Императору осталось только утвердить единогласное постановленіе комитета министровъ.

Нѣтъ сомнѣнія, будь я въ Петербургѣ, не состоялось бы это роковое рѣшеніе, которое неизбежно поведетъ къ большимъ затрудненіямъ.

Въ мартѣ 1886 года военный министръ внесъ въ комитетъ министровъ мое ходатайство о проведеніи желѣзной дороги изъ Мерва черезъ Чарджуй и Бухару въ Самаркандъ. Въ комитетѣ министровъ, куда я былъ приглашенъ для представленія личныхъ объясненій, я доложилъ, что продолженіе Закаспійской желѣзной дороги до Самарканда, независимо отъ громаднаго

политическаго и экономическаго значенія для Туркестанскаго края, принесетъ несомнѣнную пользу для Государства и въ томъ смыслѣ, что уменьшить расходы казны по эксплуатаціи коренного участка Закаспійской дороги. Дорога, доведенная только до Мерва, имѣетъ значеніе исключительно стратегическое; Закаспійская область, представляющая изъ себя почти исключительно пустыню, весьма мало производительна, мѣстныхъ грузовъ почти нѣтъ, доведенная же до Самарканда она пріобрѣтетъ серьезное экономическое значеніе: по ней пойдутъ произведенія Туркестанскаго края и Средне-Азіатскихъ ханствъ; доходы возрастутъ и вмѣстѣ съ этимъ уменьшатся расходы по эксплуатаціи. Военный министръ меня поддержалъ; изъ членовъ комитета никто не возражалъ кромѣ бывшаго министра путей сообщенія генералъ-адъютанта Посьета, недовольнаго тѣмъ, что дорога строилась распоряженіемъ военнаго министерства. Постройка Самаркандскаго участка была рѣшена.

Въ день засѣданія комитета министровъ появилась въ журналѣ „Новое Время“ статья М. Г. Черняева, доказывающаго невозможность проведенія желѣзной дороги черезъ сыпучіе пески между Мервомъ и Чарджуемъ. Статья была написана въ совершенно неприличномъ тонѣ и произвела на всѣхъ министровъ непріятное впечатлѣніе.

Одинъ изъ членовъ-министровъ указалъ на эту статью. Военный министръ заявилъ, что о неприличномъ поступкѣ генерала Черняева онъ доведетъ до свѣдѣнія Государя Императора. Послѣдствіемъ сего было отчисленіе этого генерала отъ званія члена военнаго совѣта и затѣмъ увольненіе его отъ службы.

По окончаніи засѣданія подошли ко мнѣ министръ финансовъ и государственный контролеръ и заявили мнѣ, что согласились на постройку дороги только потому, что я былъ увѣренъ въ своемъ ходатайствѣ, прося о проведеніи дороги только до Самарканда: если бы я, прибавили они, просилъ бы о постройкѣ дороги до Ташкента, то они безусловно бы воспротивились продолженію Закаспійской желѣзной дороги.

Нынѣ очевидно, насколько я былъ правъ въ своемъ ходатайствѣ, и насколько оправдались мои предположенія. Туркестанскій край развивается съ изумительною быстротою; до проведенія желѣзной дороги до Самарканда, эксплуатація Закаспійской желѣзной дороги обходилась казнѣ 1 до 1¹/₂ милл. въ годъ, въ 1888 году, какъ видно изъ отчетовъ, всѣ расходы по

эксплоатаціи покрыты, и остался чистый остатокъ въ 70.000 руб.

Незадолго до моего отъѣзда изъ Петербурга, ген.-ад. Обручевъ высказалъ мнѣ, что по его мнѣнію совершенно необходимо присоединить къ Русскимъ владѣніямъ принадлежащую Бухарѣ культурную полосу по лѣвому берегу Аму-Дарьи. Я рѣшительно воспротивился этому, заявивъ, что отрѣзавъ у эмира часть его владѣній, онъ потеряетъ вѣру въ лояльность Русской политики, и дальнѣйшія съ ними сношенія сдѣлаются затруднительными, что лучше, если это признается своевременнымъ, занять все ханство. Къ этому я присовокупилъ, что если русскому правительству необходимо, что я не отвергаю, стать твердо ногою на лѣвомъ берегу Аму-Дарьи, то я нахожу возможнымъ занять, не вызывая никакихъ осложнений, бухарскіе города Чарджуй и Керки русскими гарнизонами. Послѣ продолжительнаго спора ген.-ад. Обручевъ уступилъ мнѣ. Въ началѣ 1889 года пункты эти мною были заняты съ Высочайшаго разрѣшенія.

15-го марта 1890 г.

Окончивъ всѣ дѣла въ Петербургѣ, я выѣхалъ 29 апрѣля 1886 г. обратно въ Туркестанскій край. Настроеніе мое было наилучшее, дѣла окончены въ Петербургѣ вполне успѣшно, мнѣ казалось, что, пользуясь въ полной степени довѣріемъ Государя и всѣхъ министровъ, я могу рассчитывать на полную поддержку правительства.

При пріѣздѣ въ Москву, я былъ встрѣченъ въ вокзалѣ Николаевской желѣзной дороги М. Н. Катковымъ. Михаилъ Никифоровичъ, узнавъ, что я не предполагаю остановиться въ Москвѣ, и поэтому не буду имѣть возможности навѣстить его, что обыкновенно дѣлалъ, выѣхалъ мнѣ навстрѣчу. Въ своемъ экипажѣ онъ перевезъ меня въ вокзалъ Рязанской желѣзной дороги, и тутъ я провелъ съ нимъ до отхода поѣзда въ пріятной бесѣдѣ часть времени. Онъ подтвердилъ мнѣ вновь, что его газета въ моемъ распоряженіи, и все, что я желаю, будетъ напечатано въ „Московскихъ вѣдомостяхъ“. За все время моего управленія краемъ, до самой кончины Михаила Никифоровича, я пользовался постоянно его добрымъ расположеніемъ, и неоднократно являлись въ „Московскихъ вѣдомостяхъ“ статьи, относящіяся съ большимъ сочувствіемъ къ моей дѣятельности въ Туркестанскомъ краѣ. Послѣ его смерти прекратились мои отношенія къ „Московскимъ вѣдомостямъ“.

Остальныя газеты мало интересовались Туркестанскимъ краемъ, очевидно не сочувствовали моей дѣятельности. При оставленіи мною осенью 1889 года Туркестана, ни одна газета не замолвила доброе слово обо мнѣ и не дала себѣ труда войти въ оцѣнку результата моего управленія. Вѣроятно, не будь я назначенъ членомъ военнаго совѣта, онѣ поступили бы иначе.

7-го мая я пріѣхалъ въ Казалинскъ, откуда выѣхалъ 9-го въ Петро-Александровскъ. Переѣздъ этотъ былъ сопряженъ съ громадными затрудненіями и лишеніями, на всемъ пути не было ни одной крыши, кромѣ 4-хъ станціонныхъ домовъ, построенныхъ въ 1885 году по моему распоряженію, пришлось ѣхать по совершенной пустынѣ, частью по сыпучимъ пескамъ, колдобевъ мало, вода въ нихъ мѣстами настолько неудовлетворительная, что не только не рѣшался ее пить, но даже пользоваться для мытья рукъ. Для облегченія моего путешествія администраціею было сдѣлано все возможное, тѣмъ не менѣе 5 дней, проведенные мною въ пути, останутся навсегда въ моей памяти. Каково же было положеніе несчастныхъ офицеровъ и чиновниковъ, дѣлающихъ путешествіе изъ Казалинска въ Петро-Александровскъ часто съ женами и дѣтьми, въ особенности въ то время, когда не существовали построенные въ 1885 году 4 станціонныхъ дома. На переѣздъ этотъ требовалось для нихъ 10—12 дней.

Нынѣ, съ проведеніемъ желѣзной дороги до Самарканда и открытіемъ пароходства между Петро-Александровскомъ и Чарджуемъ, Петро-Александровскъ достигается сравнительно легко, и путешественники должны вспоминать съ благодарностью меня, какъ генераль-губернатора, въ управленіе котораго построена Самаркандская желѣзная дорога, и открыто пароходство по Аму-Дарьѣ. Не менѣе удовольствія сдѣлала жителямъ Петро-Александровска построенная въ 1889 году, вслѣдствіе моихъ настойчивыхъ ходатайствъ, телеграфная линія между Чарджуемъ и Петро-Александровскомъ.

Теперь этотъ городъ не тотъ медвѣжій уголъ, коимъ я его засталъ. По истинѣ сказать, положеніе его было ужасное, и нужно удивляться чиновникамъ, рѣшившимся прежде въ немъ служить.

Въ Петро-Александровскѣ мнѣ была сдѣлана восторженная встрѣча. Войска и служащіе высоко оцѣнили мою рѣшимость пріѣхать къ нимъ, не взирая на трудность пути. Въ этомъ отношеніи они не были избалованы бывшими генераль-губернаторами. Покойный генералъ-адъютантъ Кауфманъ съ 1873 г.

(годъ взятія Хивы) по 1882 годъ не былъ ни разу въ Петро-Александровскѣ.

На другой день по прїѣздѣ я принялъ хана хивинскаго, прїѣхавшаго съ ближайшими родственниками и высшими сановниками ханства меня привѣтствовать въ Петро-Александровскѣ. Свиданіе продолжалось около часа. Ханъ просилъ, между прочимъ, моего ходатайства объ утвержденіи Государемъ Императоромъ его второго сына наследникомъ престола. Черезъ нѣсколько часовъ, послѣ отъѣзда хана, я сдѣлалъ ему отвѣтный визитъ и пригласилъ его съ родственниками и сановниками на другой день къ себѣ на обѣдъ. Обѣдъ былъ сервированъ по-европейски, и тутъ произошла очень смѣшная сцена. Когда мои гости подошли къ столу съ закусками, то одинъ изъ братьевъ хана налилъ себѣ рюмку водки; первый министр хана Мать-Мурадъ, замѣтивъ это, вырвалъ изъ рукъ принца рюмку и сунулъ ему кусокъ хлѣба. За обѣдомъ никто изъ хивинцевъ не пилъ вина, хотя, какъ мнѣ говорили, самъ ханъ большой охотникъ до шампанскаго, и у себя дома преисправно его пьетъ. Прослушавъ, по окончаніи обѣда, еще часъ музыку, мои гости уѣхали, вполнѣ довольные оказаннымъ имъ прїемомъ, и простившись со мною самымъ сердечнымъ образомъ. Ханъ произвелъ на меня благопріятное впечатлѣніе, онъ человѣкъ еще молодой, полный силъ и не лишенный природнаго ума, держалъ онъ себя все время съ большимъ тактомъ. Но какъ большинство правителей на востокѣ, онъ входитъ мало въ дѣла ханства, предоставивъ управленіе имъ первому министру Мать-Мурату. Сей сановникъ, отличаясь жадностью, обираетъ подданныхъ хана самымъ ужаснымъ образомъ. Обстоятельство это заставило меня, при прощаніи, сказать ему, что желаніе Императора Всероссийскаго, чтобы хивинцы, находясь подъ высокимъ его покровительствомъ, жили бы счастливо и въ полномъ благополучіи. Мать-Муратъ, какъ полагать надо, понялъ этотъ намекъ; по заявленію начальника Аму-Дарьинскаго отдѣла ген.-маіора Гротенгельма, онъ сталъ, послѣ свиданія со мною, болѣе умѣренъ въ своихъ вымогательствахъ.

Въ 1888 году ханъ хивинскій отмѣнилъ въ ханствѣ пытки въ память чудеснаго спасенія 17 октября Царской семьи отъ грозившей опасности.

Сдѣлавъ это распоряженіе, ханъ просилъ меня объ этомъ довести до свѣдѣнія Государя Императора, что мною и было исполнено 26 февраля 1889 года въ день рожденія Его Величества.

Осмотрѣвъ во всей подробности войска и учрежденія, указавъ мѣсто для постройки храма и городского училища, на что мною были исходатайствованы необходимыя средства, я выѣхалъ 19-го мая изъ Петро-Александровска, направляясь черезъ Казалинскъ въ Ташкентъ, куда пріѣхалъ 31-го мая. На пути остановился только въ Чемкентѣ, чтобы присутствовать при освященіи вновь построенной церкви. Все лѣто 1886 года я провелъ безвыѣздно въ Ташкентѣ. Необходимо было усердно заняться всѣми приготовительными распоряженіями къ введенію въ краѣ новаго Положенія объ его управленіи. Желая лично выяснитъ военнымъ губернаторамъ это Положеніе и разъяснитъ имъ то, что могло показаться темнымъ и непонятнымъ, я ихъ всѣхъ вызвалъ въ Ташкентъ и прошелъ съ ними вмѣстѣ Положеніе. Вмѣстѣ съ этимъ мною было сдѣлано распоряженіе о переводѣ Положенія на сартовскій языкъ, для чего была составлена особая комиссія изъ компетентныхъ лицъ; было приступлено къ составленію разныхъ инструкцій въ дополненіе къ Высочайше утвержденному Положенію. Всѣ эти работы были окончены въ теченіе двухъ лѣтъ, и въ 1888 году, когда я вновь выѣхалъ въ Петербургъ, Положеніе было введено въ краѣ въ полномъ его объемѣ. Благодаря знанію и усердію ближайшихъ моихъ помощниковъ, умѣлости военныхъ губернаторовъ и начальниковъ уѣздовъ, быть можетъ, и личному моему вниманію къ этому важному дѣлу, новый законъ былъ введенъ въ краѣ вполне спокойно, и введеніе его не вызвало нигдѣ какихъ-либо недоразумѣній или смутъ. Лично я, какъ генераль-губернаторъ, потерялъ много изъ принадлежащихъ мнѣ прежде правъ, и я я думаю, что моя дѣятельность въ краѣ не была настолько плодотворна, какъ до введенія Положенія; но въ общемъ нельзя отрицать, что управленіе приняло большую устойчивость, и новый законъ принесетъ несомнѣнную пользу, въ особенности при назначеніи новаго генераль-губернатора.

Къ сожалѣнію, только всѣ послѣдующія разъясненія министровъ, неизбежныя при введеніи всякаго новаго закона, были направлены къ тому, чтобы съузить власть генераль-губернатора, въ особенности по хозяйственнымъ операціямъ. Стремленіе умалить значеніе мѣстной власти, вредное всюду, въ особенности пагубное для окраинъ.

Рядомъ съ этимъ, крайняя медленность въ разрѣшеніи самыхъ неотложныхъ представленій, желаніе все заирать въ свои руки, при полномъ незнаніи мѣстныхъ условій. Все это, вмѣстѣ взятое, дѣлаетъ для человѣка, желающаго принести дѣйстви-

тельную пользу, крайне труднымъ и непривлекательнымъ занимать постъ главнаго начальника окраины. Могу по совѣсти сказать, что мое почти пестилѣтнее управленіе краемъ было непрерывная борьба съ Петербургомъ. Въ справедливости этого убѣдятся всякій, знакомый съ дѣлами генераль-губернаторской канцеляріи окружнаго штаба. По опыту могу сказать, что личными объясненіями съ министрами можно многого добиться; дѣлать же по серьезнымъ вопросамъ письменныя представленія совершенно бесполезно. Министры настолько обременены занятіями, что не имѣютъ возможности серьезно вникать въ дѣла, все зависитъ отъ начальниковъ отдѣленій и столоначальниковъ. По моему глубокому убѣжденію, Россію губить излишняя централизація; она такъ велика, мѣстныя условія настолько различны, что Петербургу невозможно входить во всѣ мелочи управленія. Нужно быть крайне осмотрительнымъ при назначеніяхъ на высшіе государственныя посты, но рядомъ съ этимъ должно быть оказываемо постоянное имъ довѣріе и расширена ихъ власть. Въ особенности это необходимо на окраинахъ.

Во второй половинѣ 1886 года были открыты областныя суды и военно-окружной судъ. Реформа эта была благотѣльная. До открытія названныхъ судовъ, функционировали судныя отдѣленія при областныхъ правленіяхъ и военно-судныя комиссіи. Въ тѣхъ и другихъ дѣла шли медленно и рѣшались часто неправильно въ виду отсутствія въ нихъ юридически подготовленныхъ лицъ. Дѣла, рѣшенныя въ военно-судныхъ комиссіяхъ, представлялись на конфирмацію командующаго войсками. Въ числѣ подобныхъ встрѣчались возникшія 5—6, иногда 10 лѣтъ тому назадъ. Къ сожалѣнію, министерство юстиціи не отнеслось съ должнымъ вниманіемъ къ выбору лицъ на должности председателей областныхъ судовъ; двое изъ нихъ были смѣщены черезъ годъ. Составъ прокуроровъ былъ несравненно лучше; всѣ они состоятъ на своихъ мѣстахъ по сіе время, въ особенности выдавался по отличному знанію дѣла и прекраснымъ нравственнымъ качествамъ прокуроръ ташкентскаго суда М. М. Шарыгинъ.

Къ концу 1886 года относится открытіе мною 22 русскихъ школъ для туземцевъ и учрежденіе при нихъ курса изученія русскаго языка для взрослыхъ. Одною изъ первыхъ моихъ мѣръ, по прибытіи въ 1884 году въ край, было введеніе обученія въ учительской семинаріи сартовскаго и персидскаго языковъ. Для этого я воспользовался отличнымъ знаніемъ этихъ языковъ одного русскаго, бывшаго офицера, г-на Наливкина, про-

ведшаго для изученія сартовскаго языка нѣсколько лѣтъ въ сартовскомъ киплакѣ, а затѣмъ отлично теоретически изучившаго персидскій языкъ и превосходно знакомаго съ обычаями туземцевъ. Этого молодого, вполне развитаго и образованнаго человѣка я назначилъ учителемъ мѣстныхъ нарѣчій въ учительскую семинарію, и ему удалось въ теченіе двухъ лѣтъ настолько хорошо подготовить учениковъ старшихъ классовъ семинаріи, что я могъ назначить ихъ учителями во вновь открываемыя школы для туземцевъ.

Вначалѣ многіе отнеслись скептически къ этимъ школамъ, предсказывая неизбѣжный неуспѣхъ; нынѣ же, когда школы существуютъ уже 4 года, можно съ увѣренностью сказать, что ожиданія мои оправдались вполне. Благодаря несложности программъ, хорошему подбору учителей, вниманію къ нимъ со стороны высшаго начальства, наконецъ сознанный многими сартами и киргизами полезности изученія русскаго языка, школы исправно посѣщаются, и русскій языкъ распространяется по краю. Въ особенности успѣшно идутъ школы въ большихъ торговыхъ центрахъ. Вначалѣ мусульманское духовенство дѣлало попытки къ дискредитированію школъ въ глазахъ населенія и распространяло разные нелѣпыя про нихъ слухи, но благодаря постоянному вниманію русскихъ властей, вполне понимающихъ значеніе этихъ школъ, удалось остановить броженіе и возстановить къ нимъ довѣріе родителей дѣтей, обучающихся въ нихъ.

Желая по возможности содѣйствовать распространенію русскаго языка въ населеніи, я вмѣстѣ съ этимъ требовалъ отъ чиновъ русской администраціи, имѣющей непосредственныя сношенія съ туземцами, изученія туземныхъ нарѣчій. Въ этомъ отношеніи мною были достигнуты довольно удовлетворительные результаты; въ концѣ моего управленія краемъ большинство служащихъ въ уѣздныхъ администраціяхъ знало языки настолько, что могло понять туземцевъ безъ переводчиковъ. Этому успѣху содѣйствовали въ нѣкоторой степени открытые мною въ областныхъ городахъ курсы для изученія сартовскаго языка. Въ особенности успѣшно они шли въ Ташкентѣ подъ руководствомъ г-на Наливкина.

Въ концѣ 1883 года была учреждена въ Ташкентѣ амбулаторная лѣчебница для туземныхъ женщинъ и дѣтей. Сознывая полезность этой мѣры въ особенности въ политическомъ отношеніи, я вызвалъ нѣсколько женщинъ-врачей изъ Европейской Россіи и открылъ въ теченіе моего управленія краемъ еще пять лѣчебницъ въ городахъ: Самаркандѣ, Ходжентѣ, Кокандѣ, Анди-

жанѣ и Намаганѣ. Лѣчебницы эти содержатся на городскія средства и ничего не стоятъ казнѣ. Населеніемъ онѣ были встрѣчены съ большимъ сочувствіемъ, въ чемъ я лично убѣдился при посѣщеніи Самарканда въ первый разъ по открытіи лѣчебницъ. Подѣлывая къ ней, я былъ встрѣченъ массою населенія, выразившей мнѣ горячую благодарность за открытіе лѣчебницы. На крышахъ близъ лежащихъ домовъ стояла толпа женщинъ, открывшихъ при моемъ появленіи свои лица, и желавшихъ этимъ способомъ заявить о воодушевляющихъ ихъ чувствахъ признательности.

Не такъ отнеслись въ Петербургѣ къ этому мѣропріятію. Туркестанскій военно-медицинскій инспекторъ т. с. Суворовъ получилъ отъ главнаго медицинскаго инспектора запросъ, на основаніи какого закона открываются женскія лѣчебницы въ Туркестанскомъ краѣ. Къ счастью туркестанскому генералъ-губернатору предоставлены по богоугоднымъ заведеніямъ, содержимымъ на городскія суммы, права министра внутреннихъ дѣлъ. На существованіе этого закона было указано г-ну Рертуру, и онъ замолчалъ.

Сознавая, что мы станемъ въ Средней Азіи твердою ногою только тогда, когда въ ней усилятся русское населеніе, я обратилъ особое вниманіе на развитіе въ Туркестанѣ русскихъ поселеній. Въ этомъ дѣлѣ я встрѣтилъ горячее сочувствіе и содѣйствіе въ лицѣ военнаго губернатора Сыръ-Дарьинской области генералъ-маіора Гродекова. Несмотря на всю трудность и скудность отпускаемыхъ отъ казны средствъ, устройство русскихъ поселеній двинулось за время моего управленія краемъ быстро впередъ. Заставъ при пріѣздѣ не болѣе 100 дворовъ, я оставилъ 20 поселеній съ 1.500 дворами. Въ многихъ изъ нихъ открыты школы для дѣтей и въ двухъ построены церкви. Пользуясь предоставленнымъ мнѣ правомъ, я, не взирая на всѣ настоянія вѣдомства финансовъ, строго воспретилъ открытіе въ нихъ питейныхъ заведеній, и благодаря этому быстро растетъ благосостояніе поселенцевъ. Поселенія обстраиваются, разводятся сады, количество запашекъ увеличивается. Въ 1889 году я имѣлъ радость узнать, что въ Троицкомъ поселкѣ (40 верстъ отъ Ташкента), основанномъ въ 1886 году, поселенцы заработали приблизительно по 300 руб. на дворъ. Столь значительный заработокъ конечно дастъ имъ возможность завести вполне исправное хозяйство. При оставленіи мною края оставалось въ распоряженіи администраціи свободной земли для надѣла 2.000

семей. Дай Богъ, чтобы столь успѣшно начатое дѣло велось и впредь съ тою же энергіею и умѣlostью.

Особое вниманіе мною было обращено на приведеніе въ благоустройство ирригаціонной системы въ Ферганской области. Въ видахъ сего мною были командированы всѣ находящіеся въ моемъ распоряженіи техники-иригаторы въ эту область; по выработкѣ ими проекта необходимыхъ исправленій, было приступлено съ 1887 года къ этимъ работамъ, и въ 1889 году я имѣлъ утѣшеніе видѣть ирригаціонную систему, приведенную въ должный порядокъ. На эти работы израсходовано за время моего управленія краемъ до 150.000 руб. Не легко было выдѣлать столь значительную сумму изъ земскаго кредита.

Значительные расходы были сдѣланы также на приведеніе въ порядокъ дорогъ въ краѣ. Въ этомъ отношеніи былъ достигнутъ довольно удовлетворительный результатъ.

Большинство казармъ и помѣщеній для госпиталей и лазаретовъ было, при моемъ прибытіи въ край, въ самомъ жалкомъ состояніи. Я исходатайствовалъ ежегодный отпускъ, по инженерной смѣтѣ, вмѣсто прежде отпускаемыхъ 200.000 руб.—триста тысячъ руб. Деньги эти расходовались за время моего командованія войсками исключительно на постройку казармъ и врачебныхъ учрежденій, и при моемъ отъѣздѣ изъ края большинство войскъ было прекрасно размѣщено. Къ сожалѣнію, въ настоящее время, какъ дошло до моего свѣдѣнія, начали строить на эти деньги и помѣщенія для служащихъ, что противорѣчитъ прямому назначенію отпускаемыхъ суммъ, и вслѣдствіе чего конечно замедлится постройка еще не достающихъ казармъ для войскъ.

Въ 1884 году не было ни одного вполнѣ благоустроеннаго военного собранія, кромѣ маргеланскаго. Въ настоящее время они всѣ въ прекрасномъ состояніи. Ташкентское, я полагаю, одно изъ лучшихъ во всей Россіи.

Въ 1887 году состоялось Высочайшее повелѣніе о постройкѣ желѣзной дороги изъ Чарджуя въ Самаркандъ: постройка дороги была возложена, согласно моему ходатайству, на генерал-лейтенанта М. Н. Анненкова; военный министръ согласился поручить постройку Самаркандскаго участка желѣзной дороги генералу Анненкову только при условіи, если я соглашусь взять на себя наблюденіе за постройкой. Мнѣ было повелѣно заключить съ эмиромъ Бухарскимъ конвенцію относительно проведенія желѣзной дороги черезъ ханство. При существующихъ добрыхъ отношеніяхъ съ бухарскимъ правительствомъ, заклю-

ченіе конвенціи не представляло затрудненій, но вся трудность задачи заключалась въ принятіи мѣръ, чтобы мѣстное населеніе, руководимое фанатичнымъ духовенствомъ, не препятствовало бы постройкѣ. Прежде всего необходимо было избрать лицо, которое, состоя при постройкѣ, имѣло бы наблюденіе, чтобы туземцы получали за отчуждаемую подъ дорогу землю справедливое вознагражденіе. Выборъ мой палъ на инженера подполковника Пославскаго, который, снабженный мною весьма детальною по сему предмету инструкціею, выполнилъ съ полнымъ успѣхомъ возложенное на него порученіе. Рядомъ съ этимъ приходилось за все время постройки зорко наблюдать за настроеніемъ туземнаго населенія, которое въ началѣ работъ весьма враждебно къ нимъ относилось. Были лица, даже занимающія крупное служебное положеніе въ ханствѣ, которыя возбуждали населеніе къ безпорядкамъ. Въ виду сего, я съ Высочайшаго разрѣшенія, приготовилъ въ Самаркандѣ небольшой отрядъ (1 батальонъ, 8 орудій, 2 сотни казаковъ), готовый во всякую минуту къ выступленію въ Бухару. Приготовленія эти я дѣлалъ открыто, предупреждая бухарское правительство, что при возникновеніи малѣйшаго безпорядка я займу безотлагательно ханство.

Рядомъ съ этимъ я старался нравственно вліять на населеніе, разъясняя бухарцамъ, съ коими имѣлъ личныя сношенія, какія выгоды населеніе извлечетъ отъ постройки желѣзной дороги. Совокупность всѣхъ этихъ мѣръ дала наилучшіе результаты; во все время постройки нигдѣ не произошло безпорядковъ. Я могу съ гордостью вспоминать это время; подъ моимъ руководствомъ была спокойно, не вызывая никакихъ осложнений, построена желѣзная дорога въ чужихъ владѣніяхъ; и гдѣ жь въ Бухарскомъ ханствѣ, считающемся центромъ мусульманскаго фанатизма!

Я забылъ упомянуть, что въ началѣ 1887 года, до постройки Самаркандскаго участка Закаспійской желѣзной дороги, мною были поставлены съ Высочайшаго разрѣшенія русскіе гарнизоны въ бухарскихъ городахъ Чарджуѣ и Керки. Занятіе этихъ пунктовъ, въ особенности Карки, имѣло громадное политическое значеніе. Благодаря этому распоряженію, мы стали твердою ногою на лѣвомъ берегу Аму-Дарьи, охватили желѣзнымъ кольцомъ Бухарское ханство; въ случаѣ могущихъ произойти когда-либо военныхъ дѣйствій, не будемъ имѣть надобности въ форсированіи переправы черезъ Аму-Дарью, операціи весьма трудной; прорубили, такъ сказать, окно въ Афганскій Туркестанъ, который можемъ занять изъ Керки въ нѣсколько дней, находясь

въ 6—7 переходахъ отъ Мазаръ-Шерифа. Занятіе Чарджуя русскими войсками не представляло затрудненія, но нельзя того же сказать относительно Керки. Для занятія этого города пришлось нашему отряду двигаться на разстояніи около 200 верстъ по землѣ эргаринцевъ, весьма воинственнаго туркменскаго племени, признававшего въ слабой степени власть эмира Бухарскаго. Наконецъ движеніе это могло вызвать смуту на Афганской границѣ, находящейся въ 15 верстахъ отъ Керки. Вслѣдствіе внезапности движенія и нахождения въ то время Абдурахмана, занятаго прекращеніемъ возмущенія гильзацевъ, въ южномъ Афганистанѣ, занятіе Керки совершилось спокойно и не вызвало никакихъ политическихъ осложненій. Благодаря разумнымъ распоряженіямъ начальника гарнизона полковника Шорохова, установились въ скоромъ времени вполне дружескія отношенія между русскими и туземцами.

Несмотря на всю важность занятія нами Керки, русская пресса почти не обратила вниманія на этотъ фактъ. Но нельзя же того сказать относительно иностранной литературы; имѣя въ своей главѣ профессора Вамбери, дѣйствительнаго знатока Средней Азіи, она вся затрубила тревогу и указывала англичанамъ на громадное значеніе завладѣнія русскими Керки.

На начальниковъ Чарджуйскаго и Керкинскаго гарнизоновъ, полковниковъ Казанцева и Шорохова мною были возложены обязанности военныхъ начальниковъ и начальниковъ уѣздовъ. Въ данной имъ мною и впослѣдствіи военнымъ министромъ утвержденной инструкціи, на нихъ была возложена обязанность заняться устройствомъ въ этихъ пунктахъ, на отчужденной русскому правительству землѣ, городовъ, поддерживать въ войскахъ строгій порядокъ и дисциплину, при чемъ воздерживаться отъ всякаго вмѣшательства въ администрацію бухарскаго правительства. Независимо отъ этого полковникъ Шороховъ былъ мною снабженъ политической инструкціей, указывающей ему образъ дѣйствій относительно афганскаго правительства и къ афганскому пограничному населенію.

Цѣли, намѣченныя въ этихъ инструкціяхъ, нынѣ вполне достигнуты. Въ Чарджуѣ и Керки построены казармы, возникли благоустроенныя русскія поселенія, разбиты улицы, насажены сады, въ первомъ изъ этихъ пунктовъ построена хорошенькая церковь. Съ бухарцами и афганцами установились вполне дружескія сношенія, происходитъ оживленный обмѣнъ товаровъ, который принимаетъ съ каждымъ днемъ все большій и большій размѣръ. Русскія мануфактурныя произведенія и сахаръ стали

проникать въ значительномъ количествѣ въ Мазаръ-Шерифъ. Между Чарджуемъ и Карки проложена эмиромъ бухарскимъ прекрасная колесная дорога, я полагаю, лучшая во всемъ ханствѣ.

Все это достигнуто безъ всякаго расхода для русскаго правительства, за исключеніемъ постройки казармъ.

Въ августѣ 1887 года пріѣхалъ въ Ташкентъ строитель Самаркандскаго участка Закаспійской желѣзной дороги, генераль-лейтенантъ Анненковъ для доклада мнѣ своихъ соображеній по постройкѣ дороги, испрошенія моего утвержденія нѣкоторыхъ предположеній, а главное чтобы испросить мое разрѣшеніе на постройку моста черезъ Аму-Дарью. Въ Высочайше утвержденной расцѣпной вѣдомости, постройка моста не была предусмтрѣна, а предполагалось устроить перевозку грузовъ на судахъ. По ближайшему разсмотрѣнію, генераль Анненковъ пришелъ къ убѣжденію, что перевозка грузовъ, необходимыхъ для постройки дороги, вѣсомъ свыше 4-хъ милліоновъ пудовъ, на судахъ, потребуеъ чрезвычайно продолжительное время, которое вслѣдствіе трудности переправы даже приблизительно опредѣлить невозможно, для быстрого же окончанія постройки дороги является совершенно необходимымъ построить мостъ черезъ Аму-Дарью. При этомъ генераль Анненковъ доложилъ, что инженеръ Балинскій вызвался построить временный деревянный мостъ на деньги, ассигнованныя по расцѣпной вѣдомости на перевозку грузовъ, потребныхъ для постройки дороги, и укрѣпленіе береговъ Аму-Дарьи, всего 300 тысячъ руб. По окончаніи постройки желѣзной дороги мостъ долженъ былъ поступить въ собственность казны.

Сознавая съ одной стороны всю заманчивость предложенія, съ другой тяжкую отвѣтственность, которую я беру на себя, разрѣшая постройку моста, не предусмтрѣнную Высочайше утвержденною расцѣпною вѣдомостью, я находился въ большомъ затрудненіи. Разсмотрѣнный находящимися въ моемъ веденіи техниками инженеръ генераль-маіоромъ Зигернъ-Корномъ, инженеромъ путей сообщеній Петровымъ и нѣсколькими другими военными инженерами, проектъ моста былъ ими одобренъ за сдѣланными незначительными исправленіями, и по мнѣнію ихъ постройка его была осуществима.

Я могъ конечно испросить черезъ Государственный Совѣтъ Высочайшее разрѣшеніе на постройку моста, но путь этотъ представлялъ мало шансовъ на успѣхъ. Нельзя было ожидать, чтобы подлежащіе министры, находясь подъ вліяніемъ заявленія извѣст-

наго инженера генералъ-лейтенанта Паукера, отрицавшаго возможность постройки моста черезъ Аму-Дарью, согласились бы на утверждение проекта инженера Балинскаго. Во всякомъ случаѣ дѣло это требовало немедленнаго рѣшенія; необходимо было, или безотлагательно построить мостъ, или приступить къ перевозкѣ желѣзнодорожныхъ грузовъ на судахъ. Во второмъ случаѣ, даже въ случаѣ утверженія проекта, не было бы необходимыхъ суммъ на осуществленіе постройки моста, такъ какъ часть денегъ, ассигнованныхъ на перевозку грузовъ, уже была бы израсходована.

Послѣ трехдневныхъ размышленій я рѣшился разрѣшить постройку моста при слѣдующемъ видоизмѣненіи предположенія генерала Анненкова: Я разрѣшилъ заключить контрактъ съ инженеромъ Балинскимъ на перевозку имъ всѣхъ желѣзнодорожныхъ грузовъ черезъ Аму-Дарью посредствомъ моста, за 300.000 руб., при чемъ мостъ по окончаніи перевозки долженъ былъ поступить въ пользу казны. Г-нъ Балинскій былъ человѣкъ состоятельный, и вопросъ, рѣшенный въ вышеуказанномъ смыслѣ, гарантировалъ казнѣ, въ случаѣ, если постройка моста бы не удалась, по крайней мѣрѣ перевозку грузовъ, безъ испрошенія новаго кредита.

О сдѣланномъ мною распоряженіи я увѣдомилъ военнаго министра, который мнѣ отвѣтилъ, что удивляется моей рѣшимости, и возлагаетъ, въ случаѣ неуспѣха, всю отвѣтственность на меня.

По полученіи отъ меня разрѣшенія, было немедленно приступлено къ сооруженію моста. Благодаря необычайной энергіи и распорядительности генерала Анненкова и инженера Балинскаго, постройка была окончена съ невѣроятною быстротою: 6 января 1888 г., т.-е. черезъ 4 мѣсяца, двинулся по мосту черезъ Аму-Дарью желѣзнодорожный поѣздъ. Мостъ стоитъ по сіе время; хотя онъ и требуетъ ежегодно починокъ на нѣсколько тысячъ рублей, тѣмъ не менѣе, оказываемыя имъ услуги неоцѣнимы. Періоды, когда временно приостанавливалось по немъ движеніе и приходилось перевозить грузъ на судахъ, доказали съ очевидностью, насколько затруднительна и какіе громадные расходы вызываетъ перевозка грузовъ на судахъ. Можно сказать съ полною увѣренностью, что, не будь моста, желѣзная дорога оказалась бы почти бесполезною.

По окончаніи постройки моста, было немедленно приступлено къ проведенію желѣзной дороги; благодаря безостановочному привозу желѣзнодорожныхъ грузовъ и чрезвычайной рас-

порядительности генерала Анненкова, она была доведена 15-го мая 1888 г. до Самарканда, и въ этотъ день разрѣшено мною временное пассажирское и товарное движеніе по вновь построенному Самаркандскому участку. Быстрая постройка этого участка принесла правительству неоцѣнимыя выгоды. При бывшихъ въ концѣ 1888 и въ началѣ 1889 года смутахъ въ Афганскомъ Туркестанѣ и проявленіи враждебныхъ замысловъ со стороны Абдурахманъ-Хана, существованіе желѣзной дороги имѣло для насъ громадное значеніе, давая возможность быстро передвигать войска и перевозить военные грузы и провіантъ изъ Самарканда на Аму-Дарью. Независимо отъ этого были весьма существенныя финансовыя выгоды, достигнутыя благодаря быстрой постройкѣ Самаркандскаго участка. До сооруженія его, казнѣ приходилось доплачивать ежегодно около 1—1½ милліона рублей по эксплуатаціи Закаспійской желѣзной дороги; нынѣ, когда благодаря этому участку, всѣ произведенія Туркестана и Бухары перевозятся по ней, не только покрываются всѣ расходы по эксплуатаціи, но даже оказывается чистая прибыль, достигшая въ 1889 году цифры въ 70.000 руб. Нѣтъ сомнѣнія, что съ каждымъ годомъ доходъ будетъ увеличиваться.

Эти блистательные результаты достигнуты главное благодаря Аму-Дарьинскому мосту; не будь его, я увѣренъ, дорога по сіе время не была бы доведена до Самарканда (1890 г.).

Какъ же отнеслось правительство къ моей рѣшимости взять на себя громадную отвѣтственность разрѣшить постройку моста? По пріѣздѣ моемъ осенью 1888 года въ Петербургъ, не только никто мнѣ не выразилъ на это одобреніе, но даже не было рѣчи объ Аму-Дарьинскомъ мостѣ!! Скажутъ, слава Богу, что не объявили еще выговоръ за превышеніе власти.

Открытіе Самаркандскаго участка Закаспійской желѣзной дороги мною было назначено на 15 мая 1888 г. Къ этому дню ожидался въ Самаркандъ вице-президентъ Императорскаго Географическаго Общества сенаторъ П. П. Семеновъ и много иностранцевъ, изъявившихъ желаніе присутствовать на этомъ торжествѣ и приглашенныхъ генераломъ Анненковымъ. Въ числѣ иностранцевъ, желающихъ быть на открытіи дороги, былъ и профессоръ Вамбери. Не взирая на мое ходатайство, высшее правительство рѣшительно воспротивилось его пріѣзду, находя, что такому руссофобу не можетъ быть разрѣшенъ доступъ въ наши Средне-Азіатскія владѣнія. Я очень сожалѣлъ объ этомъ рѣшеніи. Я былъ убѣжденъ, что г. Вамбери, посѣтившій много лѣтъ тому назадъ Бухару, былъ бы пораженъ

громадными культурными успѣхами, достигнутыми русскими въ последнее время въ Средней Азіи, и измѣнилъ бы совершенно свое мнѣніе о русской политикѣ. Считая его за человека безусловно честнаго, я увѣренъ, что онъ не скрылъ бы вынесенныя имъ впечатлѣнія, и статьи его, которымъ нельзя было бы не вѣрить, обратили бы на себя общее вниманіе всего образованнаго міра.

10 мая я выѣхалъ изъ Ташкента и прибылъ 11-го въ Самаркандъ, гдѣ былъ встрѣченъ многочисленнымъ бухарскимъ посольствомъ, командированнымъ эмиромъ для присутствованія при открытіи желѣзной дороги. 12, 13 и 14-го числа прошли въ приготовленіяхъ къ ожидаемому торжеству, и 15-го утромъ я выѣхалъ навстрѣчу желѣзнодорожному поѣзду, на которомъ и пріѣхалъ около 12 часовъ въ Самаркандъ, въ сопровожденіи генерала Анненкова, почетныхъ гостей и желѣзнодорожнаго баталіона. Открытіе было обставлено самымъ торжественнымъ образомъ. На площади у вокзала были построены всѣ войска Самаркандскаго гарнизона, тутъ же находилась многочисленная русская публика и масса туземцевъ. По окончаніи молебствія, подходили къ генералу Анненкову, съ моего разрѣшенія, разныя депутаціи отъ городовъ Туркестанскаго края и отъ ученыхъ обществъ, подносявшихъ ему адреса съ поздравленіями съ совершеннымъ имъ великимъ подвигомъ, проведенія желѣзной дороги въ глубь Средней Азіи по сыпучимъ пескамъ. Послѣ прохожденія войскъ церемоніальнымъ маршемъ, чѣмъ окончилось торжество, избранная публика, въ числѣ свыше 300 лицъ, собралась у меня къ завтраку, который былъ сервированъ въ прелестномъ садѣ, при домѣ военнаго губернатора Самаркандской области. Настроеніе всѣхъ было самое радостное, и завтракъ удался вполнѣ.

Вечеромъ былъ блистательно иллюминированъ ригестанъ въ туземномъ Самаркандѣ. На обширной его площади давались туземцами народныя представленія, весьма оригинальныя, и очень заинтересовавшія лицъ, не видавшихъ таковыхъ. Видъ иллюминированнаго ригестана былъ великолѣпенъ и произвелъ на всѣхъ присутствующихъ сильное впечатлѣніе. Въ особенности громко выражалъ свой восторгъ зять Анненкова, графъ Вогюе (нынѣ членъ французской академіи наукъ); онъ утверждалъ, что во всю жизнь не видѣлъ подобнаго великолѣпнаго зрѣлища.

День окончился вечеромъ у меня.

Для осмотра Самаркандскаго участка Закаспійской желѣз-

ной дороги, я предполагалъ ѣхать изъ Самарканда въ Чарджуй. Такимъ образомъ мнѣ предстоялъ проѣздъ черезъ Бухарское ханство. Еще до открытія желѣзной дороги мною было возложено на политическаго агента въ Бухарѣ, камеръ-юнкера Чарыкова войти въ соглашеніе съ Бухарскимъ правительствомъ относительно почестей, которыя мнѣ должны были быть оказаны при проѣздѣ черезъ ханство. Вопросъ этотъ имѣлъ первенствующее значеніе, къ тому же программа встрѣчи должна была быть выработана, ибо я былъ первый генераль-губернаторъ, являющійся въ предѣлахъ ханства. Бухарское правительство изъявило полную готовность обставить мой проѣздъ самымъ торжественнымъ образомъ и оказать мнѣ всевозможныя почести, только вопросъ, какимъ образомъ устроить мое свиданіе съ эмиромъ, вызвалъ затрудненіе. Эмиръ желалъ, чтобы я первый ему сдѣлалъ визитъ въ его загородномъ дворцѣ близъ Бухары, я же съ своей стороны признавалъ необходимымъ, чтобы онъ встрѣтилъ меня на желѣзнодорожной станціи. Вопросу этому я придавалъ большое значеніе. Встрѣчая на желѣзной дорогѣ, эмиръ объявилъ бы себя покорнымъ вассаломъ Россіи. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ, какъ мнѣ донесъ Чарыковъ, эмиръ изъявилъ согласіе исполнить мое желаніе, поставивъ только условіемъ, чтобы встрѣча произошла не на станціи „Бухара“, а на станціи „Кермине“.

За два дня до моего выѣзда изъ Самарканда, глава бухарскаго посольства, находящагося въ Самаркандѣ, одинъ изъ ближайшихъ совѣтниковъ эмира, Дурбанъ-Даванъ-Беги испросилъ у меня особую аудіенцію. Тутъ онъ мнѣ заявилъ, что эмиръ, по чувствамъ искренней ко мнѣ дружбы и благодарности, былъ бы съ радостью готовъ меня встрѣтить на желѣзнодорожной станціи, но, опасаясь, что поступокъ этотъ могъ бы подорвать его престижъ въ главѣ его подданныхъ, просить меня отказаться отъ моего требованія. Я отвѣтилъ ему, что, какъ на предстоящее свиданіе обращено вниманіе 3 милліоновъ подданныхъ эмира, такое же число мусульманъ, подданныхъ Бѣлаго Царя, смотрятъ на меня; что гостепріимство требуетъ, чтобы хозяинъ встрѣтилъ своего гостя, что послѣ свиданія на желѣзной дорогѣ, я поѣду немедленно въ Кермине отдать визитъ эмиру, и что я поѣду, желая показать передъ населеніемъ полное мое уваженіе къ эмиру, къ нему верхомъ и въ парадной формѣ, что наконецъ, если свиданіе вовсе бы не состоялось, это гораздо болѣе подорвало бы положеніе эмира въ глазахъ его подданныхъ.

Посланецъ сказалъ мнѣ, что обо всемъ слышанномъ лично отъ меня онъ немедленно донесетъ эмиру, и что тотъ несомнѣнно меня встрѣтитъ на Керминенской станціи желѣзной дороги.

19-го мая я выѣхалъ черезъ Катте-Курганъ въ Кермине. Меня сопровождали: начальникъ штаба, управляющій канцелярією, начальникъ инженеръ, политическій агентъ въ Бухарѣ и 3 моихъ личныхъ адъютанта. Кромѣ нѣсколькихъ казаковъ, назначенныхъ для держанія лошадей, я не взялъ съ собою никакого военного конвоя. Конвой, соотвѣтствующій понятію туземцевъ, долженъ былъ бы состоять изъ нѣсколькихъ тысячъ человекъ; не имѣя возможности окружить себя подобнымъ многочисленнымъ конвоемъ, я рѣшился ѣхать безъ всякаго конвоя, рассчитывая, что такое рѣшеніе не преминетъ произвести на бухарцевъ сильное впечатлѣніе. Въ этомъ образѣ дѣйствій они должны были усмотрѣть, что я смотрю на Бухару, не какъ на чужую страну, а какъ на область, мнѣ подчиненную.

20-го мая въ 6 часовъ утра я пріѣхалъ на станцію Кермине, и тутъ, при выходѣ изъ вагона, былъ встрѣченъ эмиромъ Бухарскимъ, окруженнымъ своими сановниками. Послѣ дружескаго привѣтствія и представленія нашихъ свитъ, я вошелъ съ эмиромъ въ роскошную палатку, разбитую близъ полотна желѣзной дороги. Тутъ произошелъ между нами самый дружескій разговоръ. Эмиръ выразилъ мнѣ самую искреннюю благодарность за содѣйствіе, оказанное ему при вступленіи его на престолъ. „Великому Русскому Императору и Вамъ“, сказалъ онъ мнѣ, „я только обязанъ, что сталъ эмиромъ“.

Я передалъ эмиру мою признательность за искреннее содѣйствіе, оказанное имъ генералу Анненкову при проведеніи желѣзной дороги черезъ ханство; и что увѣренъ въ громадной пользѣ, которую принесетъ дорога бухарскому народу, и что она будетъ содѣйствовать усиленію дружбы между обоими народами.

Въ заключеніе эмиръ выразилъ мнѣ просьбу исходатайствовать разрѣшенія Государя Императора на опредѣленіе старшаго его сына въ одно изъ русскихъ военно-учебныхъ заведеній и на отправленіе въ Петербургъ Бухарскаго посольства для принесенія Его Императорскому Величеству благодарности эмира за постройку дороги.

Послѣ получасового разговора эмиръ уѣхалъ въ Кермине. Спустя нѣкоторое время и я поѣхалъ туда, верхомъ, въ парадной формѣ, въ сопровожденіи моей свиты и двухъ эскадро-

новъ Бухарской кавалеріи, назначенныхъ эмиромъ мнѣ въ почетный конвой.

Въ лѣтней резиденціи эмира близъ Кермине, въ роскошнѣйшей палаткѣ, гдѣ были приготовлены по восточному обычаю разныя угощенія, произошло вторичное свиданіе. Разговоръ имѣлъ частный характеръ; эмиръ вспоминалъ о своемъ посѣщеніи Москвы во время коронаціи Ихъ Императорскихъ Величествъ и о своемъ пребываніи въ 1884 году въ Самаркандѣ, гдѣ впервые познакомился со мною. Въ концѣ разговора онъ передалъ мнѣ брилліантовую Бухарскую звѣзду. „Эту звѣзду“, сказалъ онъ мнѣ, „носилъ покойный мой отецъ; теперь Вы мнѣ его замѣнили; прошу Васъ ее носить“.

По окончаніи моего визита, эмиръ принялъ лицъ моей свиты, при чемъ управляющимъ моей канцелярей Нестеровскимъ имъ были поднесены мои подарки. Въ это же время одинъ изъ сановниковъ эмира поднесъ мнѣ его подарки.

Послѣ сего, я простился окончательно съ эмиромъ и выѣхалъ въ его коляскѣ (подаренной мною ему въ 1886 году) на станцію Кермине, опять въ сопровожденіи 2 эскадроновъ Бухарской кавалеріи. Послѣ непродолжительной остановки въ Кермине, я продолжалъ путь въ Бухару, куда пріѣхалъ 20-го же числа около 2-хъ часовъ.

Подъѣзжая къ станціи „Бухара“, я былъ встрѣченъ Бухарскими войсками, въ числѣ 10.000 человекъ, построенныхъ шпалерами по пути желѣзной дороги, и привѣтствовавшими меня крикомъ „ура“. При выходѣ изъ вагона я былъ встрѣченъ Бухарскими сановниками, имѣвшими во главѣ перваго министра эмира, русскою колонією въ Бухарѣ и громадною массою населенія, выѣхавшаго для встрѣчи меня изъ города Бухары (11 верстъ отъ станціи).

Пропустивъ мимо себя церемоніальнымъ маршемъ Бухарскія войска, и принявъ обѣдъ, предложенный мнѣ въ богатѣйшей палаткѣ бухарскими сановниками отъ имени эмира, а затѣмъ обѣдъ, предложенный полит. агентомъ камеръ-юнкеромъ Чарыковымъ, я выѣхалъ около 5-ти часовъ въ Чарджуй, куда пріѣхалъ въ тотъ же день вечеромъ.

Сильнѣйшее впечатлѣніе произвелъ на меня, построенный инженеромъ Балпинскимъ, мостъ черезъ Аму-Дарью, длиною около 2-хъ верстъ. Смотря на быстрое теченіе рѣки, нельзя было не залюбоваться смѣлостью этого колоссальнаго сооруженія.

Во время пребыванія моего въ Чарджуй, мною былъ осмо-

трѣнъ во всей подробности русскій городъ, который благодаря стараніямъ командира 3-го линейнаго баталіона полковника Казанцева уже началъ принимать вполне благоустроенный видъ. Я разрѣшилъ приступить къ постройкѣ на добровольныя пожертвованія православной церкви, при чемъ сдѣлалъ изъ личныхъ моихъ средствъ значительный взносъ. Постройка эта была ведена съ необычайною быстротою, и уже лѣтомъ 1889 года храмъ былъ освященъ. Громадный для меня представлялъ интересъ осмотръ только-что доставленныхъ на Аму-Дарью двухъ казенныхъ пароходовъ. Въ моемъ присутствіи былъ поднятъ на одномъ изъ нихъ, на пароходѣ „Царь“, русскій военный флагъ. Въ концѣ мая оба парохода сдѣлали первые пробные рейсы въ Петро-Александровскъ и Керки. Въ началѣ рейсы эти были сопряжены съ громадными затрудненіями, вслѣдствіе измѣнчивости русла Аму-Дарьи, но мало-по-малу трудности эти были преодолены, и въ настоящее время установлены правильные рейсы между вышеназванными городами (1890).

Въ радостномъ настроеніи выѣхалъ я послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ Чарджуѣ, обратно въ Ташкентъ. Мнѣ казалось, что мною оказаны Государю и отечеству значительныя услуги: Самаркандъ соединенъ желѣзнымъ путемъ съ Европеекою Россією, проведена желѣзная дорога черезъ Бухарское ханство, открыто пароходство по Аму-Дарьѣ; русскіе гарнизоны стоятъ въ Чарджуѣ и Керки, Бухарское ханство, такъ сказать, завоевано мирнымъ путемъ, безъ капли крови, безъ копѣйки расхода на военныя дѣйствія.

Но не такъ отнеслось правительство и общество къ совершившимся событіямъ. Правда, мнѣ было объявлено въ шифрованной телеграммѣ министромъ иностранныхъ дѣлъ Высочайшее одобреніе, но донесенія мои, въ которыхъ я подробно описалъ открытіе желѣзной дороги, проѣздъ черезъ Бухарское ханство и пребываніе въ Чарджуѣ, не были опубликованы. За то телеграмма Сѣвернаго агентства, въ которой сообщалось о томъ, что эмиремъ мнѣ были поднесены подарки, была перепечатана во всѣхъ газетахъ, при чемъ газета „Свѣтъ“ выразила полное негодованіе, что „русскіе генералы принимаютъ подарки отъ эмира, что обычай этотъ, подлежащій давно прекращенію, поддерживается начальствующими лицами съ корыстными цѣлями, при чемъ конечно дѣлаются разныя поблажки Бухарскому правительству“.

Трудно описать мое негодованіе при чтеніи этой статьи. Ходатайствуя о должности политическаго агента въ Бухарѣ,

я имѣлъ главное въ виду отнять у эмира возможность посылать частыя посольства въ Ташкентъ съ письмами и подарками отъ него; подносимые мнѣ лично подарки я обращалъ преимущественно на дѣла благотворительности и на украшеніе церквей. Лицамъ, командированнымъ мною въ Бухару, воспретилъ наистрожайше продавать, полученные отъ эмира подарки въ Бухарѣ, какъ оно практиковалось до моего назначенія генераль-губернаторомъ. Совершенно же отказаться отъ установленнаго вѣками на Востокѣ обычая я не призналъ возможнымъ. Моими предшественниками принимались подарки, весьма часто посылались эмиромъ посольства въ Петербургъ, которыя подносили подарки Государю Императору и всѣмъ министрамъ, отказать эмиру въ принятіи отъ него подарковъ значило бы оскорбить его.

Въ особенности поразило меня, что возмутительная статья газеты „Свѣтъ“ была оставлена высшимъ правительствомъ безъ всякихъ послѣдствій, и редакторъ газеты не подвергнутъ взысканію. Этотъ образъ дѣйствій правительства наводилъ по неволѣ на грустные размышленія и заставлялъ оцѣнить, насколько труденъ и неблагодаренъ, при данной обстановкѣ, постъ генераль-губернатора.

По возвращеніи изъ Чарджуя въ Ташкентъ, все мое вниманіе было обращено на скорѣйшее окончаніе постройки собора. Благодаря усердію прелѣдателя и членовъ строительной коммисіи, а также стараніямъ моеѣ жены, написавшей 11 образовъ, храмъ былъ совершенно оконченъ въ первыхъ числахъ іюля, и 11-го іюля состоялось торжественное его освященіе.

Ко дню освященія собора прибылъ въ Ташкентъ изъ Вѣрнаго епископъ Туркестанскій и Ташкентскій Неофитъ. Несмотря на всѣ мои заботы о церквахъ и духовенствѣ въ краѣ, епископъ отнесся ко мнѣ съ крайнимъ невниманіемъ, вѣроятно потому, что я лютеранинъ. Благодѣтельный г. Ташкента отецъ Покровскій предполагалъ въ день освященія, при входѣ моемъ въ соборъ, сказать мнѣ привѣтственное слово и благодарить за мои попеченія о постройкѣ храма. Это было ему воспрещено архіереемъ. Но этимъ не ограничилось невниманіе ко мнѣ преосвященнаго. По окончаніи освященія онъ передалъ женѣ моеѣ просфору, мнѣ же нѣтъ, что конечно было замѣчено всѣми присутствующими въ соборѣ.

Это былъ одинъ изъ самыхъ радостныхъ для меня дней за все время моего пребыванія въ Туркестанѣ. Заставъ, при пріѣздѣ въ 1884-хъ году въ Ташкентъ однѣ выведенныя стѣны,

мнѣ удалось въ 4 года закончить эту грандіозную постройку. Но не мало заботъ и трудовъ это стоило. Наемъ на мои средства архитектора, превышеніе власти по разнымъ измѣненіямъ смѣтъ, постоянно бдительный надзоръ за постройкою и отстраненіе всего, что могло мѣшать быстрому ходу работъ, наконецъ, личные труды моей жены, все это, вмѣстѣ взятое, было причиною достигнутаго успѣха. Наконецъ было удовлетворено пламенное желаніе всего православнаго населенія Ташкента. Городъ имѣлъ соборъ, по красотѣ не уступающій лучшимъ церквямъ въ губернскихъ городахъ Европейской Россіи.

Нѣсколько дней послѣ освященія православнаго собора, состоялось открытіе соборной мечети въ туземномъ городѣ.

Исторія этой мечети слѣдующая: ко дню коронаціи Ихъ Императорскихъ Величествъ эмиръ Бухарскій сдѣлалъ Государю Императору подарокъ въ 100.000 руб. на благотворительныя дѣла. Его Величество назначилъ изъ этой суммы 50.000 руб. на возстановленіе древнѣйшей мечети въ Бухарѣ, другіе 50.000 руб. по повелѣнію Его Величества были переданы въ распоряженіе бывшаго туркестанскаго генераль-губернатора генерала Черняева для употребленія по его усмотрѣнію на поддержаніе мусульманскихъ духовныхъ учреждений въ Туркестанскомъ краѣ.

Изъ этой суммы генераломъ Черняевымъ было назначено 15.000 руб. на ремонтъ 4 мечетей въ Ташкентѣ; но такъ какъ къ ремонту этихъ мечетей еще не было приступлено, и желая, чтобы память о милостивомъ распоряженіи Его Величества сохранилась въ Ташкентѣ на вѣчныя времена, я видоизмѣнилъ предположеніе генерала Черняева и назначилъ всѣ 15.000 руб. на капитальную перестройку древнѣйшей въ Ташкентѣ мечети Ходжа-Ахраръ, обратившейся въ развалины. Перестройка мечети мною была поручена, подъ наблюденіемъ русскаго техника, комиссіи изъ нѣсколькихъ почетныхъ мусульманъ, обывателей Ташкента. Полагая, что на туземное населеніе произведетъ сильное и выгодное для интересовъ русскаго правительства впечатлѣніе одновременное окончаніе перестройки мечети съ освященіемъ православнаго собора, я принялъ для этого всѣ соотвѣтствующія мѣры.

Я присутствовалъ лично при открытіи мечети. По окончаніи службы, мулла и старшій казіи города Ташкента прогнали меня повергнуть къ стопамъ Государя Императора горячую благодарность населенія за оказанную ему милость. Мечеть была названа Царскою, и въ ней произносятся въ цар-

скіе дни молитвы о здравіи Его Императорскаго Величества, что прежде не дѣлалось ни въ одной изъ мечетей во всемъ Туркестанскомъ краѣ.

Содѣйствіемъ своимъ перестройкѣ мечети, я думаю, что оказалъ существенную услугу интересамъ правительства. Населеніе высоко оцѣнило заботы о немъ, стало относиться съ большимъ довѣріемъ къ русской власти, многія изъ принятыхъ мною мѣръ, въ томъ числѣ и открытіе русскихъ туземныхъ школъ, перестали возбуждать прежнюю подозрительность. Развитію мусульманства вновь отстроенная мечеть не могла содѣйствовать. Въ городѣ, гдѣ 80 мечетей, одна лишняя не можетъ имѣть значенія. Обращать мусульманъ въ православіе я не пытался никогда, и думаю, что это была бы большая политическая ошибка. Я стремился всѣми силами къ тому, чтобы сдѣлать изъ жителей Туркестана вѣрноподанныхъ Государю.

Въ декабрьской книгѣ 1889 г. „Чтеній любителей духовнаго просвѣщенія“ присутствіе мое при открытіи мечети было подвергнуто строгой критикѣ. Нѣкто Воронежъ, указывая на этотъ фактъ, обвинилъ меня въ томъ, что я велъ въ Туркестанѣ анти-русско-православную политику и выразилъ восторгъ, что я смѣщенъ съ должности генералъ-губернатора, чему, по его мнѣнію, вся Россія должна радоваться. Высшее правительство, которому не могла не быть извѣстна эта статья, оставило редактора безъ кары (1890 г.).

Лѣтомъ 1888 года пріѣхалъ въ Ташкентъ второй сынъ хана Хивинскаго, чтобы благодарить за мое ходатайство предъ Государемъ Императоромъ объ утвержденіи его наслѣдникомъ престола. Наслѣдника Хивинскаго сопровождали дядя хана и нѣсколько сановниковъ. Наслѣдный принцъ былъ молодой 19-ти лѣтній юнша, однакожъ уже отецъ трехъ дѣтей; на его изнеможенномъ лицѣ лежалъ отпечатокъ полного пресыщенія ко всему, что видѣлъ въ пути, и въ Ташкентѣ онъ относился съ замѣтнымъ равнодушіемъ. Не таковъ былъ дядя хана; его все интересовало; съ особымъ вниманіемъ онъ осмотрѣлъ Ташкентскую гренажную станцію и благодарилъ меня за учрежденіе таковой же въ Петро-Александровскѣ, откуда хивинское населеніе уже стало получать здоровую шелковичную grenu. Въ послѣдніе годы шелководство совершенно уничтожилось въ Хивинскомъ ханствѣ, вслѣдствіе болѣзни червей. Учрежденная мною гренажная станція обѣщала вновь поднять эту полезнѣйшую отрасль производительности.

Въ честь Хивинскаго посольства, я далъ у себя на дачѣ вечеръ. Трудно описать восторгъ хивинцевъ, при видѣ прелестно иллюминированнаго сада и многочисленнаго наряднаго общества.

Даже наслѣдный принцъ оживился замѣтно.

Лѣтомъ 1888 года скончался въ Ташкентѣ помощникъ окружнаго медицинскаго инспектора, тайный совѣтникъ Логгиновичъ. Господинъ Логгиновичъ былъ католикъ, но такъ какъ въ Туркестанѣ не было ксендза, то въ день его кончины была православнымъ духовенствомъ отслужена по немъ панихида. вмѣстѣ съ этимъ я телеграфировалъ въ г. Вѣрный епископу Туркестанскому и Ташкентскому Неофиту и просилъ его разрѣшить отпѣваніе его по православному обряду. На другое утро, въ тотъ моментъ, когда духовенство собралось отслужить по Логгиновичу вторую панихиду, была получена отъ архіерея отвѣтная телеграмма, извѣщающая, что разрѣшить этого онъ не можетъ. Получивъ это распоряженіе, духовенство отказалось служить панихиду, и вся собравшаяся публика въ числѣ болѣе 100 человекъ разѣхалась по домамъ. Распоряженіе преосвященнаго произвело на всѣхъ удручающее впечатлѣніе. Докторъ Логгиновичъ пользовался, какъ врачъ и человекъ, всеобщимъ уваженіемъ. За немѣніемъ костела въ Ташкентѣ, онъ постоянно посѣщалъ православную церковь, и до кончины его многіе даже не знали, что онъ католикъ. Чтобы успокоить общественное мнѣніе, я рѣшился телеграфировать оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода и просить его содѣйствія къ отпѣванію праха Логгиновича по православному обряду. Между тѣмъ, когда шла эта переписка, трупъ подвергся полному разложенію, оставить его на квартирѣ было невозможно, и было рѣшено перенести его на кладбище и поставить временно въ часовню, принадлежащую одному частному лицу, г-жѣ Жемчужниковой. При перевезеніи тѣла присутствовалъ весь Ташкентъ. Всѣ ожидали съ нетерпѣніемъ результатъ моего ходатайства.

Черезъ нѣсколько дней былъ полученъ отвѣтъ отъ оберъ-прокурора; г-нъ Побѣдоносцевъ увѣдомилъ меня, что разрѣшеніе предать землѣ тѣло Логгиновича по православному обряду завистъ исключительно отъ архіерея. Получивъ эту телеграмму, я телеграфировалъ вторично преосвященному, который отвѣтилъ мнѣ: „По апостолу разрѣшаю молиться по всѣмъ“.

Тогда состоялось отпѣваніе тѣла Логгиновича по православному обряду. на десятый день послѣ его кончины.

Въ бытность мою въ Петербургѣ осенью 1888 года я поѣхалъ къ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода и заявилъ ему, что я по сіе время не ходатайствовалъ о назначеніи въ Ташкентъ ксендза и пастора въ виду малочисленности иновѣрцевъ въ Туркестанѣ и по соображеніямъ политическаго свойства, но теперь, если я не буду имѣть гарантію, что не будутъ повторяться инциденты, подобные съ погребеніемъ Логгиновича, я буду считать себя обязаннымъ возбудить это ходатайство самымъ настойчивымъ образомъ.

Д. т. с. Побѣдоносцевъ обѣщался мнѣ сдѣлать преосвященному Неофиту соотвѣтствующія указанія. Дѣйствительно, послѣ сего, скончавшіеся въ Туркестанѣ католики и лютеране предавались землѣ по православному обряду безпрепятственно.

Въ концѣ іюля совершилось въ Средней Азіи событіе, самой серьезной важности. Въ Керки прибылъ къ начальнику русскаго гарнизона генераль-маіоръ Христіани, посланецъ отъ правителя Афганскаго Туркестана Исхакъ-Хана, съ извѣщеніемъ о томъ, что Исхакъ-Ханъ отложился отъ Афганскаго эмира Абдурахманъ-Хана, и съ просьбою оказать ему помощь. Генераль Христіани, руководствуясь данною ему мною политическою инструкціею, отвѣтилъ посланцу, что русскому правительству нѣтъ дѣла до внутреннихъ смуть, происходящихъ въ Афганистанѣ, и что ни на какую помощь со стороны Россіи Исхакъ-Ханъ разсчитывать не долженъ. Отвѣтъ, данный генераломъ Христіани, я сообщилъ немедленно по телеграфу министрамъ военному и иностранныхъ дѣлъ. Черезъ нѣсколько дней я получилъ телеграмму отъ статсъ-секретаря Гирса, въ которой онъ меня увѣдомилъ, что Государь Императоръ одобрилъ въ полной мѣрѣ отвѣтъ, данный генераломъ Христіани посланцу Исхакъ-Хана. Въ полученномъ вслѣдъ за тѣмъ письмѣ министръ иностранныхъ дѣлъ увѣдомилъ меня, что Высочайше повелѣно воздержаться отъ всякаго вмѣшательства въ афганскія дѣла и ожидать дальнѣйшихъ событій. Инструкція эта согласовалась вполнѣ съ моимъ личнымъ мнѣніемъ. Мнѣ казался весьма сомнительнымъ успѣхъ предпріятія Исхакъ-Хана. Основываясь на массѣ отдѣльных фактовъ, я не усматривалъ никогда враждебности со стороны Абдурахманъ-Хана къ Россіи; получая значительную субсидію отъ англійскаго правительства, конечно нельзя было ожидать, что онъ станетъ открыто на нашу сторону. Мнѣ казалось несомнѣннымъ, что въ случаѣ, если бы, противъ всякаго ожиданія, Исхакъ-Хану бы удалось сдѣлаться Афганскимъ эмиромъ, онъ будетъ вынужденъ стать къ англійскому прави-

тельству въ тѣ же отношенія, какъ и его предшественникъ. Въ той же степени казалось мнѣ нежелательнымъ, пользуясь настоящею смутою, занятіе русскими войсками Чаръ-Валіята. Занятіе это вовлекло бы насъ въ значительныя денежныя издержки и вызвало бы большія затрудненія. Весьма было бы затруднительно управлять этою странюю, отдѣленною Бухарскимъ ханствомъ отъ русскихъ владѣній.

На основаніи вышеизложенныхъ соображеній, меня искренно обрадовалъ отвѣтъ статсъ-секретаря Гирса, заключающій въ себѣ совершенно опредѣлительныя, и по моему мнѣнію вѣрныя, указанія.

Въ половинѣ августа прибылъ въ Керки второй посланецъ отъ Исхакъ-Хана съ письмами отъ него къ Государю Императору и ко мнѣ, и съ словесною просьбою поддержать его, если не вооруженною силою, то выдачею ружей. Къ сожалѣнію, въ Керки не было генерала Христіани, уѣхавшаго для осмотра 3-го линейнаго баталіона въ Чарджуй. Замѣняющій его старшій по немъ штабсъ-офицеръ, полковникъ Рѣшетниковъ, имѣлъ неосторожность принять отъ посланца письма и обѣщалъ доставить ихъ по назначенію, равно и донести о словесной просьбѣ.

Получивъ о вышеизложенномъ извѣщеніе, я предписалъ начальнику Керкинскаго гарнизона отпустить посланца Исхакъ-Хана, подтвердивъ ему уже разъ данный отвѣтъ; вмѣстѣ съ этимъ, имѣя въ виду, что письма уже были приняты, я испросилъ по телеграфу указаніе министра иностранныхъ дѣлъ, слѣдуетъ ли отправить письма на имя Государя Императора въ Петербургъ, и донесъ о сдѣланномъ мною распоряженіи.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого я получилъ къ крайнему моему удивленію телеграмму отъ военного министра, въ которой генералъ-адъютантъ Ванновскій мнѣ сообщилъ, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ знатоковъ Средней Азіи, неоказаніе никакой помощи Исхакъ-Хану можетъ подорвать престижъ Россіи въ глазахъ населенія Афганскаго Туркестана, и что поэтому онъ съ своей стороны полагаетъ необходимымъ мнѣ сдѣлать распоряженіе объ отправленіи изъ ташкентскаго склада нѣсколькихъ тысячъ ружей Исхакъ-Хану. Что по докладу о семъ Государю Императору, Его Величеству благоугодно было повелѣть запросить по сему предмету мое мнѣніе.

Я отвѣтилъ военному министру, что въ случаѣ выдачи ружей, немедленно долженъ быть сформированъ отрядъ и передвинутъ къ Афганской границѣ, что послѣ выдачи Исхакъ-Хану ружей, населеніе будетъ смотрѣть на него какъ на ставленника

русскаго правительства, почему въ случаѣ его неуспѣха, намъ необходимо поддержать его вооруженною силою.

Генераль-адъютантъ Ванновскій не удовлетворился моимъ отвѣтомъ и просилъ меня категорически высказаться, повредить ли нашему престижу неоказаніе никакой помощи Исхакъ-Хану.

Одновременно съ полученіемъ этого запроса, я получилъ частную телеграмму отъ военнаго губернатора Самаркандской области генераль-лейтенанта Яфимовича, находившагося въ отпуску въ Петербургѣ, въ которой генераль этотъ меня извѣщалъ, что ему извѣстно, что военный министръ непремѣнно желаетъ, чтобы я согласился на отправленіе Исхакъ-Хану ружей.

Какъ я впослѣдствіи узналъ, телеграмма генерала Яфимовича была представлена передъ отправленіемъ на предварительный пересмотръ военнаго министра.

Убѣжденный въ правотѣ своего мнѣнія, я увѣдомилъ военнаго министра, что такъ какъ русское правительство никогда не поощряло Исхакъ-Хана отложиться отъ Абдурахманъ-Хана, то и неоказаніе ему помощи не можетъ подорвать престижъ Россіи въ глазахъ населенія Афганскаго Туркестана ¹⁾.

Оглядываясь назадъ на вышеописанныя событія, не могу не сознать, что настойчивыми моими отказами выдать Исхакъ-Хану ружья я оказалъ Россіи громадную услугу. Нѣтъ сомнѣнія, что выдача ружей неизбежно повлекла бы за собою войну съ Афганистаномъ, и можетъ быть и Европейскую войну. Во всякомъ случаѣ мы были бы вовлечены въ Средне-Азіатскія затрудненія, что такъ пламенно желали князь Бисмаркъ и графъ Кальноки.

Вышеприведенный случай, вмѣстѣ съ этимъ, доказываетъ, насколько я былъ правъ, настаивая на необходимости подчиненія Закаспійской области туркестанскому генераль-губернатору. Для успѣшнаго веденія нашей Средне-Азіатской политики власть должна быть сосредоточена въ однѣхъ рукахъ. Можно ли такого успѣха ожидать при существованіи двухъ неподчиненныхъ другъ другу властей, разныхъ взглядовъ и направленія, какъ оно имѣло мѣсто въ данномъ случаѣ. По моему мнѣнію, уже большая ошибка, что въ Петербургѣ вѣдаютъ восточными

¹⁾ Окончательное рѣшеніе вопроса по этому поводу достигло Туркестанскаго края, когда Исхакъ-Ханъ былъ наголову разбитъ Абдурахманомъ

дѣлами два министерства; при существованіи въ Средней Азіи одной сильной власти это неудобство еще менѣе бы отразилось. При настоящемъ же положеніи дѣла, могутъ быть гибельныя послѣдствія. Примѣръ Болгарія. Необычайно трудно также положеніе туркестанскаго генераль-губернатора; безъ вины можно оказаться виноватымъ. Общественное мнѣніе обвинить, въ случаѣ неуспѣха нашей политики, его, а не министровъ иностранныхъ дѣлъ и военнаго. Нельзя же будетъ опубликовать ему полученныя шифрованныя телеграммы, могущія пролить свѣтъ на обстоятельства дѣла.

Этого не позволяетъ служебная дисциплина. Вотъ грустныя размышленія, которыя преслѣдовали меня за все время управленія краемъ, въ особенности послѣ вышеописанныхъ событій.

Примѣчаніе 2 марта 1894 г.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1894 года появилась въ газетахъ рѣчь, сказанная въ Парижѣ, англійскимъ посломъ лордомъ Дефферингомъ.

Въ рѣчи этой посолъ выразилъ, что въ бытность его вице-королемъ Индіи (съ 1884 по 1888 г.г.) онъ неоднократно имѣлъ случай убѣждаться въ прямотѣ и корректности русской политики въ Средней Азіи. Въ особенности великодушна была эта политика во время возстанія Исхакъ-Хана, когда русское правительство имѣло возможность причинить Англіи большія непріятности. По мнѣнію лорда Дефферинга, то недовѣріе, съ коимъ Англія относится къ дѣйствіямъ русскаго правительства въ Средней Азіи, не основано ни на чемъ.

Столь категорическое заявленіе не могло не произвести сильное впечатлѣніе на общественное мнѣніе въ Англіи, и несомнѣнно облегчить ведущіеся въ настоящее время переговоры между Англіею и Россіею по памирскому вопросу, который вѣроятно и будетъ рѣшенъ къ взаимному удовольствію обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ.

4 марта 1894 г.

Товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ Н. П. Шишкинъ, управляющій, за болѣзнь Н. К. Гирса, министерствомъ, разсказалъ мнѣ, что П. С. Ванновскій передалъ ему, что, читая рѣчь лорда Дефферинга, онъ краснѣлъ за русское правительство. Очевидно, военный министръ остался при прежнемъ своемъ взглядѣ, продолжаетъ считать единственною правильною политикою—бросаніе камня изъ-за угла.

Не мало пришлось мнѣ бороться со всякими затрудненіями во время управленія краемъ.

Со времени введенія Положенія 12 іюня 1886 г. генераль-губернаторъ уже не располагалъ по своему усмотрѣнію земскими суммами. Земская смѣта представлялась ежегодно черезъ министра финансовъ на утвержденіе Государственнаго Совѣта; тутъ дѣлались всевозможныя сокращенія, часто въ ущербъ прямымъ интересамъ края. Утверждалась смѣта несвоевременно; получена она была на мѣстѣ: въ 1887 году въ августѣ, въ 1888 году въ іюнѣ, въ 1889 году въ іюлѣ. Возможно ли при подобномъ веденіи дѣлъ правильное хозяйство? Къ постройкамъ и исправленіямъ дорогъ можно было приступить не ранѣе осени. Всѣ мои просьбы и настоянія относительно ускоренія утвержденія смѣты постоянно оставались безъ послѣдствій.

Проводя Положеніе черезъ Государственный Совѣтъ, я настоялъ на томъ, чтобы генераль-губернатору было предоставлено право переносить остатки по земской смѣтѣ изъ одной статьи въ другую. Это давало возможность производить въ теченіе года разные расходы по нуждамъ края, не предусмотрѣнные смѣтою. Этимъ правомъ я широко пользовался на 1887 и 1888 годахъ. Къ сожалѣнію, въ 1889 году, по настоянію государственнаго контролера и министра финансовъ, смѣта была раздѣлена, взамѣнъ двухъ, на двѣнадцать параграфовъ, вслѣдствіе чего предоставленное мнѣ Положеніемъ 12 іюня право стало фиктивнымъ.

На основаніи Положенія, генераль-губернаторъ могъ утвердить проектъ смѣты на сумму не выше 30.000 руб. Стѣсненіе это могло отозваться въ особенности пагубно при исполненіи ирригаціонныхъ работъ, въ которыхъ часто внезапно являлась надобность. Несмотря на мои настойчивыя ходатайства, подкрѣпленныя самыми убѣдительными мотивами, вопросъ по настоящее время (1899) не рѣшенъ въ благопріятномъ смыслѣ. Въ 1888 году я по необходимости превысилъ власть и утвердилъ одну смѣту въ 35.000 руб. Если работы не были бы своевременно произведены, нѣкоторымъ волостямъ въ Андижанскомъ уѣздѣ Ферганской области грозила бы опасность сильно бы пострадать отъ наводненія; населеніе понесло бы большіе убытки, пострадала бы и казна, такъ какъ было бы невозможно собрать установленный поземельный налогъ. О сдѣланномъ распоряженіи я сообщилъ военному министру, прося объ утвержденіи его. Сколько мнѣ извѣстно, оно по сіе время (1890 г.) не послѣдовало.

До 1889 года податные инспекторы не были введены въ Турке-

станскомъ краѣ, въ этомъ же году они были туда отправлены, при чемъ имъ было приказано руководствоваться инструкціею, установленною для нихъ въ Европейской Россіи, несмотря на мои настойчивыя просьбы о радикальномъ измѣненіи этой инструкціи. Мало пользы, а скорѣе существенный вредъ ожидаю я отъ этого распоряженія. Налоги взымались въ Туркестанскомъ краѣ, за время моего управленія, безнедоимочно; сборомъ податей распоряжалась одна мѣстная администрація (начальники уѣздовъ и участковые пристава). Съ прибытіемъ въ край податныхъ инспекторовъ положеніе радикально измѣнилось. Я опасаюсь, что рвеніе мѣстной администраціи уменьшится, а туземное населеніе будетъ сбито съ толка, оно не будетъ знать, кто ихъ начальники: начальники ли уѣздовъ или податные инспектора. Неизбѣжныя столкновенія нарушаютъ тотъ порядокъ, который по сіе время въ краѣ существовалъ. Въ нашихъ Средне-Азіатскихъ владѣніяхъ, столь недавно покоренныхъ, нельзя допустить двойственность власти. Къ сожалѣнію, въ Петербургѣ этого не сознаютъ, и думаютъ, что можно управлять Туркестанскимъ краемъ, какъ Московскою или Тверскою губерніею. Главный виновникъ этого неправильнаго взгляда тайный совѣтникъ Гирсъ, ревизовавшій въ 1883 году, на правахъ сенатора, Туркестанскій край. Онъ отнесся къ данному порученію, какъ истый чиновникъ; особенности края онъ совершенно не подмѣтилъ; все его вниманіе было обращено на сокращеніе штатовъ служащихъ и сокращеніе казенныхъ расходовъ. Въ его отчетѣ не заключается и намекъ на возможное экономическое развитіе края, на что должно быть обращено преимущественно вниманіе администраціи. Съ экономическимъ развитіемъ, рядомъ растутъ и доходы казны. Въ подкрѣпленіе этого мнѣнія, могу указать на слѣдующій фактъ. Въ 1884 году, когда я прибылъ въ край, таможенный доходъ составлялъ около 100.000 р. въ годъ, въ 1889-мъ же году доходъ повысился до 575.000 руб. Неуклонно заботясь за все время моего управленія краемъ объ его экономическомъ развитіи, могу съ увѣренностью сказать, я содѣйствовалъ интересамъ Государственнаго казначейства.

Въ сентябрѣ 1888 года я испросилъ Высочайшее разрѣшеніе на прїѣздъ въ Петербургъ. Главная цѣль поѣздки была исходатайствовать разрѣшеніе на переобработку Ферганской области, въ которой предстояла настоятельная надобность, въ виду истеченія установленнаго срока сдѣланной при генералъ-губернаторѣ фонъ-Кауфманѣ оброчкѣ земель и несправедливаго въ многихъ случаяхъ обложенія обывателей, а также, чтобы настоять на

скорѣйшемъ утвержденіи правилъ объ отводѣ частнымъ лицамъ и обществамъ земель подъ орошеніе. Неутвержденіе этихъ правилъ задерживало экономическое развитіе края и наносило ущербъ интересамъ Государственнаго казначейства.

Правила сіи по настоящее время не утверждены, на что справедливо жаловались русскіе промышленники министру финансовъ при посѣщеніи имъ въ 1890 году выставки въ Ташкентѣ. Едва-ли вина въ этомъ можетъ быть отнесена ко мнѣ. Съ моей стороны все возможное было сдѣлано для скорѣйшаго разрѣшенія этого вопроса. Дѣло затормозилось вслѣдствіе разногласія между нѣкоторыми министрами (1890 г.).

Всѣ сдѣланныя мною въ теченіе двухъ лѣтъ представленія по вышеуказаннымъ двумъ вопросамъ оставались безъ результатовъ. Мое присутствіе въ Петербургѣ было необходимо, чтобы двинуть эти вопросы.

29 сентября я выѣхалъ изъ Ташкента. Кто прочелъ эти записки, пойметъ, что настроеніе мое было не веселое. Къ этому нужно еще прибавить, что здоровье моей жены пострадало сильно во время пребыванія въ Ташкентѣ. Климатъ дѣйствовалъ губительно на нее, дальнѣйшее пребываніе въ Ташкентѣ могло повлечь за собою самыя тяжкія для нея послѣдствія. Въ той же степени дурно отзывалась жизнь въ Ташкентѣ на двухъ моихъ дочеряхъ. Исключительная обстановка, въ которой онѣ жили, не могла не отозваться вредно на нихъ. Дальнѣйшее пребываніе въ Ташкентѣ могло дурно отозваться на всю ихъ предстоящую жизнь.

Я рѣшился, если окажется возможнымъ, не вернуться въ край. 17 октября я пріѣхалъ въ Петербургъ и представился на другой день военному министру. Словами „напрасно Вы не дали ружья Исхакъ-Хану“ встрѣтилъ меня генераль-адъютантъ Ванновскій. Послѣ весьма непродолжительнаго разговора, въ продолженіе котораго не было и намека на выраженіе мнѣ какого-либо одобренія за мою дѣятельность, въ Туркестанскомъ краѣ, я простился съ его высокопревосходительствомъ.

21 октября я представился Государю Императору въ Гатчинскомъ дворцѣ. Его Величество принялъ меня очень благосклонно и много разспрашивалъ о положеніи края. Въ концѣ аудіенціи, я сказалъ Его Величеству, что, чувствуя себя крайне утомленнымъ отъ чрезмѣрной дѣятельности, и по семейнымъ обстоятельствамъ, я желалъ бы, если на это послѣдуетъ соизволеніе Его Величества, не возвращаться въ край. Государь, по-

видимому удивленный этой просьбою, отвѣтилъ мнѣ: „Отдохните здѣсь, а уже потомъ мы этотъ вопросъ рѣшимъ“.

До самаго моего отъѣзда обратно въ Ташкентъ, разговоръ по сему предмету не возобновлялся.

Сдѣлавши визиты всѣмъ министрамъ, я взялся немедленно за дѣла. Большого труда стоило мнѣ убѣдить министра финансовъ въ необходимости переобработки Ферганской области. Наконецъ, мнѣ это удалось, но благодаря придиркамъ мелкихъ чиновниковъ министерства, закидавшихъ меня разными запросами, вопросъ тянулся до безконечности и получилъ окончательное рѣшеніе только при моемъ выѣздѣ изъ Петербурга, и то исключительно благодаря рѣшительному содѣйствію тайнаго совѣтника Вышнеградскаго.

Еще меньшій успѣхъ имѣли мои представленія объ утвержденіи правилъ объ отводѣ земель подъ орошеніе. Министры государственныхъ имуществъ и финансовъ высказались рѣшительнымъ образомъ за меня, государственный же контролеръ, на заключеніе котораго было передано мое ходатайство, призналъ по причинамъ, не выдерживающимъ ни малѣйшей критики, утвержденіе правилъ объ отводахъ несвоевременнымъ. Въ виду сего протеста, правила объ отводахъ по сіе время не утверждены (1890 г.), не взирая на все стараніе статсъ-секретаря Островскаго.

Большинство мелкихъ дѣлъ, возбужденныхъ во время моего пребыванія въ Петербургѣ, было рѣшено въ благопріятномъ для края смыслѣ.

Всѣ министры, за исключеніемъ военнаго, относились ко мнѣ съ большимъ вниманіемъ. Генералъ-адъютантъ Ванновскій продолжалъ оказывать мнѣ явное нерасположеніе; никогда и ни въ чемъ я не встрѣчалъ въ немъ какую-либо поддержку. Въ подтвержденіе сего, могу, между прочимъ, указать на слѣдующіе факты.

На основаніи Положенія объ управленіи краемъ, служащіе, не получившіе повышенія при введеніи его, были освобождены отъ всякихъ вычетовъ изъ содержанія. Генералъ-адъютантъ Ванновскій, основываясь на томъ, что Военный Совѣтъ призналъ служащихъ въ Туркестанскомъ краѣ по полицейски-административному управленію добровольными участниками эмеритурной кассы, внесъ въ Государственный Совѣтъ представленіе о томъ, чтобы вычетъ въ эмеритуру производился изъ ихъ содержанія.

Многіе изъ членовъ Государственнаго Совѣта признали такое

рѣшеніе несправедливымъ и несогласнымъ съ Положеніемъ 12 іюня 1887 года, тѣмъ не менѣе, такъ какъ оно соотвѣтствовало интересамъ Государственнаго казначейства и согласное съ мнѣніемъ военнаго министра, въ вѣдѣніи котораго состоитъ Туркестанское генераль-губернаторство, вопросъ былъ рѣшенъ согласно представленію генераль-адъютанта Ванновскаго.

Я случайно узналъ объ этомъ постановленіи Государственнаго Совѣта отъ генераль-адъютанта Кауфмана на выходѣ въ Новый Годъ. Сознывая, какія тяжелыя послѣдствія оно будетъ имѣть для всѣхъ служащихъ и какое удручающее впечатлѣніе оно произведетъ въ краѣ, я немедленно обратился къ присутствующему на выходѣ предсѣдателю департамента экономіи Государственнаго Совѣта, дѣйствительному тайному совѣтнику Абаза, выяснивъ ему обстоятельство дѣла и несправедливость рѣшенія.

Г. Абаза отнесся съ полнымъ вниманіемъ къ моему заявленію и узнавъ отъ государственнаго секретаря тайн. сов. Половцева, что постановленіе еще Высочайше не утверждено, назначилъ представленіе военнаго министра къ новому разсмотрѣнію въ моемъ присутствіи.

Соединенные департаменты, выслушавъ мои объясненія, единогласно рѣшили дѣло въ благопріятномъ для служащихъ смыслѣ.

Дѣло это было весьма серьезное; я не могъ поступить иначе, но не думаю, что мой образъ дѣйствій въ данномъ случаѣ бы содѣйствовалъ улучшенію моихъ отношеній къ военному министру! Другой случай.

Въ день полкового праздника л.-гв. Финляндскаго полка послѣ завтрака въ Аничковомъ дворцѣ, Великій Князь Владиміръ Александровичъ спросилъ меня, въ какое время года прибываютъ въ Ташкентъ молодые солдаты. Я отвѣтилъ Его Императорскому Высочеству, что, благодаря доведенію желѣзной дороги до Самарканда, они прибываютъ въ этотъ городъ зимою, немедленно послѣ призыва; въ Ташкентъ же они приходятъ только лѣтомъ; если же, присовокупилъ я, указывая на рядомъ стоящаго военнаго министра, его высокопревосходительство поможетъ мнѣ исходатайствовать постройку желѣзной дороги между Ташкентомъ и Самаркандомъ, они будутъ прибывать и въ Ташкентъ зимою. „Въ 1886 году“, сказалъ генераль-адъютантъ Ванновскій—„Вы не хотѣли дороги до Ташкента, теперь я ее не хочу“. Великій Князь, хорошо зная обстоятельства дѣла и удивленный этою странною выходкою, замолчалъ и отвернулся; то же сдѣлалъ и я.

При одной изъ встрѣчъ съ военнымъ министромъ я выска-

залъ ген.-ад. Ванновскому, что для успѣшнаго управленія окраиною, генераль-губернаторъ долженъ пользоваться не только довѣріемъ Государя Императора, но и господъ министровъ, „я же сознаю,—присовокупилъ я,—что не пользуюсь довѣріемъ одного изъ господъ министровъ“. „На кого вы намекаете“, спросилъ меня ген.-ад. Ванновскій. „На васъ, ваше высокопревосходительство“, отвѣтилъ я. Военный министръ замолкъ и отвернулся отъ меня.

Съ конца декабря стали получаться въ Петербургъ тревожныя извѣстія изъ Средней Азіи. Начальникъ Закаспійской области генераль-лейтенантъ Комаровъ доносилъ, что Абдурахманъ-Ханъ объявилъ священную войну противъ русскихъ, въ Афганистанѣ дѣлаются приготовленія къ войнѣ, передвигаются войска изъ Кабула въ Черваліэтъ, Абдурахманъ-Ханъ завязываетъ какія-то секретныя сношенія съ эмиромъ Бухарскимъ. Исправляющій мою должность генераль-лейтенантъ Яфимовичъ также не отрицалъ возможности открытія враждебныхъ дѣйствій Абдурахманъ-Ханомъ. Пріѣхавшій въ первыхъ числахъ января 1889 г. въ Петербургъ генераль-лейтенантъ Анненковъ разсказывалъ, что оставилъ Закаспійскую область въ крайне напряженномъ и тревожномъ состояніи; по его мнѣнію, война была неизбежна.

Въ половинѣ января состоялось у военнаго министра совѣщаніе, куда были приглашены: князь Дондуковъ-Корсаковъ, генераль-адъютантъ Обручевъ, генераль-маіоръ Куропаткинъ и я. Большинство признало необходимымъ безотлагательно усилить Керкинский гарнизонъ, передвинувъ 2 баталіона изъ Самарканда. Я съ своей стороны полагалъ достаточнымъ сдѣлать необходимыя приготовленія къ выступленію этихъ частей въ походъ, но до полученія болѣе точныхъ свѣдѣній оставить ихъ на мѣстѣ. Военный министръ согласился съ мнѣніемъ большинства и сдѣлалъ представленіе объ ассигнованіи 100.000 р. въ его распоряженіе на предположенное передвиженіе 2-хъ баталіоновъ въ Керки и на приготовленіе еще нѣкоторыхъ частей къ походу. Ходатайство это было уважено.

Послѣ совѣщанія, оставшись наединѣ съ военнымъ министромъ, я заявилъ ему, что, въ виду политическихъ осложненій въ Средней Азіи, я беру назадъ свою просьбу оставить Туркестанскій край и готовъ туда вернуться по первому требованію правительства.

Въ половинѣ февраля были получены еще болѣе тревожныя извѣстія. Генераль Комаровъ доносилъ (подлинная телеграмма

хранится въ главномъ штабѣ, копіи въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и канцеляріи туркестанскаго генераль-губернатора), что, по имѣющимся у него вполне достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, Абдурахманъ-Ханъ откроетъ военныя дѣйствія въ первыхъ числахъ марта; что не слѣдуетъ довѣряться дружбѣ эмира Бухарскаго, что въ Самаркандѣ и Мервѣ не спокойно. По докладѣ этой телеграммы Государю Императору, Его Величество поручилъ военному министру мнѣ передать, что ему угодно, чтобы я немедленно возвратился въ Туркестанъ.

Получивъ это Высочайшее повелѣніе, я заявилъ военному министру, что я съ радостью готовъ исполнить его, но считаю себя нравственно обязаннымъ, передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, доложить лично Его Величеству о двухъ обстоятельствахъ, которые меня сильно беспокоятъ. Первое это—неразрѣшеніе по настоящее время переобработки Ферганской области; „Абдурахманъ-Ханъ“, сказалъ я: „можетъ быть намъ опасенъ только при отсутствіи спокойствія въ краѣ и недовольствѣ мѣстнаго населенія; Ферганская область ждетъ переобработки, она успокоится только, когда справедливая просьба жителей будетъ удовлетворена; въ виду настоящихъ обстоятельствъ, переобработка настоятельно необходима. Второй вопросъ, меня сильно беспокоящій и лишающій меня увѣренности въ успѣхѣ предстоящихъ дѣйствій, это неподчиненіе туркестанскому генераль-губернатору Закаспійской области. Едва-ли можно ожидать, при двойственности власти, хорошихъ результатовъ. Оба эти вопроса имѣютъ въ моихъ глазахъ такую важность, что я прошу его, военного министра, испросить для меня у Государя Императора особую аудіенцію, чтобы дать мнѣ возможность подробно съ ними ознакомиться Его Величество.

Испрашиваемая мною аудіенція мнѣ была дана 23 февраля (четвергъ на первой недѣлѣ поста). Она продолжалась около часа, и я имѣлъ возможность развить подробно мои мысли. Государь общался мнѣ, что по первому вопросу переговорить съ министромъ финансовъ, относительно же самостоятельнаго существованія Закаспійской области, онъ мнѣ сказалъ, что нужно выждать результатовъ этого рѣшенія; въ случаѣ же неизбежности военныхъ дѣйствій, присовокупилъ онъ, она вамъ будетъ подчинена, равно и расположенныя въ ней войска. Въ заключеніе Его Величество выразилъ мнѣ надежду, что мнѣ удастся, конечно не нарушая достоинства Россіи, избѣжать войны. При прощаніи Государь сказалъ мнѣ: „Приведите на мѣстѣ все въ

порядокъ, затѣмъ возвращайтесь въ Петербургъ; въ Туркестанскій край вы уже не вернетесь“.

Я просилъ разрѣшеніе Его Величества остаться въ Петербургѣ до 26 февраля (день рожденія Государя). Онъ на это согласился.

Въ послѣдніе дни, проведенные въ Петербургѣ, я былъ предметомъ самаго любезнаго вниманія со стороны многихъ министровъ. Всѣ они были очень обезпокоены положеніемъ дѣлъ въ Средней Азіи. Наше правительство рѣшительно не желало войны, справедливо сознавая, что война въ Средней Азіи уменьшила бы наши силы на западной границѣ. Вызвать войну значило бы играть въ руки князю Бисмарку и лигѣ мира. Особое вниманіе оказывали мнѣ: военный министръ (генералъ-адъютантъ Ванновскій повторилъ мнѣ слова, сказанныя Государемъ: „Въ случаѣ войны вамъ будетъ подчинена Закаспійская область и расположенныя въ ней войска. Но войны мы не желаемъ, и увѣрены, что при вашемъ умѣніи, удастся ея избѣжать, не вредя достоинству Россіи. Лучше васъ эту задачу никто не исполнить“), министръ иностранныхъ дѣлъ и финансовъ. Послѣдній заявилъ мнѣ, что я могу считать переобработку въ Ферганской области дѣломъ рѣшеннымъ, что онъ будетъ моимъ адвокатомъ въ Петербургѣ, что я не успѣю доѣхать до Ташкента, когда вопросъ этотъ уже будетъ окончательно рѣшенъ. И дѣйствительно тайный совѣтникъ Вышнеградскій сдержалъ блистательно данное мнѣ слово. При пріѣздѣ въ Ташкентъ, я нашелъ его телеграмму, извѣщающую меня, что переобработка Ферганской области проведена черезъ Государственный Совѣтъ и Высочайше утверждена.

26 февраля я присутствовалъ на выходѣ въ Аничковомъ дворцѣ. Тутъ я доложилъ Его Величеству о полученной мною наканунѣ телеграммѣ генералъ-лейтенанта Яфимовича, въ которой онъ меня извѣстилъ, что ханъ хивинскій, въ письмѣ на мое имя, сообщаетъ, что онъ въ память событія 17 октября 1888 года отмѣнилъ въ ханствѣ пытки.

По окончанію выхода Государь и Императрица простились со мною самымъ милостивымъ образомъ. Его Величество повторилъ еще разъ, что послѣ исполненія нынѣ на меня возложеннаго порученія, онъ меня уволитъ отъ должности генералъ-губернатора.

28-го февраля я выѣхалъ изъ Петербурга.

До Владикавказа я доѣхалъ вполне благополучно; за то перѣздъ черезъ Кавказскій хребетъ горъ былъ сопряженъ съ большими затрудненіями. Между станціями Куби и Кандау-

ромъ образовались большіе завалы, въ экипажѣ проѣхать было невозможно и нельзя было ожидать скорого восстановленія пути. Желая какъ можно быстрее доѣхать до мѣста назначенія, въ виду напряженнаго положенія дѣлъ, я рѣшился пройти пѣшкомъ по глубокому снѣгу отъ Коби въ Кандауръ. Переходъ былъ трудный и сопряженъ съ опасностью жизни. Вездѣ торчали зловѣщіе черные флаги, каждую минуты я рисковалъ быть засыпаннымъ снѣжнымъ обваломъ. Но съ Божьею помощію я достигъ благополучно станцію Кандауръ, а оттуда продолжалъ путь безъ дальнѣйшихъ затрудненій. Въ Тифлисѣ провелъ только нѣсколько часовъ въ ожиданіи отхода поѣзда. Въ Баку меня застала страшная буря, немедленно выѣхать было невозможно, и только на другое утро я сѣлъ на казенный пароходъ „Шахъ“, обязательно предоставленный управляющимъ морскимъ министерствомъ въ мое распоряженіе. На пароходѣ этомъ я доѣхалъ въ сутки благополучно въ Узунъ-Ада, гдѣ меня ожидалъ экстренный поѣздъ Закаспійской желѣзной дороги. Нигдѣ не останавливаясь, я пріѣхалъ 8-го марта утромъ въ Асхабадъ; тутъ на станціи встрѣтилъ меня военный губернаторъ Закаспійской области генералъ-лейтенантъ Комаровъ.

Въ происшедшемъ между нами разговорѣ, я передалъ генералу мое мнѣніе о положеніи дѣлъ въ Средней Азіи; я выразилъ ему, что рѣшительно не вѣрю въ возможность нападенія на насъ Абдурахманъ-Хана, но вижу опасность въ томъ, что при наэлектризованномъ настроеніи войскъ и населенія изъ-за схватки нашихъ и афганскихъ разбѣдовъ могутъ возникнуть самыя серьезныя послѣдствія. Обязанность старшихъ начальниковъ, сказалъ я генералу Комарову, имѣть строгое наблюденіе, чтобы расположенныя на Афганской границѣ наши войска не задирали афганцевъ и не позволяли себѣ вызывающій относительно ихъ образъ дѣйствій. Военный губернаторъ Закаспійской области обѣщался мнѣ сообразоваться впредь съ этимъ взглядомъ, что однакожъ ему не помѣшало отправить, въ день нашего свиданія, въ Петербургъ телеграмму тревожнаго характера, впрочемъ послѣднюю такого свойства.

Послѣ двухъ-часовой остановки въ Асхабадѣ я продолжалъ путь въ Мервъ. Тутъ я былъ встрѣченъ начальникомъ округа полковникомъ Алихановымъ. Штабъ-офицеръ этотъ, весьма способный и энергичный человекъ, былъ главный виновникъ настоящаго тревожнаго положенія дѣлъ. Желая во что бы то ни стало добиться, изъ личныхъ видовъ, столкновенія съ афганцами, онъ доставлялъ генералу Комарову постоянныя свѣ-

дѣнія о враждебныхъ замыслахъ Абдурахманъ-Хана. Какъ участникъ боя при Кушкѣ и награжденный за это Георгіевскимъ крестомъ, онъ понималъ, что гораздо выгоднѣе участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ, чѣмъ заниматься мирнымъ управленіемъ ввѣреннаго ему округа. Воспользовавшись 1½ часовой остановкою въ Мервѣ, я принялъ въ своемъ вагонѣ полковника Алиханова, при чемъ былъ къ нему крайне внимателенъ, много его спрашивалъ о населеніи, культурѣ и положеніи ирригаціи въ округѣ, о возможности же военныхъ дѣйствій не заикнулся. Сдѣлавъ я это потому, что, говори я о пограничныхъ дѣлахъ, полковникъ Алихановъ неизбежно высыпалъ бы мнѣ цѣлый запасъ свѣдѣній о мнимыхъ замыслахъ Абдурахманъ-Хана, полученныхъ имъ черезъ развѣдчиковъ; и не могъ же я ему сказать, что онъ вретъ. Воздерживаясь же въ разговорѣ съ нимъ касаться это предмета, я хотѣлъ этимъ дать понять, что въ моихъ глазахъ настолько невѣроятно нападеніе на насъ Абурахманъ-Хана, что объ этомъ и не стоитъ разговаривать.

Полковникъ Алихановъ вышелъ изъ моего вагона ошеломленный. Онъ жаловался на меня, какъ я узналъ впоследствии, что я его вовсе не спрашивалъ о пограничныхъ дѣлахъ, и лишилъ этимъ возможности доложить мнѣ массу свѣдѣній, добытыхъ черезъ развѣдчиковъ.

Я же думаю, что мой образъ дѣйствій былъ цѣлесообразенъ, и не преминулъ произвести дѣйствіе на храброго полковника, умѣривъ его пылкое воображеніе и убѣдивъ его, что не всѣмъ такъ легко втереть очки въ глаза, какъ генералу Комарову.

Дальнѣшнія событія доказали, насколько было въ интересахъ начальства Закаспійской области вызвать внѣшнія осложненія. Произведенная по Высочайшему повелѣнію въ 1890 году генералъ-лейтенантомъ Максимовскимъ ревизія Закаспійской области обнаружила страшныя злоупотребленія администраціи, въ особенности въ Мервскомъ округѣ. Война бы все прикрыла.

10-го марта я пріѣхалъ въ Чарджуй; тутъ я нашелъ на строеніе войскъ, служащихъ и населенія такимъ же тревожнымъ, какъ и въ Закаспійской области; но, находясь уже въблизи Афганской границы, я считалъ себя хозяиномъ положенія и былъ увѣренъ въ успѣхѣ дальнѣйшихъ дѣйствій. Изъ Чарджуя я рѣшился ѣхать на пароходѣ въ Керки; цѣль этой поѣздки: воспроизвести впечатлѣнія на Абдурахманъ-Хана, указавъ ему, въ случаѣ неизмѣненія имъ его нѣсколько двух-

смысленнаго образа дѣйствій, на возможность движенія русскихъ войскъ въ Афганскій Туркестантъ, вмѣстѣ съ этимъ я хотѣлъ лично подробно ознакомиться съ положеніемъ дѣла на границѣ и успокоить воинственное настроеніе русскаго гарнизона въ Керки.

Встрѣтившіе меня въ Чарджуѣ ближайшіе мои подчиненные отговаривали меня убѣдительно отъ предполагаемой поѣздки, указывая на трудность перѣзда изъ Чарджуя въ Керки на пароходѣ, который, по ихъ мнѣнію, вслѣдствіе недостаточнаго изслѣдованія Аму-Дарьи, легко могъ сѣсть на мель, что произвело на населеніе удручающее впечатлѣніе. Вмѣстѣ съ этимъ они выражали опасеніе, чтобы Абдурахманъ, конечно, предувѣдомленный о моемъ предстоящемъ пріѣздѣ въ Керки, не бросился всѣми силами на меня, что представляло, по ихъ мнѣнію, опасность въ виду немногочисленности Керкинскаго гарнизона (3 батальона, 8 орудій, 2 сотни казаковъ).

Убѣжденный въ пользѣ, которую принесетъ мой пріѣздъ въ Керки, я послѣ трехдневнаго пребыванія въ Чарджуѣ, во время котораго осмотрѣлъ во всей подробности войска, всѣ учрежденія, Аму-Дарьинскій мостъ, и присутствовалъ при подъемѣ креста на строящейся православной церкви, сѣлъ на пароходъ и направился на Афганскую границу. Послѣ трехдневнаго исполнѣ благополучнаго плаванія, я пріѣхалъ 18-го марта въ Керки. Сдѣлавъ войскамъ немедленно осмотръ, я приступилъ затѣмъ къ осмотру мѣстности и строящагося форта. Въ моемъ присутствіи былъ составленъ планъ будущаго русскаго города Керки, намѣчены мѣста для постройки церкви и казармъ. Узнавая изъ-подъ руки о положеніи дѣлъ на границѣ, я не говорилъ ни съ кѣмъ о возможности войны, напротивъ подтвердилъ начальнику Керкинскаго гарнизона точное исполненіе данной ему политической инструкціи. Желая оказать вниманіе мѣстному бухарскому населенію, я роздалъ ему, черезъ мѣстнаго бека, нѣсколько фунтовъ шелковичной грены для оживленія шелководства. Собранныя мною на мѣстѣ свѣдѣнія убѣдили меня въ вѣрности моего взгляда на положеніе дѣлъ; Абдурахманъ-Ханъ и не думалъ о нападеніи на насъ; объявленный имъ хазаватъ (война противъ невѣрныхъ) имѣлъ исключительно цѣлью поднять его престижъ въ глазахъ его подданныхъ.

Подшучивая въ разговорахъ съ начальниками надъ тѣми, которые могли допустить мысль, что Абдурахманъ-Ханъ осмѣлится напасть на русскія войска, я скоро успокоилъ воинственное настроеніе въ войскахъ.

Рядомъ съ этимъ прїѣздъ мой въ Керки произвелъ должное дѣйствіе на эмира. Черезъ нѣсколько дней стало извѣстнымъ, что находящійся въ Мазаръ-Шерифѣ орудія, направленные до того на русскую границу, были имъ направлены въ обратную сторону; воспрещенный имъ въ русскія владѣнія ввозъ фуража былъ вновь разрѣшенъ; русскіе товары опять допущены въ Афганскіе предѣлы.

Послѣ трехдневнаго пребыванія я выѣхалъ изъ Керки, причемъ направился въ Чарджуй по проложенной эмиромъ Бухарскимъ, согласно моему требованію, дорогѣ, желая осмотрѣть ее и построенные по ней мосты. Во время этой поѣздки меня сопровождали мѣстные бухарскіе беки, рѣшившіеся по этому случаю впервые выѣхать изъ крѣпостей, по мѣстности, гдѣ незадолго происходили постоянные грабежи, я проѣхалъ съ самымъ ограниченнымъ казачьимъ конвоемъ.

Путь совершилъ въ два дня вполне благополучно, дорога и мосты найдены въ полной исправности. Желая на будущее время облегчить переезды русскихъ чиновниковъ и офицеровъ изъ Чарджуя въ Керки, я поручилъ бухарскимъ бекамъ построить по дорогѣ семь станціонныхъ домовъ, гдѣ бы проѣзжающіе всегда бы могли найти нужный фуржъ по умѣреннымъ цѣнамъ. Желаніе мое было немедленно исполнено.

Послѣ непродолжительнаго пребыванія въ Чарджуй, я выѣхалъ 24 марта по желѣзной дорогѣ въ Самаркандъ. На станціи Бухара была устроена обычная встрѣча; вдоль желѣзной дороги были построены бухарскія войска, а около станціи меня встрѣтила масса бухарскаго населенія въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Тутъ же меня ожидала коляска эмира Бухарскаго. Желая осмотрѣть построенный бухарскимъ правительствомъ близъ желѣзнодорожной станціи новый базаръ и вмѣстѣ съ этимъ доказать, что настроеніе бухарцевъ къ русскимъ вполне дружеское и мирное, я сѣлъ одинъ въ коляску эмира и проѣхалъ безъ всякаго конвоя черезъ толпу бухарцевъ къ базару. Толпа разступилась и дала мнѣ почтительно дорогу. Всѣ присутствующіе могли убѣдиться, насколько были основательны предположенія генерала Комарова, указывающія на враждебные противъ насъ замыслы бухарскаго правительства.

25-го марта утромъ я прїѣхалъ въ Самаркандъ.

Во время пребыванія въ этомъ городѣ я осмотрѣлъ открытую въ 1887 году гренажную станцію. Къ сожалѣнію, я не нашелъ ее настолько устроенной, какъ ожидалъ. Завѣдующій ею врачъ былъ командированъ въ Керки для сопровожденія 9 ли-

нейнаго батальона, и завѣдованіе ею было передано въ совершенно неумѣлыя руки. Сдѣлавъ должное внушеніе губернатору, я приказалъ врача немедленно вернуть въ Самаркандъ. Примѣръ этотъ доказываетъ, какъ часто самыя полезныя мѣры не встрѣчаютъ сочувствія въ комъ слѣдуетъ. Никакой надобности не было въ командированіи врача въ Керки, гдѣ былъ въ нихъ избытокъ.

Въ Ташкентѣ, куда пріѣхалъ 29 марта, мнѣ была сдѣлана самая сочувственная встрѣча. Какъ русское, такъ и туземное населеніе радовалось искренно моему возвращенію.

Первая принятая мною мѣра была пріостановка дальнѣйшаго передвиженія войскъ къ Афганской границѣ; благодаря этому ассигнованный на передвиженіе войскъ кредитъ въ 100.000 руб. былъ далеко не исчерпанъ, и образовался значительный остатокъ. Вслѣдъ за этимъ я сдѣлалъ распоряженіе объ увольненіи въ запасъ нижнихъ чиновъ подлежащаго срока, задержанныхъ на службѣ въ виду политическихъ осложненій.

Тревожное настроеніе прекратилось быстро, и черезъ мѣсяцъ послѣ моего возвращенія въ Туркестанъ уже никто не помышлялъ о возможности войны съ Афганистаномъ. Торговья сношенія съ Афганистаномъ, возобновились и усилились настолько, что въ теченіе іюня и іюля мѣсяцевъ было вывезено въ эту страну на 1.400.000 руб. русскихъ товаровъ.

О всѣхъ сдѣланныхъ мною распоряженіяхъ и достигнутыхъ результатахъ я сообщилъ военному министру. Мнѣ извѣстно, что письмо мое возбудило въ то время общее удовольствіе. Но скоро оно было забыто. При пріѣздѣ моемъ въ іюль мѣсяцѣ въ Петербургъ, мнѣ не только никѣмъ не была выражена благодарность, но даже никто не упомянулъ о бывшемъ напряженномъ положеніи дѣлъ. Между тѣмъ, раздайся хоть бы одинъ выстрѣлъ въ Средней Азіи, конечно, министру финансовъ не удалось бы столь успѣшно выполненныя въ теченіе лѣта конверсіи нѣкоторыхъ нашихъ займовъ.

Въ 1888 году министромъ государственныхъ имуществъ былъ высланъ въ Ташкентъ, вслѣдствіе моей просьбы, избранный г-омъ Черняевымъ приборъ для огневой сушки фруктовъ.

При огромномъ изобиліи фруктовъ въ Туркестанѣ, крайне было желательно замѣнить болѣе усовершенствованнымъ способомъ существовавшій до того времени примитивный способъ сушки. Высланный Черняевскій приборъ мною былъ переданъ въ распоряженіе Ташкентскаго отдѣла Императорскаго обще-

ства садоводства. Предсѣдатель отдѣла, г-нъ Полевицкій, построилъ особый павильонъ, гдѣ были поставлены необходимыя печки для сушки фруктовъ, и я имѣлъ въ маѣ мѣсяцѣ радость присутствовать при первыхъ опытахъ сушки. Опыты удались вполне и дали прекрасные результаты; можно надѣяться, что и частныя лица послѣдуютъ примѣру отдѣла общества садоводства, и такимъ образомъ установится въ Туркестанѣ новая отрасль производства, которой, можно съ увѣренностью предсказать, блестящую будущность. Починъ этого полезнаго дѣла принадлежитъ несомнѣнно мнѣ; не обратись я къ министру государственныхъ имуществъ съ просьбою о высылкѣ Черняевского прибора, огневой способъ сушки фруктовъ остался бы безъ примѣненія въ Туркестанскомъ краѣ.

Особое вниманіе мною было обращено на производящіяся въ Ташкентскомъ уѣздѣ Сыръ-Дарьинской области организаціонныя работы по оброчкѣ населенія. Опытъ указалъ что изданная въ 1887 году инструкція податнымъ комиссіямъ, требовала въ смыслѣ ускоренія работъ существенныя измѣненія. Инструкція была пересмотрѣна самымъ тщательнымъ образомъ, и сдѣланы необходимыя исправленія.

Во всеподданнѣйшемъ моемъ отчетѣ по учебному вѣдомству, представленномъ въ 1888 году Государю Императору, я ходатайствовалъ объ открытіи въ Самаркандѣ и Маргеланѣ Маринскихъ женскихъ училищъ. Въ открытіи этихъ училищъ чувствовалась крайняя надобность. Офицеры и чиновники, неимѣющіе необходимыхъ средствъ отправить дочерей въ Ташкентскую женскую гимназію, были лишены возможности дать имъ приличное воспитаніе. Во время моего пребыванія въ Петербургѣ, я пришелъ въ соглашеніе съ министромъ народнаго просвѣщенія объ условіяхъ, при которыхъ училища могли бы быть открыты, и по возвращеніи въ Ташкентъ сдѣлалъ немедленно по сему предмету представленіе. Въ настоящее время (1890 г.) ходатайство мое уважено, разрѣшено открытіе училищъ. Распоряженіе это встрѣчено несомнѣнно мѣстнымъ русскимъ населеніемъ съ искреннею благодарностью.

Весною же 1889 года былъ разработанъ, по моимъ указаніямъ, проектъ новаго Положенія объ учительской семинаріи. Существовавшее до того времени Положеніе требовало существенныхъ измѣненій. Передъ моимъ отъѣздомъ въ Петербургъ проектъ новаго Положенія былъ мною представленъ министру народнаго просвѣщенія.

Помѣщеніе публичной бібліотеки было крайне тѣсное. Же-

лая предоставить публикѣ болѣе удобствъ для чтенія, я приказалъ пристроить обширную комнату для читальни.

На замѣну убогихъ шкаповъ для книгъ, новыми приличными шкапами, я пожертвовалъ триста рублей.

19 мая я выѣхалъ изъ Ташкента для обозрѣнія Ферганской области. Поѣздка эта была въ свое время подробно описана въ „Туркестанскихъ вѣдомостяхъ“, и отдѣльно напечатанная брошюра хранится въ моихъ бумагахъ при копіяхъ съ моихъ Всеподаннѣйшихъ отчетовъ. Считаю тутъ у мѣста только выразить, что обозрѣніе Ферганской области въ 1889 году доставило мнѣ громадное удовольствіе, и воспоминаніе объ этой поѣздкѣ не изгладится никогда изъ моей памяти. Результаты моего управленія, достигнутые въ Ферганской области, доказываютъ, что можетъ быть достигнуто, въ сравнительно короткое время, постоянными и настойчивыми заботами о нуждахъ населенія.

Тамъ, гдѣ въ 1884 году, при первомъ моемъ объѣздѣ, мнѣ неоднократно приходилось обращаться къ вооруженной силѣ, чтобы разгонять толпы народа, обращавшейся ко мнѣ въ дерзкой формѣ съ разными неисполнимыми просьбами; тамъ, гдѣ въ 1885 году бродили вооруженныя шайки, призывающія населеніе къ открытому возстанію противъ русской власти, и приходилось отправлять отряды войскъ для разсѣянія этихъ шайекъ, въ 1889 году я восторженно былъ встрѣченъ населеніемъ. Въ поданныхъ мнѣ многочисленныхъ адресахъ населеніе меня благодарило за мое ходатайство о переоброцкѣ области; за постройку Самаркандскаго участка Закаспійской желѣзной дороги, благодаря которому облегчился сбытъ произведеній; за мои попеченія о развитіи хлопководства; за учрежденіе гренажныхъ станцій; за исправленіе ирригаціонной системы; наконецъ, за открытіе во многихъ городахъ амбулаторныхъ лѣчебницъ для туземныхъ женщинъ. Въ г. Маргеланѣ, при представленіи мнѣ почетныхъ туземцевъ всей области, собравшихся въ этомъ городѣ для привѣтствія меня, старшій казій стараго Маргелана, отличавшійся прежде своими анти-русскими тенденціями, обратился ко мнѣ съ рѣчью, въ которой благодарилъ меня отъ имени всего населенія, за мои о немъ заботы. „Попеченіями Вашими о насъ“, закончилъ онъ свою рѣчь, „Вы записали навсегда Ваше имя въ исторію Ферганской области“.

Все видѣнное въ области произвело на меня самое отрадное впечатлѣніе. Пути сообщенія улучшились замѣтно, благосостояніе населенія увеличилось. Въ особенности поразили и обра-

довали меня успѣхи по хлопководству; культура хлопчатника изъ американскихъ сѣмянъ началась только съ 1887 года, и уже въ 1888 году было собрано не менѣе 800.000 п. хлопка. Считая стоимость пуда въ 6 рублей, область выручила около 5 миллионъ рублей; такіе результаты не могли, конечно, не отразиться на благосостояніи населенія.

Въ 1884 году вовсе не было русскаго города въ Кокандѣ; чиновники и офицеры жили, какъ я уже прежде упомянулъ, въ туземномъ городѣ, подвергаясь всякимъ лишеніямъ. Въ 1889 году я нашелъ прекрасный русскій городъ, лучший изъ всѣхъ уѣздныхъ городовъ въ Туркестанскомъ краѣ.

Въ новомъ Маргеланѣ мною было указано мѣсто для постройки новой православной церкви; по ассигнованіи 10.000 руб. на начало постройки, осенью было приступлено къ работамъ. Бывшая церковь, построенная въ 1886 году изъ сырца, была настолько ветха, что грозила полнымъ разрушеніемъ.

Не могу не вспомнить съ благодарностью о военномъ губернаторѣ Ферганской области, генералъ-маіорѣ Корольковѣ. Его умѣлости и усердію должны быть, во многомъ, приписаны достигнутые превосходные результаты. Будучи выдающимся ботаникомъ, онъ своими полезными указаніями содѣйствовалъ въ значительной степени подъему культуры въ области.

Я провелъ 10 дней въ Ферганѣ. Выраженная мнѣ населеніемъ сердечная благодарность лучшая для меня награда за все время управленія краемъ.

30 мая я вернулся въ Ташкентъ. Послѣ трехнедѣльнаго тамъ пребыванія, я выѣхалъ 21 іюня въ Высочайше мнѣ разрѣшенный 4 мѣсячный отпускъ въ Европейскую Россію. Желая уклониться, во время переѣзда черезъ Бухарское ханство, отъ всякихъ встрѣчъ и сопряженнаго съ ними подношенія подарковъ, я поручилъ политическому агенту въ Бухарѣ передать бухарскому правительству, что ѣду лѣчиться въ Россію, чувствую себя нездоровымъ и утомленнымъ, и прошу поэтому, чтобы никто изъ бухарскихъ сановниковъ не былъ командированъ для встрѣчи и сопровожденія меня во время переѣзда черезъ ханство. Эмиръ Бухарскій, нехотя, подчинился этому требованію.

Весьма труденъ былъ мой переѣздъ черезъ Сыръ-Дарью и Заравшанъ вслѣдствіе полноводья, въ особенности черезъ послѣднюю изъ этихъ рѣкъ. Могу сказать, что переѣхалъ Заравшанъ съ опасностью жизни. Путешествіе изъ Самарканда до Узунъ-Ада я сдѣлалъ по Закаспійской желѣзной дорогѣ со всѣми

удобствами. Не могу того же сказать о переѣздѣ изъ Узунъ-Ада въ Астрахань по Каспійскому морю. Общество „Кавказъ и Меркурій“, обязанное, согласно заключенному съ правительствомъ условію, содержать между вышеназванными двумя пунктами почтовое сообщеніе, отправило изъ Узунъ-Ада, вмѣсто пассажирскаго парохода, шкуну „Жандръ“, нагруженную хлопкомъ и вовсе не приспособленную для пассажировъ. На этой шкунѣ я и сдѣлалъ переѣздъ въ Астрахань. Погода стояла бурная. Легко себѣ представить, насколько это путешествіе было пріятно.

Изъ Астрахани я поднялся по Волгѣ до Царицына, а оттуда дальше уже по желѣзной дорогѣ.

3 іюля я пріѣхалъ въ Петербургъ.

12 іюля я представился Государю Императору въ Петергофѣ.

Его Величество принялъ меня очень милостиво, и, послѣ обычныхъ разспросовъ о положеніи края, спросилъ меня, гдѣ я предполагаю провести лѣто. Узнавъ, что я ѣду лѣчиться въ Виши, Государь пожелалъ мнѣ успѣшное лѣченіе и сказалъ: „По возвращеніи въ Петербургъ, Вы уже въ Туркестанскій край не вернетесь“. Узнавъ о такомъ рѣшеніи, я доложилъ Его Величеству, не будетъ ли въ такомъ случаѣ удобнѣе теперь же уволить меня отъ должности генераль-губернатора. „Край“, сказалъ я, находясь продолжительное время въ управленіи временнаго генераль-губернатора, всегда отъ этого страдаетъ“. Дѣлая такое заявленіе, я конечно руководствовался исключительно пользою службы; лично бы я пострадалъ, лишившись уже лѣтомъ генераль-губернаторскаго жалованья, 2.000 руб. въ мѣсяцъ.

Результатомъ аудіенціи я остался вполне доволенъ. Мнѣ не пришлось возобновить просьбу объ увольненіи отъ должности генераль-губернатора. Государь самъ мнѣ объ этомъ сказалъ. Вмѣстѣ съ этимъ, мнѣ казалось несомнѣннымъ, что Его Величество имѣетъ для меня въ виду какое-либо другое соотвѣтствующее назначеніе.

20 іюля я выѣхалъ за границу, откуда вернулся 3 сентября въ мое имѣніе близъ станціи Преображенской.

Тутъ наступилъ самый тягостный періодъ всей моей усердной, и за послѣднія пять^{1,2} лѣтъ, я думаю, и плодотворной тридцати-пяти-лѣтней службы.

Государя не было въ Петербургѣ; онъ находился въ Копенгагенѣ.

10 сентября я поѣхалъ въ Петербургъ къ военному мини-

стру, чтобы узнать, послѣдовало ли распоряженіе о назначеніи новаго туркестанскаго генераль-губернатора, и на что я могу разсчитывать.

Генераль-адъютантъ Ванновскій принялъ меня самымъ любезнымъ образомъ и объяснилъ мнѣ, что Государь поручилъ ему, передъ своимъ отъѣздомъ въ Данію, приискать лицо на постъ генераль-губернатора, но что онъ пока ни пакомъ остановиться не можетъ. „Не можете ли вы мнѣ на кого указать“, спросилъ меня военный министръ. Я назвалъ трехъ генераловъ: сенатора князя Григорія Сергѣевича Голицына, военнаго губернатора Терской области и наказнаго атамана Терскаго казачьяго войска Смѣкалова, и военнаго губернатора Уральской области и наказнаго атамана казачьяго войска Шипова. На это генераль-адъютантъ Ванновскій мнѣ отвѣтилъ, что князь Голицынъ не согласится принять постъ генераль-губернатора, оба же другіе не соответствуютъ, по его мнѣнію, этому назначенію, что онъ поищетъ другое лицо, и когда найдетъ соотвѣтствующаго кандидата, то напишетъ объ этомъ Государю въ Данію.

Въ заключеніе военный министръ сказалъ, что относительно меня не получилъ пока никакого приказанія отъ Государя, но что вѣроятно Его Величество имѣетъ для меня въ виду назначеніе. „Весь городъ говоритъ“, присовокупилъ генераль-адъютантъ Ванновскій, „что вы назначаетесь на должность Главноуправляющаго Собственною Его Величества канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи; зная довѣріе къ вамъ Государя и расположеніе къ вамъ Императрицы, я считаю этотъ слухъ весьма правдоподобнымъ“.

Въ первыхъ числахъ октября Государь Императоръ вернулся въ Гатчину.

28 октября вечеромъ мнѣ былъ присланъ начальникомъ главнаго штаба Высочайшій приказъ о моемъ назначеніи членомъ Военнаго Совѣта. Изъ этого приказа же я узналъ, что туркестанскимъ генераль-губернаторомъ назначенъ начальникъ штаба Одесскаго военнаго округа, генераль-лейтенантъ баронъ Вревскій.

Назначеніе это было для меня совершенная неожиданность. На бывшемъ 12 октября свиданіи съ военнымъ министромъ, генераль-адъютантъ Ванновскій сказалъ мнѣ, что имѣется въ виду лицо, вполне соотвѣтствующее посту генераль-губернатора, но кто это лицо, не назвалъ.

Я совершенно не зналъ генерала барона Вревскаго. Никто

о немъ прежде не слышалъ, и онъ имѣлъ репутацію самаго зауряднаго офицера генеральнаго штаба.

Въ первый пріемный день, послѣ моего назначенія, я поѣхалъ въ Гатчину представиться Государю Императору.

Сдѣлавъ мнѣ нѣсколько вопросовъ относительно моего заграничнаго путешествія, Государь спросилъ меня, знаю ли я барона Вревскаго. Я отвѣтилъ Его Величеству, что помню барона 35 лѣтъ тому назадъ молодымъ офицеромъ Кирасирскаго полка, а съ тѣхъ поръ не встрѣчался съ нимъ.

На другой день я явился военному министру, который мнѣ не сказалъ ничего особеннаго. Вслѣдъ за этимъ, сдѣлавъ визитъ всѣмъ членамъ Военнаго Совѣта, я сталъ ѣздить въ засѣданія Совѣта.

Содержаніе мнѣ было назначено въ томъ же размѣрѣ, какъ и генералу Колпаковскому, по 12.000 руб. въ годъ.

Считаю тутъ у мѣста сказать, что никѣмъ не было сдѣлано и слабой попытки удержать меня на постѣ туркестанскаго генералъ-губернатора.

Въ половинѣ декабря, передъ однимъ изъ засѣданій Военнаго Совѣта я былъ приглашенъ въ кабинетъ военнаго министра. „Я передъ вами виноватъ“, сказалъ мнѣ генералъ Ванновскій, „при оставленіи вами края, я упустилъ напомнить Государю объ удостоеніи васъ благодарственнымъ рескриптомъ за управленіе краемъ. Теперь ошибка исправлена, проектъ рескрипта написанъ и уже утвержденъ Государемъ.

„Но вы получите его только 1 января, послѣ оставленія вами должности генералъ-губернатора уже прошелъ значительный срокъ, посему Его Величество находитъ болѣе удобнымъ послать вамъ рескриптъ въ новый годъ“.

Дѣйствительно 1 января 1890 года я получилъ Высочайшій рескриптъ слѣдующаго содержанія:

„Николай Оттоновичъ. По прежней службѣ вашей въ войскахъ гвардіи, я имѣлъ возможность непосредственно оцѣнить ваши способности и служебное усердіе, и потому въ 1884 году рѣшилъ призвать васъ къ высшему государственному управленію, ввѣривъ вамъ отвѣтственный постъ туркестанскаго генералъ-губернатора и командующаго войсками Туркестанскаго военнаго округа. Въ теченіе пяти лѣтъ ваши благоразумныя и твердыя распоряженія, способствовавшія упроченію гражданскаго и экономическаго развитія отдаленнаго края, поддержанію исполнѣ согласныхъ съ видами моей политики мирныхъ отношеній къ сосѣднимъ владѣтелямъ и племенамъ

Средней Азии и хорошему состоянію вѣренныхъ вамъ войскъ, постоянно заслуживали Мое одобреніе. Снисходя, съ большимъ сожалѣніемъ, къ просьбѣ вашей объ увольненіи отъ занимаемой должности по разстроенному здоровью, Я назначилъ васъ членомъ Военнаго Совѣта, дабы участіемъ вашимъ въ обсужденіи дѣлъ, вѣренныхъ заботамъ этого высшаго учрежденія, вы могли продолжать вашу полезную службу. Вмѣстѣ съ симъ Я считаю справедливымъ выразить вамъ искреннюю благодарность за вполне успѣшныя труды по управленію туркестанскимъ генераль-губернаторствомъ и по командованію войсками Туркестанскаго военнаго округа“.

Пребываю къ вамъ благосклоннымъ.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Александръ.

31 декабря 1889 г.

С.-Петербургъ.

3 января, въ первый пріемный день, я поѣхалъ благодарить Государя Императора за Высочайшій рескриптъ.

Его Величество принялъ меня довольно милостиво и сказалъ, что я заслужилъ вполне выраженную въ рескриптѣ благодарность. Къ этому Государь присовокупилъ, что сожалѣетъ, что благодарность эта мнѣ объявлена не своевременно, но что ему никто не напомнилъ о рескриптѣ, когда я оставилъ край.

На этомъ я прекращаю сіи записки. Не описывать же участіе мое въ засѣданіяхъ Военнаго Совѣта.

9 апрѣля 1890 года.

31-го августа 1890 г.

Въ половинѣ іюля мнѣ было объявлено черезъ Командующаго Императорскою главною квартирою Высочайшее повелѣніе состоять при императорѣ германскомъ Вильгельмѣ II во время пребыванія Его Величества въ Россіи. То же назначеніе получили Свиты Его Величества генераль-маіоръ графъ Голешищевъ-Кутузовъ и флигель-адъютантъ ротмистръ графъ Бенкендорфъ.

4-го августа въ 7 часовъ вечера мы выѣхали на императорскомъ поѣздѣ изъ Петербурга въ Ревель навстрѣчу Императору. Въ Нарвѣ присоединился къ намъ Главнокомандующій войсками гвардіи и Петербургскаго военнаго округа Великій

Князь Владиміръ Александровичъ, получившій также Высочайшее повелѣніе встрѣтить Императора въ Ревелѣ.

5-го августа въ 8 часовъ утра, когда ожидался пріѣздъ Императора, собрались на пристани Великій Князь, лица свиты, назначенныя при Его Величествѣ, и начальствующія лица города Ревеля. Тутъ же былъ построенъ почетный караулъ отъ Выборгскаго пѣхотнаго императора Вильгельма II полка. Эстляндскаго губернатора князя Шаховскаго и предводителя дворянства барона Майделя, выѣхавшихъ наканунѣ навстрѣчу нашему Государю въ Нарву, не было. Перваго замѣнялъ вице-губернаторъ Василевскій. Представителей отъ дворянства при встрѣчѣ не было. Этотъ образъ дѣйствія былъ очевидно вызванъ опасеніемъ, чтобы при современномъ положеніи дѣлъ въ губерніи встрѣча дворянами императора германскаго не была принята за анти-правительственную демонстрацію.

Задержанный противными вѣтрами пароходъ „Гогенцоллернъ“ показался на рейдѣ только около 12-ти часовъ. Немедленно было приступлено къ выгрузкѣ императорскаго багажа, и въ часъ императоръ сошелъ на берегъ; поздоровавшись самымъ сердечнымъ образомъ съ Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ, Его Величество подошелъ ко мнѣ и выразилъ удовольствіе, что я назначенъ состоять при немъ. „Я очень много слышалъ о Васѣ“, сказалъ императоръ, „и очень радъ ближе съ Вами познакомиться“. Поздоровавшись затѣмъ съ графами Кутузовымъ и Бенкендорфомъ и сказавъ имъ нѣсколько привѣтливыхъ словъ, императоръ подошелъ къ почетному караулу. На лѣвомъ флангѣ караула стояли гражданскія власти города Ревеля, въ числѣ ихъ вице-губернаторъ Василевскій и городской голова баронъ Майдель. Первый изъ нихъ былъ мною представленъ императору, второй Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ. Его Величество молча поклонился г-ну Василевскому, барону же Майделю подаль руку и сказалъ нѣсколько привѣтливыхъ словъ. Было ли это сдѣлано преднамѣрено или простая случайность, я не знаю, но присутствующими при встрѣчѣ корреспондентами разныхъ газетъ фактъ этотъ былъ подмѣченъ и затѣмъ подчеркнутъ въ появившихся въ газетахъ корреспонденціяхъ.

Посторонней публики при встрѣчѣ было много; держали они себя почтительно, никакихъ особыхъ овацій не было. Отпустивъ почетный караулъ, императоръ сѣлъ вмѣстѣ съ нами въ подготовленный для него желѣзнодорожный поѣздъ, на которомъ отправился въ Ревельскій вокзалъ, гдѣ послѣ короткой оста-

новки пересѣлъ въ императорскій поѣздъ для дальнѣйшаго слѣдованія въ Нарву. Вслѣдствіе того, что „Гогенцоллернъ“ опоздалъ на три часа прибытіемъ въ Ревель, мы не могли пріѣхать къ 6-ти часамъ въ Нарву, какъ предполагалось, и передъ выѣздомъ изъ Ревеля была послана телеграмма Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ Государю Императору, а мною командующему главною императорскою квартирою генералъ-адъютанту Рихтеру о томъ, что императоръ прибудетъ въ Нарву вмѣсто 6-ти, въ 8^{1/2} часовъ вечера.

Немедленно по отъѣздѣ изъ Ревеля былъ сервированъ въ вагонъ-салонъ завтракъ, при чемъ, согласно желанію Великаго Князя, я взялъ на себя обязанность гофмаршала. Завтракъ прошелъ самымъ оживленнымъ образомъ, и сразу установились прекрасныя отношенія между лицами свиты нашего Государя и германскаго императора. Въ свитѣ его величества находились: государственный канцлеръ генералъ Каприви, начальникъ военнаго кабинета генералъ-адъютантъ Ганнеке, оберъ-гофмаршалъ графъ Эйленбургъ, начальники гражданскаго кабинета и морскаго кабинета, генералъ-адъютантъ Виттинъ, свиты его величества генералъ-маіоръ графъ Веделъ, два флигель-адъютанта. Тутъ же на поѣздѣ находились: германскій посолъ генералъ Швейницъ и военный уполномоченный полковникъ Вильомъ.

По отзывамъ лицъ, присутствовавшихъ при свиданіи двухъ императоровъ въ 1888 году въ Петергофѣ, свита императора Вильгельма въ 1890 году была составлена несравненно лучше. Въ 1888 году особенно непріятное впечатлѣніе произвелъ графъ Гербертъ Бисмаркъ, дававшій тонъ всей свитѣ и нахальствомъ своимъ оттолкнувшій всѣхъ отъ себя. Не совсѣмъ удаченъ былъ также выборъ лицъ русской свиты, назначенныхъ состоять при императорѣ Вильгельмѣ: генералъ-адъютантъ Глинка, по старости лѣтъ, не соотвѣтствовалъ своему назначенію, и флигель-адъютантъ полковникъ графъ Шуваловъ позволялъ себѣ разныя насмѣшки надъ лицами свиты императора Вильгельма. Вслѣдствіе вышесказанныхъ причинъ, установились, какъ рассказывали очевидцы, самыя холодныя и натянутыя отношенія между лицами свиты обоихъ императоровъ. Ничего подобнаго не было въ 1890 году.

Въ особенности благопріятное впечатлѣніе произвелъ на насъ всѣхъ генералъ Каприви. Прямодушіе и лойальность главныя черты характера новаго государственнаго канцлера; вмѣстѣ съ этимъ онъ поражалъ всѣхъ своею необычайною скромностью. Нашему Государю, какъ мнѣ достовѣрно извѣстно, онъ чрезъ-

вычайно понравился. Вотъ человѣкъ, который внушаетъ къ себѣ довѣріе, выразился о немъ Его Величество, послѣ данной ему въ Петергофѣ въ день отъѣзда императора Вильгельма аудіенціи.

Ровно въ 8^{1/2} часовъ вечера императоръ Вильгельмъ пріѣхалъ въ Нарву, гдѣ былъ встрѣченъ Государемъ Императоромъ, всѣми Великими Князьями и лицами свиты. На платформѣ былъ выстроенъ почетный караулъ отъ л.-гв. Преображенскаго полка.

Государь Императоръ поздоровался съ императоромъ Вильгельмомъ, какъ показалось мнѣ и другимъ лицамъ, довольно холодно и сухо. Объясняли это тѣмъ, что будто бы Государь былъ недоволенъ, что императоръ германскій опоздалъ на два съ половиною часа своимъ пріѣздомъ на Нарву. Но едва-ли это было такъ. При продолжительномъ морскомъ путешествіи невозможно точно расчитать время пріѣзда, при этомъ Государь былъ своевременно извѣщенъ, что императоръ Вильгельмъ прибудетъ въ Нарву только въ 8^{1/2} часовъ. Вѣроятно, причина сухости первой встрѣчи была иная.

Въ 9 часовъ былъ сервированъ въ палаткѣ близъ помѣщенія, гдѣ жили оба императора, обѣденный столъ на 150 человѣкъ. Тостовъ не было никакихъ.

6-го августа Ихъ Величества присутствовали на церковномъ парадѣ л.-гв. Преображенскаго полка. Послѣ этого былъ завтракъ, на которомъ Его Величество провозгласилъ тостъ за здоровье императора германскаго, а вслѣдъ за нимъ тостъ за здоровье императора австрійскаго, празднующаго 6-го августа день своего рожденія. Императоръ Вильгельмъ отвѣтилъ тостомъ за здоровье Императора Александра.

Въ тотъ же день въ 11^{1/2} часовъ вечера былъ ужинъ въ л.-гв. Преображенскомъ полку у Великаго Князя Сергѣя Александровича. На ужинѣ присутствовали принцъ Генрихъ Прусскій, великій герцогъ Дармштадтскій съ сыномъ, великій герцогъ Павелъ Мекленбургскій и всѣ наши Великіе Князья. Въ два часа ночью, пользуясь отъѣздомъ Великаго Князя Владиміра Александровича, и я уѣхалъ. Остальные гости оставались до четырехъ часовъ и уѣхали изъ полка, какъ мнѣ потомъ рассказали, болѣе чѣмъ навеселѣ.

7-го и 8-го августа происходили маневры. Находясь безотлучно при императорѣ Вильгельмѣ, я имѣлъ полную возможность наблюдать за обоими императорами. Съ каждымъ днемъ взаимное ихъ обращеніе дѣлалось дружественнѣе. Императоръ

Вильгельмъ относился къ нашему Государю съ изысканною предупредительностью и вниманіемъ.

Нашъ Государь отвѣчалъ ему тѣмъ же. За ходомъ маневровъ императоръ Вильгельмъ слѣдилъ съ большимъ вниманіемъ. Прекраснымъ видомъ войскъ и ихъ выносливостью онъ очень восхищался; дѣлаемые начальниками промахи и ошибки не ускользали отъ его опытнаго глаза, но замѣчаній своихъ онъ не выражалъ.

Во время моего состоянія при немъ, я съ нимъ имѣлъ продолжительные разговоры и возможность его хорошо изучить. Своимъ глубокимъ умомъ, любезностью, откровенностью и пріятнымъ обращеніемъ онъ очень привлекаетъ къ себѣ. Энергія и рѣшительность основныя черты его характера; разъ намѣченную цѣль онъ твердо преслѣдуетъ и для достиженія ея не остановится ни передъ какими препятствіями. Это человѣкъ, который еще много заставитъ о себѣ говорить. Но онъ нервентъ, впечатлителенъ и порывистъ, хотя эти свойства, какъ выразился въ моемъ присутствіи о немъ нашъ Государь, за послѣдніе два года замѣтно ослабли.

Военнымъ дѣломъ онъ горячо интересуется. Въ одномъ изъ нашихъ разговоровъ, онъ разсказалъ мнѣ, какимъ образомъ смотреть войска. По пріѣздѣ онъ дѣлаетъ парадъ войскамъ, на другой день производитъ односторонній маневръ, при чемъ обозначеннымъ противникомъ командуетъ генералъ-адъютантъ Виттинъ, который, какъ выразился императоръ въ совершенствѣ ведетъ это дѣло, начальство же надъ корпусами обыкновенно принимаетъ императоръ, затѣмъ въ теченіе трехъ дней происходятъ двухсторонніе маневры, при чемъ опять же императоръ лично принимаетъ начальство надъ корпусомъ, который попалъ въ критическое положеніе. Командованіе войсками, сказалъ императоръ, дѣло сложное и требуетъ практики; вотъ почему я при всякомъ удобномъ случаѣ въ этомъ упражняюсь. „Мои смотрѣ“, добавилъ императоръ, „имѣютъ рѣшающее значеніе въ дальнѣйшей карьерѣ вышихъ начальниковъ. Корпусные командиры и начальники дивизіи, не умѣющіе маневрировать войсками, отстраняются мною отъ должностей“.

Мнѣ кажется, что такой образъ дѣйствій черезчуръ крутъ и несомнѣнно во многихъ случаяхъ не цѣлесообразенъ. Маневры не война; военно-начальникъ, неудачно распорядившійся на маневрахъ, часто съ честью и успѣшно поведетъ войска въ бой. На войнѣ требуются качества, которыя на маневрахъ проявиться не могутъ.

Бывшія за послѣднее время частія перемѣны въ составѣ старшихъ начальниковъ германской арміи указываютъ на то, что вышеизложенные принципы строго примѣняются императоромъ Вильгельмомъ.

9-го августа войскамъ былъ данъ отдыхъ. Въ этотъ день утромъ оба императора осматривали въ Нарвѣ суконную фабрику Штиглица, самую большую въ мірѣ. Нашъ Государь ознакомился во всей подробности съ производствомъ суконъ, фабричное дѣло его живо интересовало. Про императора Вильгельма я этого сказать не могу. Онъ ограничился самымъ поверхностнымъ осмотромъ и провелъ большую часть времени въ разговорѣ со мною. Тутъ же на фабрикѣ онъ заказалъ 600 метровъ лучшаго драпа (13 рублей за метръ); заказъ этотъ назначался на постройку плащей для нижнихъ чиновъ 1-й роты 1-го Гвардейскаго полка. Когда я объ этомъ рассказалъ генералу Каприви, то онъ отвѣтилъ мнѣ, что императору придется деньги уплатить изъ собственной шкатулки; на такой расходъ казенныхъ денегъ не имѣется.

Послѣ завтрака оба императора со свитою переѣхали изъ Нарвы въ имѣніе Гомонтово, гдѣ былъ назначенъ ночлегъ на 9-е число. Ихъ Величества помѣстились въ помѣщичьемъ домѣ, большая же часть свиты, въ томъ числѣ и я, въ палаткахъ. Къ сожалѣнію, весь день шелъ проливной дождь; ночлегъ въ палаткахъ представлялъ мало пріятностей. Нельзя было не осудить штаба Петербургскаго округа, выбравшаго для маневровъ въ присутствіи императора германскаго такой районъ, гдѣ не было дворцовъ, и пришлось лишать присутствующихъ всякихъ удобствъ.

Въ Нарвѣ, на принадлежащей т. сов. Половцеву фабрикѣ (бывшей Штиглица,) свита хотя и была помѣщена подъ крышей, но помѣщеніе было далеко не роскошное.

10-го утромъ при сильномъ дождѣ оба императора выѣхали на маневры. Не доѣзжая до деревни Чирковицы, Государь по предложенію Великаго Князя Владиміра Александровича повернулъ по проселочной дорогѣ направо, чтобы слѣдить за движеніемъ обходной колонны восточнаго корпуса. Дорога, размоченная большими дождями, оказалась ужасной; съ трудомъ можно было по ней проѣхать. Войска уже совершили обходное движеніе, дѣйствій не было. Государь остановился, настроеніе его было сумрачное. „Все это выдумалъ Бобриковъ“, сказалъ онъ съ сердцемъ; близъ него находящіеся генералъ-адъютантъ

Воронцовъ, графъ Шуваловъ и я слышали эти, столь немилостивыя для начальника штаба, слова.

Тутъ же было доложено императору Вильгельму, что Выборгскій имени его полкъ находится не въ далекомъ отъ стоянки Государя разстояніи. Испросивъ разрѣшеніе Его Величества поѣхать къ своему полку, онъ направился полнымъ галопомъ къ нему; за нимъ направилась германская свита и мы, русскіе, состоящіе при немъ. Полкъ оказался въ разстояніи не менѣе трехъ верстъ; все это пространство было пройдено полнымъ галопомъ, можно сказать карьеромъ. Лошадь моя страшно горячилась, и я удержалъ ее съ трудомъ, когда императоръ подъѣхалъ къ Выборгскому полку.

Обѣхавъ полкъ и поздоровавшись съ нимъ, его величество сначала намѣревался вернуться къ Государю, куда и направилась вся сопровождавшая его свита, за исключеніемъ меня и дежурнаго при немъ флигель-адъютанта (маіоръ Цисковицъ), но затѣмъ, измѣнивъ свое намѣреніе, онъ сталъ въ главу колонны, въ составъ которой входилъ Выборгскій полкъ. Колонна эта направлялась для рѣшительной атаки главныхъ силъ западнаго отряда къ селу Чирковицы, по отвратительной лѣсной проселочной дорогѣ. Во время этого движенія, была выдвинута начальникомъ колонны 1-ая резервная артиллерійская бригада для обстрѣливанія непріятельской позиціи.

Несмотря на отчаянную дорогу, бригада двигалась рысью съ посаженною на передки прислугою. Императоръ пришелъ въ восторгъ отъ лихости, съ которою было исполнено это движеніе. „Моя артиллерія не прошла бы такъ молодецки по подобной дорогѣ“, сказалъ онъ мнѣ. Въ той же степени заслужилъ его одобреніе бодрый видъ пѣхоты. „Несмотря на семь дней, проведенныхъ на бивуакахъ подъ постояннымъ дождемъ, солдаты смотрятъ отлично, и я не вижу ни одного недовольнаго лица“, выразился его величество.

Не думаю, чтобы императоръ восхищался въ той же степени дѣйствіями начальниковъ отрядовъ и нѣкоторыхъ изъ начальниковъ частей. Во 2-ой и въ особенности въ 3-ій день маневровъ было сдѣлано много ошибокъ, которыя бросались въ глаза и не могли пройти незамѣченными. Тѣмъ не менѣе его величество воздержался что-либо осудить.

Когда артиллерія вышла изъ лѣса и открыла огонь, императоръ остановился и просилъ меня ему доложить, когда на опушкѣ появится Выборгскій полкъ, слѣдующій вслѣдъ за 1-ю резервною артиллерійскою бригадою. Его желаніе очевидно было

встать передъ полкомъ и лично вести его въ атаку. Я немедленно сообщилъ начальнику колонны, барону Врангелю, а вслѣдъ за тѣмъ и командиру восточнаго корпуса генералу Данилову, что императоръ ожидаетъ появленіе своего полка. Къ сожалѣнію, полкъ своевременно не явился и показался на опушкѣ лѣса только тогда, когда Государемъ Императоромъ былъ данъ общій отбой и маневръ оконченъ. „Бѣдные солдаты, несомнѣнно они торопились“, сказалъ императоръ, „имъ не удалось еще разъ видѣть своего шефа“.

Немедленно по окончаніи маневровъ былъ сервированъ въ станціонномъ домѣ Чирковицы завтракъ, во время котораго Государь приказалъ пригласить всѣхъ начальниковъ частей въ ту комнату, въ которой онъ съ императоромъ Вильгельмомъ и членами Августѣйшей семьи сидѣлъ за столомъ. Поднявъ бокалъ и обратясь къ присутствующимъ, онъ провозгласилъ по-французски тостъ за здоровье германской арміи и ея доблестнаго вождя. Императоръ Вильгельмъ отвѣтилъ по-русски тостомъ за здоровье Императора Александра и русской арміи.

Маневры были закончены, и всѣ уѣхали въ Петергофъ, куда прибыли въ 8 часовъ вечера.

Въ 9 часовъ императоръ Вильгельмъ былъ у Государя въ Александріи на фамиліномъ обѣдѣ, для германской же свиты былъ сервированъ въ Большомъ дворцѣ гофмаршальскій столъ, куда и я былъ приглашенъ.

11-го августа утромъ императоръ сдѣлалъ визитъ Великимъ Князьямъ Николаю и Михаилу Николаевичамъ, завтракалъ у Государя въ Александріи, а затѣмъ катался съ Императорскою семьею по Петергофу.

Въ 7 1/2 часовъ вечера состоялся парадный обѣдъ въ Большомъ Петергофскомъ дворцѣ, на который были приглашены всѣ министры и нѣкоторые изъ лицъ свиты, убранство стола было великолѣпно, и обѣдъ не могъ не произвести сильное впечатлѣніе на иностранцевъ, въ особенности послѣ сравнительно убогой обстановки въ Нарвѣ и Гомонтовѣ. За обѣдомъ Государь Императоръ провозгласилъ по-французски тостъ за здоровье императора германскаго въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Пью за здоровье императора Вильгельма. Ура“. Императоръ германскій отвѣтилъ по-русски тостомъ за здоровье Императора Александра.

Отъѣздъ императора былъ назначенъ въ 10 часовъ вечера.

До пристани проводили его величество Государь Императоръ, всѣ Великіе Князья, лица свиты Государя и офицеры Выборгскаго полка. Тутъ императоръ сѣлъ на пароходъ „Александрію“, на которомъ направился на малый Крондштадтскій рейдъ, гдѣ его ожидалъ „Гогенцоллернъ“. Провожали его величество до Крондштадта германскій посолъ, генераль Швейницъ, и состоящіе при немъ: я, графъ Голенищевъ-Кутузовъ и графъ Бенкендорфъ.

Германская свита пошла въ каюту переодѣваться, туда же направились генераль Швейницъ, графъ Кутузовъ и Бенкендорфъ; я остался на палубѣ одинъ съ императоромъ. Его величество заговорилъ вновь о бывшихъ маневрахъ и повторилъ выраженное мнѣніе о достоинствахъ русской арміи.

Затѣмъ разговоръ принялъ политическій характеръ и былъ настолько интересенъ, что я постараюсь его дословно записать.

Императоръ выразилъ, что дружба между Германією и Россією традиціонна, что онъ себѣ представить не можетъ, чтобы когда-либо могла возникнуть война между сими державами, что не существуетъ никакихъ условій, которыя могли бы ее вызвать. Германскій народъ, сказалъ онъ, иногда раздражаютъ статьи въ нѣкоторыхъ русскихъ газетахъ, проповѣдывающія вражду въ Германіи, но что, послѣ послѣдняго свиданія съ Императоромъ Александромъ, онъ лично вполне успокоился, впредь не будетъ придавать значенія подобнымъ статьямъ, и нынѣ вполне увѣренъ въ устойчивости дружбы съ Россією ¹⁾.

О расширеніи Германіи онъ не помышляетъ и намѣренъ посвятить все свое время внутреннимъ реформамъ, въ которыхъ Германія нуждается.

Опасность для всей Европы, сказалъ императоръ, заключается въ анархистахъ и социалистахъ, неустанно работающихъ и имѣющихъ главный очагъ въ Франціи, откуда они распространяютъ свое вредное ученіе. Частыя его поѣздки по Европѣ, о которыхъ столько говорятъ, вызваны желаніемъ ближе сойтись съ монархами и убѣдить ихъ тѣснѣе сплотиться для дружныхъ дѣйствій противъ этого общаго врага.

Онъ, императоръ,—убѣжденный монархистъ, всегда твердо будетъ стоять за этотъ принципъ, что онъ убѣдился, что Им-

¹⁾ Какъ нагло фальшиво кажутся эти слова въ настоящее время (1916 г.), когда они напечатаны. Ред.

ператоръ Александръ человѣкъ такого же закала, и вполне раздѣляетъ его взгляды.

Германскій народъ ненавидитъ французовъ, и онъ съ нимъ въ этомъ вполне солидаренъ. Германцы не могутъ по настоящее время простить французамъ 1806-й годъ. Одна Бранденбургская провинція была обложена Наполеономъ I контрибуціею въ 6 $\frac{1}{2}$ миллиардовъ франковъ. До сихъ поръ населеніе выплачиваетъ долги, сдѣланные ихъ предками для уплаты этой колоссальной контрибуціи.

Французскую женщину онъ уважаетъ; конечно, и между мужчинами есть достойные люди, но они своего голоса подать не смѣютъ; общая же масса мерзость и гадость. Недавно онъ поздравилъ одного французскаго генерала телеграммою, по случаю назначенія его корпуснымъ командиромъ. Генераль этотъ, желая вѣроятно избѣгнуть подозрѣнія ярыхъ республиканцевъ, не посмѣлъ ему отвѣтить. Таковыя они всѣ.

Въ послѣднее время, добавилъ императоръ, установились между Франціею и Германіею, благодаря вліянію предсѣдателя комитета министровъ Фрейсине, вполне достойнаго человѣка, нѣсколько лучшія отношенія, но на долго ли. Фрейсине истратилъ громадныя суммы на преобразование арміи и подорвалъ этимъ экономическое благосостояніе страны, и поэтому едва-ли удержится долго у кормила правленія.

Франція, сказалъ императоръ, причина тревожнаго состоянія всей Европы, и оно не прекратится, пока она будетъ существовать. Онъ надѣется, что настанетъ время, когда русская и германская арміи вступятъ одновременно въ Парижъ и положить конецъ настоящему невыносимому положенію дѣлъ.

Все вышеизложенное было высказано императоромъ съ крайнимъ оживленіемъ.

Въ заключеніе его величество передалъ мнѣ, что въ Петергофѣ государственный канцлеръ Каприви былъ принятъ нашимъ Государемъ въ особой аудіенціи и произвелъ на него вполне благопріятное впечатлѣніе, чему онъ искренно радуется. Это человѣкъ разумный, твердый и прямодушный, добавилъ императоръ.

„Дай Богъ этому человѣку и впредь пользоваться довѣріемъ своего государя и быть полезнымъ совѣтникомъ своего впечатлительнаго и пылкаго юнаго монарха“, добавлю я.

Въ 11 часовъ вечера „Александрія“ прибыла на Кронштадтскій рейдъ, и императоръ Вильгельмъ, милостиво простившись съ своею русскою свитою, перешелъ на „Гогенцоллернъ“.

Мы двинулись обратно въ Петергофъ.

Прощаясь съ посломъ Швейницомъ, я спросилъ его, доволенъ ли онъ результатомъ свиданія двухъ императоровъ.

— Въ полной мѣрѣ, отвѣтилъ онъ, и въ этомъ во многомъ содѣйствовали.

Если въ любезномъ отвѣтѣ почтеннаго генерала была доля правды, то время нахожденія моего при императорѣ Вильгельмѣ было время не потерянное. Миръ нуженъ Россіи, а пока сохраняются дружескія отношенія между ею и Германіею, не быть войнѣ.

11 февраля 1891 г.

14-го января 1891 года мнѣ было объявлено командующимъ императорскою главною квартирою генералъ-адъютантомъ Рихтеромъ Высочайшее повелѣніе состоять при эрцъ-герцогѣ австрійскомъ Францѣ-Фердинандѣ Эсте во время предстоящаго пребыванія его императорскаго королевскаго высочества въ Россіи.

22-го января я отправился въ сопровожденіи флигель-адъютанта Пашкова навстрѣчу его высочества въ Варшаву, гдѣ и представился ему въ Праго-Вислянскомъ вокзалѣ. Эрцъ-герцога сопровождали: генералъ-лейтенантъ графъ Икскуль, полковникъ графъ Вурмбрандъ, управляющій его дворомъ, князь Шварценбергъ и князь Гогенлоэ.

Эрцъ-герцогъ Францъ-Фердинандъ молодой человѣкъ 27 лѣтъ, сынъ эрцъ-герцога Карла-Людвига, брата императора, ожидаемый наслѣдникъ австрійскаго престола.

Не стану подробно описывать время пребыванія эрцъ-герцога въ Петербургѣ и Москвѣ; это былъ непрерывный рядъ празднествъ, обѣдовъ, баловъ, смотровъ войскъ и осмотровъ всѣхъ достопримѣчательностей обѣихъ столицъ.

Государь Императоръ оказывалъ ему все время большое вниманіе; своею простотою, добродушіемъ и прямою онъ произвелъ на Его Величество, Государыню и всю Царскую фамилію весьма благопріятное впечатлѣніе и сумѣлъ завоевать общую симпатію.

Въ первый же день пріѣзда Государь пожаловалъ ему Андреевскую ленту и назначилъ его шефомъ Бугскаго драгунскаго полка, назначеніе это обрадовало несказанно эрцъ-герцога.

Никакое политическое порученіе на него не было возложено, тѣмъ не менѣе фактъ пріѣзда его въ Петербургъ указывалъ ясно на желаніе императора австрійскаго искать сближенія съ русскимъ правительствомъ. Эрцъ-герцогъ оцѣнилъ въ высшей степени оказанное ему Государемъ вниманіе, все видѣнное имъ въ

Россіи произвело на него чрезвычайно благоприятное впечатлѣніе, и выѣхалъ онъ изъ нашего отечества настоящимъ руссофиломъ. Я увѣренъ, что посѣщеніе имъ Россіи и оказанный ему почетный пріемъ облегчитъ наши дальнѣйшія отношенія къ Австріи. То же мнѣніе выражалъ мнѣ неоднократно сопровождавшій эрцъ-герцога генераль-лейтенантъ графъ Искюль, другъ графа Кальноки и австрійскаго посла въ Петербургѣ графа Волькенштейна.

Я находился безотлучно при эрцъ-герцогѣ во время его 16-ти-дневнаго пребыванія въ предѣлахъ Россіи, и онъ удаивалъ меня все время самымъ изысканнымъ вниманіемъ и оказывалъ постоянное довѣріе. Меня въ особенности поразили его отзывы объ императорѣ Вильгельмѣ II. „Этотъ человѣкъ“, сказалъ онъ мнѣ, „хочетъ самовластно управлять всею Европою, забывая, что есть и другіе монархи, столь же могущественные, какъ и онъ, къ тому же несравненно опытные въ веденіи государственныхъ дѣлъ“. „Относительно меня, прибавилъ онъ, „императоръ Вильгельмъ сдѣлалъ большую безтактность. Въ 1888 году онъ меня пригласилъ на охоту въ Ганноверъ, совершенно упустивъ изъ виду, что едва-ли мнѣ могло быть пріятно встрѣтиться съ нимъ въ этомъ городѣ. Король Ганноверскій, лишенный его дѣдомъ престола, былъ всегда вѣрнымъ другомъ Австріи, и въ настоящее время находящаяся въ изгнаніи, королева Ганноверская пользуется гостепріимствомъ императора Франца-Иосифа и искренною симпатіею австрійскаго императорскаго дома. Пребываніе въ Ганноверѣ оставило во мнѣ настолько непріятное воспоминаніе, что когда въ слѣдующемъ году императоръ Вильгельмъ меня вновь пригласилъ на охоту, я отклонилъ это приглашеніе подъ какимъ-то пустымъ предлогомъ, и съ тѣхъ поръ не видался съ нимъ“.

Въ той же мѣрѣ рѣзко эрцъ-герцогъ осуждалъ непостоянство императора Вильгельма II, только-что отчислившаго графа Вальдерзе отъ должности начальника генеральнаго штаба и уволившаго генерала Лещинскаго (корпуснаго командира) въ отставку.

„При подобной системѣ“,—сказалъ эрцъ-герцогъ, „императоръ рискуетъ потерять самыхъ полезныхъ и вѣрныхъ слугъ“.

Желая мнѣ выразить свою благодарность за мои попеченія и заботы о немъ, эрцъ-герцогъ сдѣлалъ наканунѣ своего отъѣзда визитъ моей женѣ. Она и графиня Волькенштейнъ были единственныя дамы, которыхъ онъ удостоилъ своимъ посѣщеніемъ въ Петербургѣ.

Я сопровождалъ эрцъ-герцога до Варшавы, гдѣ простился съ нимъ 7-го февраля самымъ сердечнымъ образомъ.

На другой день по возвращеніи въ Петербургъ, я представился Государю и отдалъ ему отчетъ о моей командировкѣ. Его Величество удостоилъ меня самого милостиваго приѣма.

27 марта 1891 г.

Пользуясь свободнымъ временемъ, продолжаю мои записки.

21-го ноября 1891 г.

Сегодня состоялось мое назначеніе членомъ Государственного совѣта.

О назначеніи этомъ я узналъ слѣдующимъ образомъ: Приѣхавъ въ Инженерный манежъ, чтобы присутствовать на церковномъ парадѣ л.-гв. Семеновскаго полка, я встрѣтилъ военнаго министра, который мнѣ сказалъ, что онъ по порученію Е. И. В. предсѣдателя Государственного Совѣта, во время бывшаго своего 19-го ноября доклада, предупредилъ Государя Императора, что Великій Князь Михаилъ Николаевичъ будетъ ходатайствовать о моемъ назначеніи членомъ Государственного Совѣта. „Его Величество“, присовокупилъ генералъ-адъютантъ Ванновскій, „повидимому соглашается на это назначеніе; онъ по-прежнему къ вамъ расположенъ и цѣнитъ вашу службу. Я спрошу сейчасъ Великаго Князя Михаила Николаевича, соизволилъ ли Государь на ваше назначеніе“.

Вслѣдъ за этимъ подошелъ ко мнѣ Великій Князь и объявилъ мнѣ, что Государь Императоръ назначилъ меня членомъ Государственного совѣта. „Когда Его Величество подойдетъ къ лицамъ, имѣющимъ представиться ему сегодня“, присовокупилъ Великій Князь, то подойдите къ нему, и принесите Ему вашу благодарность за назначеніе“.

Я такъ и сдѣлалъ. Государь сказалъ мнѣ, что онъ увѣренъ, что я въ званіи члена Государственного Совѣта, буду настолько же полезенъ, какъ во всѣхъ-должностяхъ, которыя я прежде занималъ. Къ этому Его Величество прибавилъ, что онъ назначилъ меня въ Департаментъ экономіи.

И такъ, опала съ меня снята!

26-го ноября 1891 г.

Вчера, 25-го ноября, я явился въ первый разъ въ общее собраніе Государственного Совѣта.

Большинство членовъ, въ томъ числѣ и Великій Князь Владиміръ Александровичъ, встрѣтили меня словами, что сердечно рады моему назначенію членомъ Государственного Совѣта, и давно ожидали это назначеніе.

Предсѣдательствующіе въ департаментахъ экономіи и законовъ, А. А. Абаза и Е. А. Перетцъ выразили мнѣ, что рѣдко вновь назначенный членъ Государственнаго Совѣта былъ встрѣченъ съ такимъ общимъ сочувствіемъ, какъ я.

Не мало удовольствія сдѣлалъ мнѣ этотъ сочувственный пріемъ.

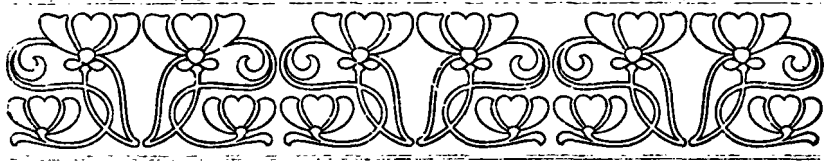
10-го января 1894 г.

Сегодня въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта военный министръ генералъ-адъютантъ Ванновскій при встрѣчѣ со мною отнесся ко мнѣ крайне невѣжливо, еле-отвѣтивъ на мой поклонъ. Я этому очень удивился, такъ какъ въ послѣднее время установились между нами вполне приличныя отношенія. Причина этой внезапной перемѣны въ обращеніи тутъ же выяснилась. Министръ путей сообщенія Кривошеинъ (другъ министра внутреннихъ дѣлъ И. Н. Дурново), взявъ меня въ сторону, разсказалъ мнѣ, что по всей вѣроятности мнѣ въ скоромъ времени предстоитъ быть назначеннымъ варшавскимъ генералъ-губернаторомъ и Командующимъ войсками Варшавскаго военного округа. Онъ сообщилъ мнѣ, что военнымъ министромъ представлены Государю Императору на этотъ, вслѣдствіе тяжелой болѣзни генералъ-адъютанта Гурко, открывающійся постъ, три кандидата: генералъ-адъютантъ Обручевъ, графъ Шуваловъ и князь Имеретинскій, и что Его Величество всѣхъ этихъ кандидатовъ отвергъ. „Несомнѣнно, Государь Императоръ имѣетъ Васъ въ виду“, прибавилъ А. К. Кривошеинъ. (Вѣроятно эти свѣдѣнія имъ были почерпнуты отъ И. Н. Дурново). Я отвѣтилъ ему, что увѣренъ, что не буду назначенъ, и считалъ бы это назначеніе большимъ для себя несчастіемъ; постъ варшавскаго генер.-губерн. и команд. войсками крайне трудный, въ особенности при явной ко мнѣ непріязни военного министра.

3-го мая 1895 года по возвращеніи изъ продолжительнаго заграничнаго отпуска я имѣлъ счастье представиться Государю Императору Николаю Александровичу.

Возвращаясь изъ Царскаго Села въ Петербургъ, я ѣхалъ въ одномъ вагонѣ съ ген.-адм. графомъ Шуваловымъ, незадолго передъ этимъ назначеннымъ варшавскимъ генералъ-губернаторомъ. Онъ разсказалъ мнѣ, что когда увольненіе ген.-ад. Гурко отъ должности генералъ-губернатора было рѣшено, Его Величеству были представлены два кандидата на этотъ постъ, онъ и я. „Будь ты здоровъ“,—сказалъ Шуваловъ, ты былъ бы назначенъ“. Насколько заявленіе графа вѣрно, не знаю.

(Окончаніе).

По поводу записокъ Н. А. фонъ-Розенбаха.

По поводу напечатанныхъ въ мартовской книгѣ журнала ст. „Записки Н. А. фонъ-Розенбаха“ редакция получила отъ У. А. Тевяшевой слѣдующее письмо.

Ред.

„Такъ какъ мнѣ неизвѣстно, кто издастъ записки Генер. Адъют. Розенбаха, сынъ или дочь его, то обращаюсь въ Редакцію журнала „Русская Старина“ по поводу статьи, вышедшей въ мартѣ 1916 г. касательно инцидента Гп.-Ад. Скобелева и касающейся моего покойнаго мужа Генерала Тевяшева и затрагивающей пѣкоторымъ образомъ и меня.

„Въ статьѣ говорится, что я отказалась принять Ген. Ад. Скобелева подъ предлогомъ, что не могу въ отсутствіи мужа принимать неизвѣстныхъ мнѣ людей. Это не отвѣчаетъ дѣйствительности. Было бы смѣшно, въ мои лѣта (мнѣ было уже 35—36 лѣтъ) выставять такой предлогъ, тѣмъ болѣе, что я знала Скобелева. Я познакомилась съ нимъ, при началѣ Турецкой кампаніи, которую дѣлала съ мужемъ, командиромъ Ахтырскаго Гусарскаго полка—на ст. Журжево. Когда первый снарядъ изъ Рушюка, попавъ въ станцію, разрушилъ одну изъ стѣнъ, въ публикѣ, ожидавшей поезда изъ Букареста, произошла паника. Скобелевъ, находившійся здѣсь же, старался успокоить метавшуюся толпу—приглашая всѣхъ подойти къ нему, такъ какъ онъ якобы застрахованъ отъ пуль и снарядовъ. Всѣ бросились къ нему—я осталась одна на своемъ мѣстѣ, чѣмъ обратила на себя его вниманіе. Узнавъ отъ сопровождающаго меня денщика мою фамилію, онъ представился мнѣ и

спросилъ, не боюсь ли я, на что я отвѣтила, что еслибъ боялась, то не шла бы на войну.

Значить, незнакомствомъ съ нимъ я не могла отговариваться отъ приѣма Скобелева—я просто не *хотѣла* его принять, предчувствуя, что вся эта исторія причинитъ большія непріятности мужу. А разсержена я тѣмъ, что полковой адъютантъ, обязанность котораго ограждать, а не подводить Полкового Командира, въ сообществѣ двухъ старшихъ офицеровъ нѣсколько разъ забѣгали ко мнѣ съ просьбой принять Скобелева, рассчитывая вѣроятно на его обаяніе. Я отвѣтила, что у входныхъ дверей есть звонокъ, что Ген.-Ад. Скобелевъ можетъ безъ всякаго посредничества позвонить, и если я буду дома, я его прийму. Но такъ какъ изъ словъ осаждающихъ меня г. офицеровъ прекрасно понимала, зачѣмъ Ген.-Ад. Скобелевъ желалъ меня видѣть, меня конечно не было дома—когда онъ позвонилъ”.

У. Тевяшева

